

ВАСИЛИЙ ПРИГОДИЧ

КОШАЧИЙ ЯЩИК

Избранные заметки для газеты
«London Courier», литературного
интернет-журнала «Русский Переплет»
и сетевого альманаха «Лебедь»

*«Не ступите сюда ногой,
ибо... здесь нехорошо»
(Н. В. Гоголь)*

Санкт-Петербург
2002

Вечная память

Умер Дмитрий Сергеевич Лихачев — человек-эпоха, человек-легенда... Тысячи питерцев простились с ним на траурной панихиде в Таврическом дворце, в Князь-Владимирском соборе (в ночь перед похоронами младшие коллеги ученого, сменяясь через час, читали над его гробом Псалтирь по старинному русскому обычаю), на скромном кладбище в академическом дачном поселке Комарово, где давно покоятся его старшие друзья: поэт А. А. Ахматова, великие филологи — академики В. М. Жирмунский и М. П. Алексеев. Естественно, на траурных церемониях были замечены представители московской политической тусовки (слетелось воронье), лихо выпивавшие и вкусно закусывавшие неподалеку от гроба, не подпустившие к своему славному пиру никого из коллег и учеников покойного академика (сказанное не относится к Н. И. Ельциной, которая держалась с истинным достоинством). Грустная страна Россия...

По контрасту с бездумно-фальшивой трескотней представителей московской (первопрестольной) политической элиты прощание с Д. С. Лихачевым было исключительно скорбным, трогательным, душевно интимным. Все понимали, что в северной столице, а, быть может, и во всей России, не осталось людей такого масштаба, ранга и стиля. И никогда уже не будет. А ведь я застал еще в живых бедно, но подчеркнута аккуратно одетых преклонных лет петербуржцев (стариков и старушек, любовников поэта и композитора Михаила Кузмина, любовниц Блока, Андрея Белого и Мандельштама) с голубыми сединами, помнивших иную (дооктябрьскую) жизнь, носителей духа Серебряного века, отсидевших, вернувшихся из лагерей, не

то, чтобы простивших советскую власть, но презрительно не обращавших на нее внимания (она-то, впрочем, о них никогда не забывала). Дмитрий Сергеевич и был последним из этого дивного «легиона», насельники которого давным-давно на небесах ведут утешительные беседы со своими кумирами. Правда, даже на десятом десятилетии жизни Дмитрий Сергеевич так и не стал стариком, оставшись элегантно очень пожилым *Мужчиной* (с большой буквы).

Все, кто лично знал покойного, никогда не забудут его пленительную истинно питерскую барскую повадку (речевую, жестовую, поведенческую). Натуральный (истинный, от Бога) барин никого не пинает сапогом в лицо, не унижает подчиненных, не срывает душу на родных и близких, не лебезит перед начальством (в житии Д. С. Лихачева — от лагерного «кума» до заведующих отделами ЦК КПСС и членами всемогущего в те десятилетия Политбюро), он светел духом, пародийно вежлив, добр, великодушен, всепрощающ, предельно (до комических курьезов) деликатен и обязательно автоироничен. Д. С. Лихачев в своей неподражаемой манере и тональности одинаково разговаривал с комаровскими бомжами, дачными алкашами-ремонтниками, с учеными и сумасшедшими дилетантами-истолкователями «Слова о полку Игореве», с коронованными особами и президентами СССР и России.

Я говорю об этом не с чужого голоса. В начале 1980-х годов мы подготовили к печати весьма нашушевшую в свое время книгу: Борис Пастернак. Воздушные пути. Проза разных лет (М., «Советский писатель». 1982, 1983; Дмитрий Сергеевич написал вступительную статью, ваш покорный слуга вместе с соавтором А. В. Лавровым составили комментарии; том вышел двумя тиражами по 100 тысяч экземпляров). Все давно забыли то славное прошлое, вернуться в которое нас призывают иные политические горлопаны. Ни в статье, ни в комментариях по цензурным условиям (кто сейчас помнит стальную советскую цензуру!) даже не

упоминается (есть только намеки) запрещенный тогда роман Пастернака «Доктор Живаго». Рецензент в газете «Нью-Йорк Таймс» упрекнул нас в незнании пастернаковского романа, после чего дикторы радиостанции «Голос Америки» в течение полугода читали роман вслух для россиян-незнаек-недоумков. Дмитрий Сергеевич был очень доволен, шутил и смеялся по этому поводу. Плотно общался я с покойным академиком в те страшные месяцы (зима-весна 1981 г.), когда сидели в знаменитой питерской следственной тюрьме «Кресты» (в одной камере) зять Д. С. Лихачева и замечательный историк литературы, правозащитник (мой старый добрый товарищ) Константин Азадовский. Тут было не до разговоров о Серебряном веке, обсуждался ассортимент тюремных передач и «всякое такое» (как принято теперь говорить в молодежной среде).

Никогда не забуду сорокаминутный телефонный разговор (Дмитрий Сергеевич позвонил мне, узнав об аресте Азадовского). Старый политический заключенный, с опытом Соловков и Беломорстроя, так «наезжал» на советскую власть, на питерское КГБ, лично на генерала (нынешнего яркого демократа) Олега Калугина (именно тот выдал санкцию на арест Кости), что мой телефон на несколько месяцев попал на чекистскую прослушку.

Дмитрия Сергеевича люто ненавидел тогдашний первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов. Академика было запрещено показывать по питерскому телевидению (даже в хронике). Московские бонзы (кремлевские и цековские), наоборот, были настроены по отношению к нему весьма лояльно. Объяснялось это вполне прагматически. Этим некультурным дяденькам льстило (пусть даже понаслышке) наличие в мировой культуре древнерусской литературы. Им было приятно ощущать, что у них за спиной стоят долгие, преисполненные молока и меда века; это создавало иллюзию легитимности режима. Древняя Русь, история античности, всего Древнего мира, история

западных философии и искусства, изучение Серебряного века — это были добротные «убежища» от советской власти со всеми ее неопишными и очень опасными прибабасами. Начальственная приязнь к академику не мешала ему оставаться «невъездным». Помню, как в начале 1970-х Дмитрий Сергеевич первый раз в жизни съездил за границу (разумеется, в Болгарию, где тамошний коммунистический владыка Т. Живков удостоил его высокого ордена; пришлось выпустить — неловко было). Академическая общественность помнит 250-летний юбилей Академии наук (1975 г.), отмечавшийся с невероятной помпезностью и пышностью. Все действительные члены Академии наук СССР были награждены орденами, кроме Д. С. Лихачева и А. Д. Сахарова. Дмитрий Сергеевич вел себя внешне политически корректно, однако «власти предержавшие» подсознательно ощущали его инаковость, иноприродность, инодуховность, интеллигентность (ни тогда, ни сегодня это никому не прощалось и не прощается).

Дмитрий Сергеевич был очень сложным человеком. И главные книги его весьма непросты для понимания и усвоения. Дарительные надписи академика на его трудах запоминаются удивительным почерком, стилизующим скоропись XVII века. Главные работы Д. С. Лихачева (удостоенного в угаре перестройки (1986 г.) никак не приложимого к его личности звания Героя *социалистического* труда): «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили», «Текстология», «Поэзия садов» и мн. др. — ориентированы на коллег, профессионалов, медиевистов всех стран и континентов. Однако высшей пробы интеллект не гнушался задушевного разговора и с рядовым читателем («Заметки о русском», «Прошлое — будущему», «Воспоминания» и т. д.).

Подлинными славой и всенародное признание принесли Дмитрию Сергеевичу его многочисленные (дозволенные в эпоху перестройки) телевизионные выступления по многоаспектным проблемам культуры.

Академик владел волшебным искусством просто и непритязательно (я бы сказал — весело и ласково) говорить о самых сложных вещах. Его узнала и полюбила огромная страна, к которой дотоле *так* не обращались с телеэкрана. Никто и здесь его не заменит.

Дмитрий Сергеевич всем всегда помогал — вплоть до пробивания жилплощади — о, как это было трудно — для сотрудников Института русской литературы (Пушкинский Дом), где служил и заведовал Отделом (сектором) древней русской литературы свыше десятилетий. Мне он дал рекомендацию в Союз писателей. Никто из людей, причастных к его орбите, не забудет доброты академика.

Российская историко-литературная (шире — общегуманитарная) корпорация в отчаянии, горе и ужасе. Умер великий гуманитарий, несравненный гражданин и человек. Личная беда каждого осложняется оборотами коллективной беды. Уход Дмитрия Сергеевича повлечет тяжкие последствия. Именно он своим общемировым авторитетом и влиянием санкционировал получение «грантов» на издание (речь не идет об оставшихся в прошлом авторских гонорарах, лишь об оплате бумаги и типографских услуг) многочисленных некоммерческих «культурных» книг самой широкой проблематики. Думается, что теперь никто и доллара не даст на издание подобных трудов. Ученые-гангстеры (такие были, есть и пребудут всегда), *стеснявшиеся* присутствия в жизни и культуре Дмитрия Сергеевича, теперь осмелеют, распояшутся, безнаказанно возьмут в руки перья-ножи и выйдут на околонучное «толковище». Гуманитарии уже дважды переживали такой «беспредел» после ухода из жизни академиков Жирмунского и Алексеева (1971, 1982 гг.).

Вот и все.. Пусть земля Вам будет пухом, незабвенный Дмитрий Сергеевич. До встречи в мире *ином*. Горько, больно, тяжело.

10 октября 1999 г.

Литературный хулиган

Не так давно на лотках уличных книготорговцев Питера и Москвы появился увесистый том: **Виктор Топоров. Двойное дно: Признания скандалиста. М., 1999; издательство «Захаров-Аст». Редактор И. В. Захаров. 464 с. Тираж 6000 экземпляров.** Читатель, без базара, в натуре, ты еще такой книжки не видел.

Мемуары (в особенности писательские) — самый лживый литературный жанр. В этой книге много правды, но какой... Был такой мемуарист Филипп Филиппович Вигель (1786–1856), прославившийся в своих до сих пор полностью (из-за скандальности) не опубликованных «Записках» (Ч. 1–7. М., 1891–1893; Т. 1–2. М., 1928) тем, что красочно описал пьянство и амурные похождения Пушкина (с извращениями от триппера), поглумился над декабристами и т. д. Вигель — детсадовец, умышленно опрокинувший горшок с содержимым на единственную юбку воспитательнице, по сравнению с господином Топоровым.

Виктор Топоров — известный поэт-переводчик, блестяще переложивший на русский язык (и опубликовавший — в наше время, когда серьезная литература — тем паче переводная — просто не издается, это очень важно) произведения Гете, Байрона, Э. По, Шамиссо, О. Уайльда и многих других классиков мировой литературы, в последние годы скандально прославился (новый Герострат) как критик-убийца, буквально расчленяющий на куски рецензируемых авторов (так прямо про него и пишут собратья по цеху: антисемитманьяк-литературный Чикатило, ей Богу). Пописывает Виктор Леонидович и на политические, геополитические, политологические и футурологические темы. Все его статейки читают, но никто в этом не признается

(стыдно и боязно, но сладко, ибо глумится он зачастую над коллегами и личными друзьями). Почитывают его не без тайного удовольствия не только литераторы и обыватели, торчащие на словесности (имя им — легион), но и политики (в частности, в личных разговорах с автором этой заметки в этом признавался вице-спикер Государственной Думы С. Н. Бабурин).

Широкое население, естественно, ничего не знает о Топорове, однако с удовольствием (теперь «все позволено» — бессмертны на Руси маркиз де Сад и Достоевский) повторяет его хитрые и нехитрые присловья, передающиеся из уст в уста, кочующие из газеты в телепередачу и обратно, в стиле: «Чубайса маленький оркестрик под управлением ЦРУ», «партия «Яблоко» — еврейская фракция КПРФ», «русскоязычный нееврей» (определение представителя титульной нации в государстве российском) и т. д. и т. п.

Тональность, в которой написана книга, чудно характеризует четверостишие В. Топорова, обращенное к вашему покорному слуге четверть века назад: «Не Брюсова, не Белого // Тебе я пожелаю, // А х.. /так !/ одубелого, // Как партия родная» (С. 290). При поверхностном взгляде книга представляется цистерной дерьма, вылитой на таких известных в Питере (и не только в северной столице) людей, как А. Кушнер, К. Азадовский, Я. Гордин, А. Арьев, В. Ширали, В. Кривулин, В. Попов, М. Яснов, Л. Карамян (покойный меценат), М. Генделев, Е. Вензель (фамилиям нет числа, укажем, что книга любезно снабжена именным указателем, дабы каждый, подвергнутый экзекуции, мог легко обнаружить себя, любимого, на конкретных страницах). Грязи, оскорбительного глумления, похабщины духовной (чрезвычайно откровенно разоблачающей автора вплоть до предельного «заголения» — словечко Достоевского здесь очень к месту). Говорил я своим литературным корешам: ну, давайте просто замолчим книгу, сделаем вид, что ее нет в литературе; не послушали, хлынул поток глумливых рецензий, пародирующих

стиль Топорова, и ни слова «по делу». Пришлось самому написать несколько абзацев.

Да, книга — мерзкая, *не великодушная*, мелочная, подловатая, просто постыдная, но.. бесконечно талантливая. Много в ней гадостей несказанных (о персонажах нашей совместной убогой совдеповской юности и молодости), но много и ума (на грани и за гранью *гениальности*), изящного и не изящного (многогранные рассуждения о судьбе России, о мировом и отечественном еврействе, о художественном переводе как рецепции иной культуры в русском слове в условиях тоталитарного режима и др.). Хихикнем над автором, его пророческая горечь в эсхатологических предсказаниях во многом обусловлена исчезновением (аннигиляцией) советских (гарантированных) писательских гонораров (бедные шестидесятники-семидесятники, что за блажь яростно разоблачать Союз писателей-министерство литературы, ежели ты всю жизнь стремился в него вступить, хоть тебя и не пускали). Полистайте эту книгу, разберитесь во всем сами, не пожалееете...

15 октября 1999 г.

«Лысый — в кепке — и простой»

Не знаю, смотрят ли «русские лондонцы-британцы» московское телевидение (у многих ли есть спутниковые тарелки?), в последние недели просто сорвавшаяся с цепи. Между каналами ОРТ (Б. Березовский) и НТВ (В. Гусинский) «тихо заплескалась рубка» (так писал М. Шолохов о сабельной атаке в «Тихом Доне»). Ан, телевизионная «рубка» отнюдь не тихая, а вызывающе громкая, скандальная и весьма опасная для доверчивых телезрителей. Первый канал по застарелой и неискоренимой привычке смотрят миллионы пенсионеров, которые привыкли (с этим ничего поделать нельзя) одновременно верить на сто процентов любому слову телеведущих и тут же сознательно (бессознательно) отвергать его как несусветную брехню (загадка советского и постсоветского телезрителя, тайна русской души).

Подкорректируем известную строку Блока из поэмы «Возмездие». Заменяем фамилию К. П. Победоносцева (обер-прокурор Синода при Александре III и Николае II, обскурант, гаситель либеральных идей) на иную, более актуальную. Итак, «Боб Березовский над Россией // Простер совиные крыла... » Борис Абрамович яростно «мочит» своего заклятого врага московского градоначальника и лидера движения «Отечество — Вся Россия» (в народе хлестко названо «Овраг») Ю. М. Лужкова. В сражении задействованы орудия самого большого калибра: С. Доренко, А. Невзоров, П. Шеремет. Журналисты-артиллеристы так садят по Лужкову фугасными зарядами, что гаубичникам и минометчикам, воюющим в Чечне, просто необходимо брать с них пример (эффективное целеуказание, кучность стрельбы, точность попадания).

Церберы Березовского вцепились в ляжки Лужкова, почуяли живую кровь, сомкнули челюсти и не отпустят жертву до тех пор, пока не услышат «откатную» команду хозяина. Мощная команда НТВ вяло пытается их урезонить, заряжая пролужковские передачи. Журналисты НТВ робко пытаются «наехать» на врагов Лужкова, но все тонет в либеральном, политически и нравственно корректном кухонно-интеллигентском словоблудии (увы !). Правительственный канал РТР с удовольствием, радостно потирая потные руки, следит за схваткой.

Обвинения, предъявляемые Лужкову, тривиальны для Матушки-России: удушение оппозиционной прессы, финансовые злоупотребления, перекачка «бабок за бугор» и т. д. Никто не знает, истинны они или ложны. Однако Юрий Михайлович плохо держит удар, впадает в истерику, злобствует, угрожает, запугивает, давит. Сказанное относится и к его супруге. Россия — страна чудес! В любом государстве сановник, получивший кувалдой в лоб такие обвинения, сложил бы с себя полномочия до выяснения обстоятельств, залег в больницу лечить выскочившие от переживаний чирья на ягодицах; у нас — ничего подобного. Облитый помоями мэр (заслуженно или нет — должен решать суд) продолжает обучать нас грядущему обновлению России, особому пути, русской идее и прочим благоглупостям. Хоть бы один лидер-харизматик сказал нации: урки, перед тем, как осчастливливать глупое человечество (принудительно, конечно), учить уму-разуму Европу и Америку, давайте перестанем мочиться и гадить в подъездах и лифтах, жечь почтовые ящики, бить стекла и лампочки, харкать на мостовую, опрокидывать урны и ломать телефонные таксофоны, а потом начнем честно работать, не воровать по мелочевке себе же в убыток, исполнять все обязательства, ответственно относиться к любому делу (от уборки мусора до выбора Президента). Все молчат «по делу», трендят только о «высоком».

Москвичи любят Лужкова, видимо, заслуженно: украсил и отстроил город, навел порядок, увеличил пенсии и т. д. Питерская литературно-художественная тусовка относится к московскому городскому «голове» с большой опаской. Поротые задницы (еще не забыто дивное прошлое) «интеллектуалов северной столицы» стимулируют (заднее место — надежнейший источник информации) кислые размышления о том, что ухари из «первопрестольной», нацелившиеся на торжественный въезд в Кремль, уготовили нам «славное» будущее: отгораживание от мира, православие-коммунизм (с человеческим лицом Лужкова-Примакова)-народность, возвеличивание великих и полное порабощение средних и мелких. Люди мечтают о «сильной» руке, о приходе всесильного и всеблагого «хозяина». Придет вселенский начальник, наступит сапогом на шею, обыватели возмечтают отыграть назад, ан — поздно... нельзя. Стоять — руки за голову — я тебе пофилософствую, падла.

Что-то будет... До выборов в Думу еще два месяца, а информационная война идет девятым валом, угрожая смыть и «воителей», и заказчиков (схватка между Березовским и Гусинским уже чрезвычайно ослабила их политический вес и финансовое могущество). Пошли нам, Господь, терпение и смирение.

29 октября 1999 г.

«В пучине мира мы — нечаянный огонь»

Это — строка из стихотворения Андрея Платонова (Андрея Платоновича Климентова; 1 сентября 1899 — 5 января 1951 г.) — гениального писателя, реформатора русской прозы, философа-утописта (антиутописта). Пушкинским двухсотлетним юбилеем настолько принудительно перекормили публику, что на столетие со дня рождения Набокова и Платонова никто толком и внимания не обратил, а зря.. Оба они — завершители величественного храма (барака, сарая — кому какое слово ближе) национальной прозы, возводившегося, как кельнский собор, в течение долгих столетий (начиная с «Жития» протопопы Аввакума). Читатель, сейчас не лучшее время для высокого искусства, серьезной литературы, однако помни, если Набоков и Платонов — дым, да, то Виктор Пелевин и Владимир Сорокин — тень от дыма.

Написать несколько абзацев о Платонове я решил (юбилей миновал, но лучше поздно, чем никогда), прочитав ночью его роман (неоконченный) «Счастливая Москва» (напечатан на закате «перестройки»). Платонов работал над книгой в начале тридцатых годов, имея за плечами неопубликованные роман «Чевенгур» и повесть «Котлован» — вершинные достижения своего творчества. После напечатания повести «Впрок» и рассказа «Усомнившийся Макар» Платонов вызвал высочайшую ярость Сталина (усатый батька не убил писателя, помиловал), шквал доносительно-зубодробительных рецензий с прямыми обвинениями в контрреволюции. Видимо, решив как-то обелить себя, реабилитировать в глазах критиков-следователей-прокуроров, пусть

и покрывив душой, писатель принимает участие в акции «Пролетарская Москва ждет своего художника» и пишет «Счастливую Москву» (имя главной героини романа Москва Ивановна Честнова). Однако правда таланта художника, его своеобразной философии, замешанной на причудливом слиянии ортодоксального марксизма с идеями русских «космистов» — прежде всего Н. Ф. Федорова, приводит его не к апологии социализма, а к гневному (возможно, не до конца осознанному) его отторжению. Мир обезбоженной столицы богоборческой социалистической империи ужасен (в романе нет никаких упоминаний о тюрьмах, казнях, чекистском садизме, голоде и т. п.). Ужас коренится в том, что люди, отказавшись от души, добровольно отдав ее дьяволу — строителю «дивного нового мира» (О. Хаксли), из одухотворенных существ, детей Божьих, «сотрудников» Господних превращаются в механических роботов, натужно выполняющих механические функции. Души как бы и нет (упразднена), но она страдает, мучается, мечется, кровоточит. Вот такое классовое «коллективное бессознательное» (да простит нам злую шутку основатель «аналитической психологии» Карл Юнг). В «Чевенгуре» и «Котловане» все проще: пламенная коммунистическая утопия перегорает в inferнальную антиутопию, читателю легче понять авторскую идею. «Ужасы без ужасов» намного страшней обыкновенных привычных «ужасов». Читателя завораживает, навечно оставляя в горьком плену, вязкий, клейкий, скрипучий, не поддающийся перекодировке язык писателя — безумного проектанта грядущего мира.

Гениальный прозаик прожил тяжелую жизнь, в 1921 г. его, потомственного пролетария, исключили из партии (клеймо изгойства навсегда), не печатали, травили, в 1938 г. арестовали пятнадцатилетнего сына, выпустили в 1941 г., через два года юноша умер от туберкулеза. От той же болезни умер и Платонов, но «своей» смертью, не от чекистской пули, не от непереносимых лагерных издевательств и лишений

(как многие из собратьев по писательскому цеху). Огненный дар Платонова был востребован лишь в годы войны, когда он, окопный корреспондент газеты «Красная звезда», издал четыре сборника военных рассказов, переведенных на иностранные языки. Многие десятилетия существовала слишком эффектная, чтобы быть правдой, легенда: после войны Платонов, мол, служил дворником в московском Литературном институте. Ложь. Замечательный питерский поэт и эссеист Виктор Кривулин рассказал мне, что Платонов жил на полковничью пенсию (как военный корреспондент) во флигеле Литературного института и, действительно, зимой расчищал снег дворничьей метлой перед входом в свою квартиру, но не торил светлый путь советским писателям-орденоносцам. Именно с метлой в руках запомнила писателя моя жена, когда «была ма-а-а-ленькой девочкой» (фраза из навязшей в ушах телевизионной рекламы). Отец жены — кинодраматург, лауреат Сталинской премии (за фильм «Адмирал Нахимов») — по каким-то неведомым делам брал дочку с собой в Литературный институт имени М. Горького (ну, не Платонова же). И по сей день Платонов — неизвестный писатель, слава ждет его, надеюсь, в новом веке.

16 ноября 1999 г.

«Игры во власть. Политика»

Почтеннейшие, возлюбленные читатели, примите поздравления с новым годом, новым веком, новым тысячелетием. Сподобил Господь, дожили до того магического (воистину) мгновения, когда воссияли волшебные цифры: 2000. Не верю я плутам-астрономам, их велеречивым байкам, мол, все начнется с 2001 г. и т. д. (смею думать, что все эти разговоры возгреваются серьезными дяденьками, которые хотят срубить бабки на двукратной встрече нового века и нового тысячелетия). На пресловутой компьютерной проблеме 2000 г. кто-то недурственно подзаработал, а? Что же новенького на родине нашей, потолкуем...

Название статьи я «стибрил» у Тома Клэнси, чей знаменитый триллер (написанный в соавторстве с Мартином Гринбергом) именно так и называется. Читателям «Лондонского курьера», полагаю, не надо объяснять, кто такой Том Клэнси. Так вот: фабула романа, написанного в 1997 г., — полное фуфло. В триллере Ельцин умирает 24 сентября 1999 г. (об этом идет речь на первых пяти страницах) от неумеренного употребления водки и аспирина, после чего и начинается основное действие: подковерная борьба за власть в России между членами назначенного правящего триумvirата (???) с террористическими взрывами в Нью-Йорке (в ночь на 2000-й год) с целью компрометации соперников, вождедеющих воссесть в курульное кремлевское кресло, и прочая лабуда. Жизнь — не политический триллер, она одномоментно и проще, и сложнее.

Российские газеты (всех оттенков — от желтого до красного) перед новым годом печатали политические гороскопы (я серьезно). Так вот ни одному астрологическому ухарю-провидцу звезды не прошептали на

ушко, что 31 декабря 1999 г. первый президент свободной России гордо и достойно уйдет в отставку. Шок, который пережила страна, докатился и до «туманного Альбиона». Поражает тот факт, что ни один представитель славной пишущей братии, изведшей тонны бумаги и ведра чернил на писания в стиле: Ельцин никогда и ни за что не отдаст власть, выборы президента будут отменены, в стране укоренятся режим чрезвычайного положения, ельцинская тоталитарная диктатура под эгидой пресловутой «семьи» и т. д. (откройте любую газету за последние год-два), — не покаялся, мол, простите, люди добрые, врал я, грешный, за деньги, больше не буду. Ничего подобного... Воистину, при коммунистах журналисты ввали в унисон, теперь врут вразнойбой (увы, не концептуальная разница). Старый больной лев когтистой лапой в мгновение ока смахнул все фигуры с шахматной доски. Что дальше — вот об этом и разговор.

Отшумели, как затяжной кислотный дождь с громом и молниями, выборы в Государственную думу. Проценты, полученные на выборах тем или иным избирательным блоком и объединением, нет нужды напоминать читателю. На мой взгляд, полную тотальную победу на выборах одержал Борис Абрамович Березовский. Блок «Единство» («Медведь»), инспирированный (я тщательно выбирал слово) Б. А. Б., добился выдающегося успеха, скоротечно возникнув из небытия и наплыв туманом на медальный профиль России. Думский мандат, полученный лично Борисом Абрамовичем, — мизерная часть громадного стратегического успеха. «Союз правых сил», чьи лидеры на время забыли о вечных интеллигентских кухонных скандалах и дрызгах, сумели собрать разум и волю в кулак и одержать победу (именно так, блистательно перейдя через пятипроцентный барьер) под победоносным знаменем несгибаемого А. Б. Чубайса. (Ну, как тут не вспомнить бессмертный слоган Виктора Топорова: «Чубайса маленький оркестрик под управленьем ЦРУ»). Отрадно, что в думу пришел

пионерско-скаутский отряд высококультурных, высокообразованных (внятных прежде всего) политиков-европейцев.

Полный провал потерпели «Отечество — вся Россия» и «Яблоко». Вспомним, летом «овраговцам» блазнился (рукой подать) въезд на белом слоне в Кремль под малиновый перезвон колоколов храма Христа-Спасителя. Им казалось, что власть валяется в луже под ногами, и только застарелый радикулит мешает Примакову-Лужкову поднять ее из грязи, помыть, причесать, напоить водкой и... употребить по принадлежности. Ан, нет. Впервые в российской истории показало свою мощь боевое применение черных «пиаровских» технологий (это я о телевизионных массивированных обстрелах, предпринятых дивизионом тяжелых скорострельных гаубиц Доренко-Леонтьева-Невзорова; не забудем и о блистательных плутнях Г. Павловского, выдающегося «пиарщика»-«интернетчика»). Г. А. Явлинский провалил избирательную кампанию, растеряв значительную часть своих стойких и преданных сторонников по той причине, что вел себя как анемичная истеричная барышня, тяжело страдающая нарушениями меноцикла (склочничал на теледебатах, скандалил, оскорблял людей, срывался и т. д.). «Яблоко» — серьезная, почтенная партия, Явлинский — серьезный, почтенный политик, однако багажа тотального герменевтического отвержения и отторжения «всего и вся» не хватит просто на пропитание в условиях длительного плавания в суровых арктических водах, которое предстоит России в ближайшие годы. Надеюсь, что «яблочники» оклемаются, воспрянут духом и докажут себе (в первую очередь) и всем, что есть еще порох в пороховницах. Гениальный престижиджитатор В. В. Жириновский (тайная, тщательно скрываемая, постыдная любовь российской интеллигенции) не подкачал. Дума без Владимира Вольфовича, как водка без пива. Лидер вечной и единственной проправительственной партии (при любом правительстве) еще не раз и не два (сто,

тысячу, миллион) порадует нас своими пленительными эскападами.

Теперь о коммунистах. Во время утомительно шумной избирательной кампании эти тертые и ушлые ребята вели себя тихо, как мыши на продовольственной базе. Никаких теледебатов, публичных выступлений, открытой пропаганды и т. д. Со «своими» избирателями шла четкая, тихая, полуподпольная работа: листовка из рук в руки, негромкий разговор в прихожей коммуналки, хрущобы или деревенского дома и т. д. Коммунисты получили очень много голосов. Многие высоколобые россияне (думаю, что и среди русских лондонцев таких не мало) тешат себя сладкой иллюзией, мол, нынешние коммунисты красные снаружи, а внутри — зеленые (цвета российско-американской национальной валюты, т. е. пресловутого вождя доллара-бакса). Возможно, сие упование приложимо к «ихней» (так теперь принято выражаться) верхушке, но в затылок им дышат звероподобные люди беспримесно краснокожие с красными потрохами и требухой. Товарищ Зюганов похвалялся, что они получают в новой Думе 300 голосов, это была бравада, рассчитанная на дурачков. Они знали, сколько голосов получат. Победа, натуральная победа коммунистов в третьей Думе — медицинский факт, но все об этом молчат.

В России царствует, страной управляет Владимир Владимирович Путин. Все так, но на 26 марта назначены президентские выборы. Под чекистско-самурайское знамя Путина-сегуна собираются влиятельнейшие владетельные князья-дайме (Лужкова-Примакова уже успели предать питерский губернатор Яковлев, татарстанский и башкортостанский ханы Шаймиев и Рахимов, ханы они и есть ханы). У Путина и его команды налицо и на лице «головокружение от успехов», об опасности которого промыслительно предупреждал великий пролетарский вождь В. И. Ленин. Кажись, все в кайф: поддержка губернаторов, карманных партий, лакействующих при любом режиме представителей

«творческой интеллигенции». Садись, царь-батюшка, на трон, возьми в десницу и шуйцу скипетр и державу, володей нами, холопами неразумными. Народ-дурак безмолвствует, т. е. никак не вякает. Тишина и благодать, ну, разве что вселенскую идиллию портят кровавые всполохи второй чеченской войны, впрочем, это дело поправимое (ежели навалимся и сдюжим)... Победа Путина многим (возможно, и ему самому) в первом туре представляется предопределенной промыслом Божиим и рвением отвязанных политтехнологов и телевизионщиков. Смею думать, что все так и будет...

13 января 2000 г.

Надмогильные надписи в стихах

Сколь много бездельников вещают с телеэкранов, сокрушаются в газетных статьях, мол, культура гибнет, высокоинтеллектуальные книги не печатаются, читатель деградирует, поглощая низкопробные детективы и слащавые «дамские романы». Вранье беспутное, добротные монографии выходят в свет, правда, если их авторы талантливы, умны, пишут «в тему и по делу». Именно о такой редкой в наши времена книге я и поведу речь.

Только что из-под типографского станка вылетела, как горячий пирожок из печи, монография доктора филологических наук Т. С. Царьковой «Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика», изданная под эгидой Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук Русско-Балтийским информационным Центром БЛИЦ (намеренно подробно указываю «координаты» почтенных учреждений, осуществивших столь благородный, но опасный в коммерческом плане проект; СПб., 1999).

Не часто бывает, чтобы научная монография читалась на одном дыхании долгие часы, как приключенческий роман, но в данном случае это так (ей Богу). Первая (пионерская в истинном смысле) монография заполняет зияющую лакуну в изучении жанра стихотворных кладбищенских надписей, опосредованно отражающих существенные составляющие мировоззренческого и конфессионального менталитета русской нации (уф, передохну, уж больно лихо закрутил фразу). Впрочем, все сие – святая правда. Перечислю заголовки глав книги: I. Определение эпитафии: Объем понятия. Источники; II. Эволюция жанра; III. Поэтика эпитафий.

Основное внимание автор уделяет впервые в таком объеме вводимым в научный оборот источникам эпитафий, историко-типологическому описанию «надгробных надписей», их классификации, долговременной (сквозь десятилетия) эволюции, изучению поэтики этих одномоментно наивных и глубоких специфических опусов.

Скрупулезно, с узорчатым умом и тонким вкусом применяя разнообразные методы филологического анализа, исследовательница приводит читателя к удивительно интересным, свежим, неожиданным, парадоксальным выводам (к каким, утаю; ценитель пусть сам разбирается, ежели возжаждет). Скажу одно: братья и сестры, не так уж плохи наши дела, ничего ужасного не может приключиться со страной, где так хранили память об ушедших (минус десятилетия советской эры). Вера, смирение, терпение, телесное ощущение сопричастности горнему и вечному (если вновь прорастут в душе, крови и плоти россиян после «экстирпации» 1917 г.) помогут починить, наладить и запустить маховик нормальной, человеческой, цивилизованной, согретой и надышанной прежними поколениями истории.

Иногда образцы жанра, преизобильно представленные в исследовании, поражают сокровенным фосфоресцирующим светом истины. Приведем надпись с могильной плиты «потомственного дворянина Л. Ф. Германа» (мир праху его), похороненного в 1904 г. на Старом кладбище города Ефремова Тульской губернии: «Смерть есть жизнь // В бессмертном Боге, // Жизнь есть смерть // В своем итоге». В этих безыскусных словах просвечивает некая — пленительная и губительная — голова кружится и виски холодеют — тайна. Такого ранга тексты щедро рассыпаны на страницах книги.

Привлечет читателя и толковый разговор об эпитафиях-эпиграммах, которые предназначались не умершим, а живущим современникам. Вот ярчайший перл (Н. Ф. Щербина — И. И. Панаеву): «Лежит здесь, вкушая

обычный покой неизвестности, // Панашка, публичная девка российской словесности».

Много внимания автор уделяет «серьезным» и ироническим эпитафиям, созданным профессиональными поэтами разных веков и эпох. Прочитируем одну, принадлежащую перу крупнейшего представителя «лианозовской школы», нашего современника Игоря Холина: «Умерла в бараке 47 лет. // Детей нет. // Работала в мужском туалете... // Для чего жила на свете?» Есть все же феноменальный, кощунственный, богоборческий нравственно-этический изъян в постмодернистском миропонимании и миропереживании. С содроганием думаю о том, что в своем посмертном пакибытии поэт «въехал»: недалекие, «простые» люди угодней Господу, нежели высокоодаренные и «сложные».

Читательское внимание привлечет, несомненно, и нетривиальный анализ многочисленных поэтических автоэпитафий. В копилку исследовательницы вношу свою лепту; «сей секунд» накарябал: «Под камнем сим // Судьбой гоним (вариант: Женой храним) // Лежит Сергей // Поэт, не гей. // Нелысый «непидарас». // Певец пролетарских масс. // Мирянин, не иерей. // Русскоязычный нееврей» (Сергей — мое родовое имя; Василий Пригодич — литературный псевдоним). Юморок — сомнительно-висельнический, но вполне в духе «актуально-репрезентативных» постмодернистских штудий.

Монография завершается разделом «Дискуссионные вопросы», где, полемизируя с предшественниками и подводя итоги исследования, автор пунктиром намечает путь продолжателям и последователям. Отличная книга. Главное достоинство ее — мощная генерация читательской мысли.

5 февраля 2000 г.

Кто такой Пелевин?

Виктор Пелевин привлекает к себе наибольшее количество определений «самый». Он — самый обсуждаемый и раскупаемый писатель в России, он самый издаваемый за границей русский писатель, он автор самого на шумевшего за последние годы романа «Чапаев и Пустота», его творчество вызывает самое большое количество хвалебных и ругательных отзывов критиков и, наконец, он самый загадочный писатель в России — почти не дает интервью и не встречается с читателями. Тем не менее Пелевин согласился (впервые) встретиться с читателями в Лондоне, ответить на вопросы и даже любезно оставить автографы на своих книгах.

Виктор Пелевин стал известен как фантаст: его рассказы появлялись в сборниках и в журнале «Химия и Жизнь», где в то время был лучший раздел фантастики. Известность молодого прозаика не выходила за пределы круга поклонников этого жанра, хотя ни к так называемой «научной фантастике», ни к *fantasy* его рассказы отношения не имели. В результате первый сборник пелевинских рассказов «Синий фонарь», хотя и исчез с прилавков почти мгновенно, остался сначала незамеченным так называемой серьезной критикой. На следующий год «Синий фонарь» получает Малую Букеровскую премию как лучший сборник рассказов 1992 года, вскоре одна за другой выходят три на шумевшие книги писателя: «ОМОН Ра», «Жизнь насекомых» и «Желтая стрела».

Сегодня Виктор Пелевин, которому всего 37 лет, безусловно, бесспорно, непреложно является одним из самых популярных (прямо скажем — прославленных) отечественных прозаиков — не только за рубежом,

где его книги переводятся одна за другой, но и на родине. Номера журнала «Знамя», где впервые был опубликован его роман «Чапаев и Пустота» шли нарасхват, как горячие пирожки, так раскупали экземпляры «толстых» журналов лишь во времена полузабытого читательского бума, пресловутого «угара» пресловутой «перестройки». Когда же роман вышел отдельным томом в престижной черной серии уважаемого издательства «Вагриус», он очень долгое время оставался самой покупаемой и продаваемой НЕДЕТЕКТИВНОЙ (увы, мир грустен) книгой в России.

Виктор Пелевин не занимается саморекламой, как многие авторы и избегает журналистов. Позвонивших ему приветствует в автоответчике вежливый дамский голос: «Вы набрали такой-то номер. Оставьте ваше сообщение после гудка. Интим и Гербалайф не предлагать». Про него ходят самые невероятные слухи: мол, он — на самом деле — бандит, контролирующий сеть коммерческих ларьков, или, к примеру, писатель дал обет молчания и ни с кем не разговаривает. Впрочем, как сказано в гениальном анекдоте: одно другого не исключает...

Пелевин свято верует (не без пленительного плутовства) в тотальную иллюзорность реальности, в которой мы живем, а, точнее, полагаем, что живем. Он то и дело обворожительно моделирует другие миры и рассказывает альтернативные версии жутковатой российской истории: то центр управления Совдепией находится в подземельях под Кремлем (а не в умах и сердцах верных ленинцев) — «Повесть огненный лет». То горбачевская перестройка происходит в результате мистических экзерсисов туалетной уборщицы Веры Павловны, сосланной в роман Чернышевского «Что делать?» в наказание за «солипсизм на третьей стадии».

Захватанная жирными пальцами площадных мистиков-колхозников грань между жизнью и смертью в творчестве Пелевина размыта. Так, герои «Вестей из Непала» и «Синего фонаря» вдруг начинают понимать,

что они — мертвяки, а старая шаманка легко вызывает из «нижнего мира» души погибших на войне немецких летчиков, чтобы русские девушки, выйдя за них замуж, могли уехать за благословенную границу («Бубен Верхнего Мира»).

Однако, по мнению художника, в наших силах осознать иллюзорность своей жизни, поднять ржавое забрало житейской пошлости и «ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА» и выйти под стерильный свет солнца подлинного Бытия. Так это и происходит с героями его последних книг: цыплятами-визионерами, вырывающимися из окна птицесовхоза («Отшельник и Шестипалый», мотыльком-мыслителем Митей, превращающимся в светлячка («Жизнь насекомых»), загадочным рассказчиком «Желтой стрелы», сошедшим в конце концов с бесконечного поезда, несущегося к «разрушенному мосту», а также с Чапаевым, Анной и Петром Пустотой, которые погружаются в финале романа в УРАЛ — «Условную Реку Абсолютной Любви».

«Чапаев и Пустота» — лучший метафизический роман в лучшей в мире русской метафизической литературе. Впрочем, все не так-то у Пелевина и просто, очень возможно, что все эти духовные и телесные приключения происходят не с пелевинскими персонажами, не с автором, а с читателями...

Господа, товарищи, леди и джентльмены! Пелевин — совершенно изумительный повествователь, избалованный автор профессиональных комментаторов, которые «торчат» на нем в самом высоком и многоаспектном смысле этого великого русского марксистско-ленинского глагола (я торчу, следовательно, я существую). Понятно, что серьезный комментарий к любому пелевинскому творению в десятки раз по объему превзойдет авторский текст — можно и в голове играть на баяне без баяна. Пелевинская проза — неслыханный интеллектуальный наркотик.

И последнее: среди писателей (прекрасных, высокоталантливых и даже гениальных) поразительно много

дураков в самом расхожем смысле этого слова. Так вот, Пелевин — художник невероятного ума, — мудрец-духовидец, мистик-визионер. в самом подлинном значении... К тому же и читать его — НЕВЕРОЯТНО ИНТЕРЕСНО.

9 февраля 2000 г.

8

Круче, чем Умберто Эко

Московский писатель Борис Акунин (псевдоним элегантен и прозрачен: Б. Акунин — Бакунин) осуществил блестящий проект, выпустив в издательстве «Захаров» (1998–2000 г.) серию книг: «Азазель» (конспирологический детектив, время действия — 1876 г.), «Турецкий гамбит» (шпионский детектив, время действия — 1877 г.), «Левиафан» (герметичный детектив, время действия — 1878 г.), «Смерть Ахиллеса» (детектив о наемном убийце, время действия — 1882 г.), «Особые поручения» (повесть о мошенниках — «Пиковый валет» и повесть о маньяке — «Декоратор», время действия — 1886, 1889 гг.), «Статский советник» (политический детектив, время действия — 1891 г.), «Коронация, или последний из романов» (великосветский детектив, время действия — 1896 г.). Я специально столь тщательно воспроизвел подзаголовки книг Бориса Акунина для того, чтобы читатель получил хотя бы приблизительное представление об их жанровой принадлежности. Автор плутует: его перу принадлежат детективы, тесно переплетенные с приемами авантюрно-приключенческого романа, что только увеличивает их притягательность и привлекательность (в стиле и духе занимательного, но монотонного многотомного цикла романов Пьера Алексиса Понсона дю Террайля о похождениях пресловутого Рокамболя с тем существеннейшим отличием, что книги Бориса Акунина чрезвычайно компактны и сюжетно, и по объему).

Подзаголовок последнего романа, представляющий собой двусмысленный перевод заключительной английской фразы (речь идет о последнем российском императоре), содержит намек на то, что данное произведение — заключительное в серии. Однако издательство

анонсирует новые книги Бориса Акунина: «декадентский детектив, этнографический детектив, мистический детектив, недетективный детектив» и др.

Книги писателя пользуются широким успехом у публики (в питерских магазинах книготорговой фирмы «Снарк» они расхватываются на лету, как горячие пирожки; до уличных лотков просто не доходят). Романы акунинской серии удостоились сверхкомплиментарных рецензий в самых фешенебельных периодических изданиях (от «Коммерсанта» до «Известий»). Критики долго гадали о том, кто является создателем этих книг (авторство даже приписывали владельцу издательства). Недавно маска была сорвана. Под псевдонимом Борис Акунин укрылся известнейший специалист по истории японской литературы и культуры, заместитель главного редактора почтеннейшего «толстого» журнала «Иностранная литература» Г. Ш. Чхартишвили. Раскрытие псевдонима и научной специализации автора объяснило вызывавшее недоумение у критиков перенасыщенность романов тонкими японскими реалиями и аллюзиями. Другом-службой-наставником «сквозного» героя — сыщика-следователя-любителя Эраста Петровича Фандорина («толстый» намек на журналиста Фандора, героя бесчисленных французских романов и фильмов о гениальном преступнике Фантомасе) является японец Маса.

Читатель, мне нет нужды пересказывать сюжеты бакунинских романов: они настолько заняты, занимательны и сложны, что даже пунктирное изложение любого из них превысило бы объем моей заметки. Поверь мне на слово, они стоят того, чтобы взять их в руки. Романы Бориса Акунина можно читать в любой последовательности, ибо каждый из них представляет собой особый замкнутый мир. Эти книги можно и глотать, как увлекательное бульварное «чтиво», и медленно смаковать, как хитроумные (тщательно зашифрованные) постмодернистские тексты («центоны»), в которых невероятно талантливо стилизуются (пародируются):

нет — одномоментно стилизуются и пародируются) сюжетные ходы, темы, «дух и плоть» великой русской классической литературы (Лермонтов, Толстой, Достоевский и т. д. и т. п.). Например, в финале повести «Декоратор» обыгрывается (серьезно и пародийно одновременно) развязка рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник». В акунинских книгах много дивной литературной игры, словесного карнавала, вербальных изысков и исхищений самой высокой пробы.

Главное — читать Бориса Акунина *ужасно* интересно (так теперь принято изъясняться): погони, перестрелки, убийства, ограбления, переодевания, умственные поединки и т. д. Книги невероятно экспрессивны и динамичны. Я упомянул в заголовке имя знаменитого Умберто Эко, автора всемирно известных романов-трактатов «Имя Розы», «Маятник Фуко» и «Остров накануне». Первая книга захватывающе увлекательна, две последующие, увы, — псевдоученая тягомотина для высоколобых интеллектуалов (точнее, для персон, причисляющих себя к таковым). Книги Эко перенасыщены средневековыми христианскими (псевдохристианскими) реалиями и аксессуарами в католическом изводе, что не всегда по сердцу русскоязычному читателю. Борис Акунин великолепно знает реалии старой императорской России, тонко внедряет их в сознание и подсознание читателя, подводит к несложным сопоставлениям с современностью (разумеется, не в пользу последней). Помимо всего прочего, романы Бориса Акунина представляют собой некий занимательный справочник по истории России последней четверти XIX века. Читать такое просто усладительно, приятно и славно.

Свойствен писателю и весьма своеобразный юмор, так, популярнейшая желтая газета именуется «Московский богомолец», недурно, а? Еще: в романах упоминается его светлость князь Корчаков (речь идет о величайшем русском дипломате, однокашнике Пушкина по Лицею светлейшем князе (с 1871 г.) А. М. Горчакове).

В титуловании князя автор намеренно опускает слово светлейший, прекрасно зная, что просто к князю обращались «Ваше сиятельство», а к «светлейшему» — «Ваша светлость». Изящная шутка сурового знатока. Читатель, тебе все это покажется чепухой, но это — юмор для посвященных и «продвинутых» Подобные примеры можно тысячекратно умножить... На закуску: в романе «Азазель» выщучиваются пресловутые «Протоколы сионских мудрецов».

Естественно, Борис Акунин пародирует и классиков детективного жанра: прежде всего Артура Конан-Дойла и Агату Кристи, творцов двуединых героев (сыщики и их alter ego) — Холмс-Ватсон и Пуаро-Гастингс. Персонажи английских авторов, видимо, гомосексуалисты, их доблестные помощники — бисексуалы (намек на это щедро рассыпаны на страницах романов и рассказов сэра Артура и леди Агаты). У московского писателя и Фандорин, и Маса — оба бисексуалы, хотя их создатель дает понять читателю, что их духовная связь иногда выходит за рамки приличий, канонизированных позапрошлым веком).

Читатель, я никоим образом не рекламист, но поверь, если ты прочитаешь хотя бы одну книгу Бориса Акунина, то потом жадно проглотить их все...

30 марта 2000 г.

Б. Акунин и белая собака (сивая кобыла)

Любезный читатель, вдруг, о везение, тебе попала на глаза моя предыдущая заметка о цикле романов Бориса Акунина (Г. Ш. Чхартишвили), объединенных сквозным персонажем — сыщиком Эрастом Фандориным. Увы, заключительная книга с характерным заголовком «Коронация, или последний из романов» действительно завершает серию. Писатель расстался с Фандориным, на время, навсегда — Бог весть? Однако взыскательная публика недолго горевала, пребывая в неизвестности: писатель и издатель, как горячий пирог к 130-летней годовщине со дня рождения В. И. Ленина, выпустили в свет пилотный роман «Пелагия (так!) и белый бульдог» с подзаголовком «Провинциальный (так!) детектив» (М., «Захаров», 2000). Сравнение с горячим пирогом — не преувеличение, а уж тем паче — не шутка, сам позавчера видел, как с лотков у Московского вокзала люди просто расхватывали эту изящно изданную — далеко не самую дешевую — книгу (оформление А. А. Кудрявцева).

Итак, в новом романе автор заменил героя — блистательного столичного следователя-денди (вспомним бессмертное школьное литературоведение: персонаж — от романа к роману — был «дан в развитии»; Фандорин мужал и отковывал дух) — на юную скромницу-монахиню Пелагию (в миру: Полина Андреевна Лисицына), которая по поручению правящего губернского архиерея Митрофания проводит сложнейшее и увлекательнейшее расследование цепи загадочных убийств (собак и людей; именно в такой последовательности). Первое, что приходит на ум и мне, и тебе,

читатель: бессмертная Агата Кристи... замена Эрjouля Пуаро на мисс Марпл. Э, нет, не все так просто. Пуаро и старушка Марпл — ощутимо телесные, но почти бесплотные существа, носители «чистого духа». Главные герои Бориса Акунина — люди земные, с горячей кровью и плотью. Именно по этой причине монахиня Пелагия прячет свое юное тело (отточенный интеллект и недюжинный темперамент) под бесформенным монашеским одеянием, уделяя особое внимание душевной аскезе. В интересах следствия монахиня сбрасывает на время клобук монахини, превратившись в молодую московскую вдовушку, за которой тотчас же начинают увиваться поклонники. Это-то за монахиней... Занятно.

В основу романа (я никоим образом не намерен раскрывать основную интригу), действие которого происходит в городе Заволжске в благословенную (так принято теперь считать!) эпоху Александра III, положено подлинное, так называемое Мултанское дело (1892–1896 гг.), всколыхнувшее всю Российскую Империю, когда несколько крестьян-удмуртов (из села Старый Мултан Вятской губернии) в рептильно-политических целях были облыжно и предвзято обвинены жандармерией и полицией в совершении ритуальных языческих убийств. Пять лет безвинные люди просидели в тюрьме, выдержав допросы с пристрастием, избиения и издевательства. Тогдашний Солженицын (я не шучу) — прозаик и публицист Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) при помощи неподкупного юриста А. Ф. Кони (1844–1927) с невероятным трудом добился оправдательного приговора (суд вопреки противодействию «властей предержавших» был гласным и честным). Уже по этой причине роман стоит прочесть... Ох, и хитер же автор.

Книга не просто ярко и увлекательно написана, она представляет собой лакированную шкатулку с двойным дном. Пелевин, ей Богу, отдыхает. Борис Акунин в своем первом детективе из новой серии иронично,

но как-то по-доброму пародирует великий роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (стиль, тональность, язык, проблематика, но «пейзажи» — авторского куража ради — как у Тургенева!!!). Действие происходит в губернском городе, который очень напоминает Скотопригоньевск из книги «Бесы». Образ повествователя (проницательного, всезнающего и всеведущего) весьма «смаживает» на фигуру рассказчика из переведенного на все основные языки шедевра русского классика. Прделано все это ненавязчиво, не в лоб, с сардонической усмешкой, но совершенно сознательно и намеренно. Кстати, сам Федор Михайлович неоднократно упоминается на страницах романа Бориса Акунина, более того, автор на полутора страничках предлагает нетривиальное истолкование романа «Преступление и наказание». Какое? Читатель, узнай сам. В романе Достоевского областью и городом правит присланный повелитель фон Лембке, натурально, у Акунина — барон фон Гаггенау (со всеми полукомическими фиоритурами). Писатель очень любит игру с фамилиями реально существовавших исторических персонажей. Например, в книге многократно упоминается обер-прокурор Синода Константин Петрович Победин (вместо: Победоносцев); один из персонажей наделен редкой фамилией Поджио (ее носили братья-декабристы Александр и Иосиф).

Касается (правда, вскользь) Борис Акунин пресловутой проблемы «крови по совести», впервые гениально сформулированной Достоевским (мол, бунтари-революционеры — спасители человечества убьют топором никчемную старушонку, вырежут несколько миллионов россиян и наступит рай, «благорастворение воздухов», свобода, равенство, братство, коммунизм и т. д.). Писатель-современник знает, к чему привело кровавое воплощение подобных теорий в недавней истории нашей родины, однако великодушно оставляет решение и разрешение темы «крови по совести» уму и сердцу читателя, который должен все принять

или отвергнуть сам, в одиночку, прочувствованно и осознанно.

Помимо увлекательной интриги, внимание привлекает образ владыки Митрофания, премудрого и всепрощающего, фактического управителя губернии, наставника и покровителя по следственной части девицы Пелагии. Владыка с подачи Акунина предлагает вниманию читателя весьма злободневный и занятный трактат (в духе «Как нам обустроить Россию»), состоящий из трех частей: «О чиновничьем сребролюбии», «О законопослушании», «О достоинстве». Трактат, кстати, весьма дельный, хотя автор и не отказывает себе в удовольствии зло подшутить над проблематикой и тоном нынешней (сегодняшней) добросовестной и занудной (до судорог в скулах) «белой» прессы.

Сколь редко бывает, чтобы, ну, из какой-либо «высокой» книги удалось вычитать стоящую мысль. У Бориса Акунина — в его спроектированно развлекательной книге таких — сколько угодно. Например, владыка поучает новоназначенного губернатора: «Люди бывают разные, есть и хорошие, и плохие, но по большей части они никакие, навроде лягушек, принимающих температуру окружающей среды. Тепло — теплые, холодно — холодные. Надобно сделать так, чтобы у нас в губернии климат потеплел, и тогда люди потеплее, получше станут. Вот в чем единственный долг власти — правильный климат создавать, а об остальном Господь позаботится, и сами люди не оплошают. /.../ Законность, сытость, просвещение. И более ничего-с. /.../ Люди исполняют только те законы, которые разумны и выгодны большинству. /.../ И соблюдать надо только те человеческие законы, которые божеским не противоречат». Простенько так, якобы поверхностно, но по делу. Ничего в России-Матушке не меняется, простые и наивные слова высокопреосвященного и сегодня звучат, как «глас вопиющего в пустыне». Разумеется, в словах владыки тонко и зло вышучивается разночинское (революционно-демократическое)

понятие пресловутой «среды», которая, натурально, «заела»...

Вот такая книжка. Я приоткрыл лишь малую толику секретных ящичков, искусно в ней упрятанных. Прочитай, не пожалеешь.

25 апреля 2000 г.

Сетевая литература («сетература»)

Любезный читатель, тебе давно уже набили оскомину досужие и недосужие разговоры о том, что Интернет изменил судьбы мира и т. д. В принципе — это святая правда, ибо информационная компьютерная Сеть и советская власть (да и любой иной террористический режим) — явления несовместные. Разумеется, сеть задыхается от переизбытка порнухи, развлекухи, оккультных безумств, дурацкой рекламы и т. п. Однако это все — пена (щепки, мусор, грязь) на поверхности нового великого WEB-океана, а под ней — теплые живоносные глубины, богатые планктоном разнообразнейших познаний, населенные невероятно красивыми экзотическими рыбками. Да-с. Правда, выудить такую сияющую всеми цветами радуги рыбину и высветить ее на мониторе компьютера достаточно затруднительно. Вот об этом и поговорим, точнее, о «сетературе» (русской, разумеется). Есть такое слово! Есть такая партия!

Сетевая литература (приложимы определения: серьезная, высокая (!!!), некоммерческая и т. д.) — вещь абсолютно новая, от роду ей всего годика два-три. Дитя еще только лепетать учится, но уже сейчас от его громоподобного рыка сотрясаются стены, рушатся репутации, приходит и проходит мода на того или иного автора. Поразительное качество сетевой литературы — ее мгновенность, синхронность, одномоментность.

Приведу пример, как солдат Швейк, из собственной практики. За тридцать лет литературной работы я принял участие (как автор, составитель, комментатор) в издании ряда дельных, толковых и престижных

книг. Как было дело раньше: работаешь, ведешь переговоры, через год с тобой заключают (или не заключают, тогда пошел вон) издательский договор, сдаешь машинопись, ее вставляют в издательский план, через полтора-два года книга, миновав Сциллу и Харибду цензуры, выходит в свет. Ежели книжка хорошая — весь тираж — под прилавок и к спекулянтам. Читатель платит десятикратную цену. Через полгода кто-то напишет рецензию, еще через полгода ее напечатает «толстый» журнал. Так из года в год. И вот в конце столетия произошел литературно-технологический взрыв. Например, третью книгу моих стихов в апреле я послал по Сети в солидное питерское издательство; все обговорено, жду верстку. Вчера получил сетевой отзыв от одной очень умной, злой и элегантной критикессы, который начинается пленительной и услаждающей (для меня) фразой: «Я счастлива, что кому-то кроме меня еще мерзок Пелевин, недоуменен Акунин и не восхитителен Пригодич». Подписываюсь обеими руками. Все по делу. Оперативность! Скорость! Впрочем, Пелевина я люблю, Борис Акунин мне по уму и сердцу, а от собственных стихов я и сам не в телячьем восторге.

Творцы «сетературы» (и там есть свои боги, титаны и герои) вообще в запальчивости склонны утверждать, что компьютерные художественные тексты не имеют ни малейшего отношения к прежней «бумажной» прозе, поэзии и критике. Преувеличение, ребячество, но есть в этом и какая-то проклевывающаяся, не явная и не ясная пока правда. Год назад я не поверил своему старому другу, отличному питерскому поэту Виктору Кривулину, который сказал, что серьезная литература уходит в Сеть, а, как выяснилось, не поверил зря. Ей Богу, уже ушла...

Итак, читатель, включай «машину», «иди» в Интернет. Даю первый адрес: nagrada.ru — в принципе, ты найдешь здесь исчерпывающий список сайтов русской интеллектуальной Сети. Выбирай на свой собственный

вкус. Конечно, стоит «зайти» и в «Библиотеку Максима Мошкова» (адрес самый простой: lib.ru). Мошкову, без базара, когда-нибудь поставят в Москве памятник: он вместе с группой единомышленников за несколько лет объединил в своей библиотеке всех авторов русской Сети (гигантскому компьютерному отделу гигантской Библиотеки конгресса на аналогичное деяние — «Проект Гутенберга» — понадобилось полтора десятилетия). Здесь вы найдете «опусы» практически любого автора, пишущего на русском языке, живущего в любой точке земного шара (в том числе и мои). Ау, неожиданный-негаданный читатель, отзовись.

У нас идет разговор о литературе, посему покорнейше прошу обратить внимание на следующий адрес: lito.spb.ru — вы попадете на сайт питерского (на самом деле международного) «Литературного объединения им. Лоренса Стерна» (английский писатель; 1713–1768; автор романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»; основоположник сентиментализма). «ЛИТО», во главе с известным питерским писателем, WEB-худесником, автором известной книги «Желтые страницы Internet: Отдых и развлечения. Записки WEB-дилетанта» (вышла несколькими тиражами) — поразительно интересный сетевой журнал. Рекомендую разделы журнала: «Прозаическая Обсуждалка», «Поэтическая Обсуждалка» и, разумеется, «Курилка». Читатель, на страницах ЛИТО идет никогда не прекращающийся серьезный (и совсем несерьезный) разговор обо всех новинках сетевой и «бумажной» литературы. Заранее предупреждаю нежных барышень и юношей: в «постах» «Курилки» достаточно часто встречается ненормативная, она же — «обценная» и табуированная лексика. Вашего покорного слугу за стишки и статейки многократно уже посылали на три буквы, что для меня очень сладко, ибо в годы застоя ретивые критики частенько («на голубом глазу») доносительно пописывали об

отсутствии классового подхода в моих литературных поделках (что и верно).

Очень рекомендую «зайти» на сайт международного (не знаю, где географически находится редакция) сетевого журнала «Лимб» — милая литературная (острая и парадоксальная) «болталка»: culture.all.ru/gbook/chat/guest.htm — само издание — весьма толковое. Любителей серьезной литературы отсылаю в журнал «Русский переплет» — аналог знакомых с юности журналов-«толстяков» типа «Нового мира», «Знамени», «Звезды» — с традиционной прозой и поэзией, проблемными статьями, высоколбой критикой и т. п. Да, нужно же кому-то и дело делать. Журнал уделяет огромное внимание современной науке, философии, искусству, «русской идее». Короче: «Новый мир» и «Наука и жизнь» — в одном флаконе (вспомним пошлую рекламу). У «Русского переплета» — самый большой тираж во всей сети. Смею думать, что «Русский переплет» — самый респектабельный, добротный и элегантный интернет-журнал. На том стою. Недавно я получил в «Русском переплете» авторское обозрение: «Кошачий ящик». Адрес: pereplet.ru.

Поклонники парадоксальных, снобистски утонченных авторов найдут «клубнику со сливками» на сайте самого элитарного (и известного) в мире русистики и славистики теоретико- и историко-литературного журнала «Новое литературное обозрение». «Бумажный» вариант журнала, увы, весьма запаздывает, посему читатель всегда найдет здесь актуальные статьи самого широкого спектра, многие из которых — честно — выше похвал. Адрес: nlo.magazine.ru.

Поэтам и ценителям поэзии настоятельно рекомендую заглянуть на сайт: stihija.azz.ru — здесь восторжествовала нищепанская идея «вечного возвращения» поэзии. Сайт представляет собой не прекращающийся ни на минуту поэтический конкурс. Вы можете читать чужие стихи, оценивать их по пятибалльной системе, сообщать свое мнение о прочитанных текстах,

«подвесить» любое количество собственных бессмертных творений. При желании можно выйти в «чат» и обмениваться мнениями и суждениями с невидимыми собеседниками в разных странах, городах и весях в режиме реального времени.

Несколько недель назад начал функционировать первый в русской Сети специальный стиховедческий сайт, созданный известным поэтом, стиховедом, композитором и переводчиком Александром Николаевым. Адрес: rhythmologica.newmail.ru. В своих последних исследованиях (это интересно не только профессионалам, но и самому широкому кругу людей, любящих поэзию) А. Николаев развивает чрезвычайно оригинальную теорию речемзыкального слуха (оный и объединяет в «союз нерушимый» персон, продуцирующих стихотворные тексты, с теми смертными, которые их читают-потребляют). В работах, представленных на сайте, автор, полемизируя с академиком М. Л. Гаспаровым, высказывает немало злых и горьких мыслей не только о стиховедении, но и обо всей нашей филологической науке (псевдонауке). Начинающему стихотворцу будут полезны не только теоретические разъяснения, но и задачи (натуральные) по стиховедению.

Читатель, ты уже устал от высоких материй. Отдохни, загляни на самый популярный сайт многострадальной родины: anekdot.ru — оторвешься по полной программе. Здесь (в режиме ежедневного обновления, но есть и богатейший архив) содержится невероятное количество скабрёзных и невинных анекдотов и баек (реальных жизненных историй). Деткам, не достигшим совершеннолетия, посещать этот «клуб веселых и находчивых» настоятельно не рекомендую.

Поклонникам (имя им легион) пламенных, остро талантливых и безумных в самом высоком смысле книг и статей евразийца и бывшего нацбола Александра Дугина советую, пощелкав клавишей и мышью, «сползать» на сайт: imperium.lenin.ru — очень круто! Материалы из пресловутой, проклятой и оплеванной

либералами и демократами всех мастей и изводов газеты «Завтра» (совершенно сумасшедшие, горячечные, со своей «черной эстетикой») и приложения к ней «День литературы» представлены на сайте: zavtra.ru — в «Дне литературы» постоянно печатает скандальные статьи критик-зоил Виктор Топоров, чью книгу я имел честь нелицеприятно рецензировать на страницах «Лондонского курьера». Весьма содержательные и любопытные критические материалы публикует московская «Независимая газета» (адрес: ng.ru).

Бесчисленных любителей фантастики зову на официальный сайт братьев Стругацких, удостоенный в конце марта Национальной Интернет-премии: rusf.ru — воистину, есть, что почитать.

Ценителей лживой, но весьма талантливой и эффективной журналистской восточной кухни (настоящий «черный PR») приглашаю на сайт Мовлади Удугова: kavkaz.org/news/ — обновляется ежедневно. Геббельс-Суслов (помните такого?) — отдыхают. Вот и все, наша краткая экскурсия закончилась.

8 мая 2000 г.

Центрохладобойня, или Толковая книга

В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. Фолио-пресс. 1998. Тираж 10000 экземпляров.

Сотрудниками филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета подготовлена и выпущена в свет удивительно интересная, познавательная и горько поучительная книга (700 страниц убористого шрифта), потребовавшая, сразу скажем, кропотливого многолетнего специфического труда. Увесистым том вышел два года тому назад, продавался в университетской издательской лавке и только сейчас появился на прилавках обычных книжных магазинов (возможно, допечатывали тираж после пресловутого «августовского» кризиса).

На первый (поверхностный) взгляд, Атлантида (Титаник?) советской империи навсегда сгинула в океане времени (правда, тонет уже десять лет и как бы в образовавшуюся гигантскую воронку не утянула за собой весь земной мир, включая «прогрессивное человечество»).

В заголовок статьи я вынес дивное слово ЦЕНТРОХЛАДОБОЙНЯ — (расшифруем — Центральное управление холодильниками и бойнями Народного комиссариата продовольствия) — сущностное лексическое определение советского режима в 1917–1991 гг. («подморозили» страну капитально на долгие десятилетия, а уж «бойни» устраивали столь кровавые, что иным странам и в Средние века такое в кошмарах не снилось). «Подморозить» Россию в конце XIX в. предлагали консервативные публицисты-«государственники»

К. П. Победоносцев и К. Н. Леонтьев, которые, разумеется, и вообразить не могли ни Октябрьского переворота, ни грянувших сразу вслед за ним губительных пятидесятиградусных морозов.

Авторы (честь им и хвала) составили почти исчерпывающий по полноте словарь «языка советской эпохи», советизмов, абсурдного «новояза» тоталитаризма, реестр чудовищных «мифологем» (включая перечень пленительных аббревиатур, например, АЛЖИР — Актюбинский лагерь жен изменников родины (грамматически правильнее: родине. Не путать с ОЛЖИР — Особый лагерь жен изменников родины); ВОХР — Внутренняя охрана республики — военные соединения Народного комиссариата внутренних дел; КРД — контрреволюционная деятельность — не путать с КРТД — контрреволюционная троцкистская деятельность — две большие разницы, как говаривали в старой Одессе; РВН — родственник врага народа; ЧСИР — член семьи изменника родины; ЧСВН — член семьи врага народа) и множество иных столь же выразительных в своей грозности и беспощадности.

По неясной причине в словаре пропущена аббревиатура ОСО (Особое совещание при НКВД) — заочный (в отсутствие подсудимого и адвоката) палаческий орган сталинской судебной расправы органов госбезопасности, выносивший многолетние (зачастую расстрельные) приговоры по так называемым «литерным» статьям (отсутзовавшим в Уголовном кодексе 1926 г.). Таким, например, как: ВАД — восхваление американской (редко: английской) демократии, ПШ — подозрение в шпионаже, СВШ — связи, ведущие к подозрению в шпионаже (!!!) и т. п. Круто, господа!

Многие слова просто пропитаны кровью: Активист (Коммунисты — всюду активисты — пословица; современное сленговое значение — активный гомосексуалист), Враг (классовый, идейный), Интеллягушка («гнилой» безыдейный интеллигент), Комтруд, Кулак (окулачиваться, подкулачник), Неотказ (от мужа) —

формулировка обвинительного заключения для жен репрессированных), Социалистическая ориентация, Партактив, Партбилет, Перегиб, Перековка (политическое и моральное перевоспитание в ГУЛАГе), Пережиток (пережитки капитализма, национализма и шовинизма), Переродиться (изменить передовым взглядам, революционному мировоззрению; перерожденец), Примазавшийся (примкнувший к коммунистам, не разделяя в действительности их взглядов, идеалов), Принцип (ленинские принципы взаимоотношений между партией и НКВД), Прихвостень (барский, поповский, кулацкий), Происки (врагов, империалистов), Пролетарий (к примеру, умственного, мысленного труда !!!), Противосоветский, Сволочь (белогвардейская), Уклон (великодержавный, кулацкий, правый, левый; уклонизм, уклонист, уклонистка), Фаза (первая фаза коммунизма), Церковник (лицо, подозреваемое или уличенное в религиозной вере и религиозной активности; лицо, репрессированное за это), Чистка (сталинские чистки, т. е. исключение из партии и немедленный арест), Шептун (тот, кто распространяет провокационные слухи), Элемент (антисоветский, вражеский, вредительский, контрреволюционный, негодный, примазавшийся, противоколхозный, разложившийся, социально опасный). Миллионы людей отправлены «большевиками-коммунистами-активистами» на безвинную мученическую смерть, и в сотнях тысяч приговоров ленинских «ревтрибуналов» и сталинских «народных судов» похоронным звоном звучали «лексемы» из этого (на сотую долю полного, взятого «навскидку») словарного реестра. А на закуску — ученое словечко Реформаторий (детская тюрьма в первые годы советской власти: спасибо рыцарю революции без страха и упрека, дорогому товарищу Дзержинскому).

Впечатляют и советские топонимы (имена собственные в географических названиях). Ну, Сталинград, Сталин (три города в Албании, Болгарии и Румынии), залив Сталина, пик Сталина (три горы в разных странах),

Сталинабад, Сталинварош, Сталинири (ныне Цхинвали), Сталино (ныне Донецк), Сталиногорск, Сталиноград (ныне Катовице — в Польше), Сталинштадт (в бывшей ГДР), ну, Калинин и Калининград, ну, Молотов (ныне Пермь). Дело славное, хотя и полузабытое.

Сейчас уже практически никто не помнит, что были города и поселки, в названиях которых (в 1920–1930-х гг.) запечатлены гордые фамилии: Троцк (Гатчина), Слуцк (пропущенное авторами словаря название, которое в 1918–1944 гг. носил город Павловск — опять же под Питером — в честь пламенной большевички В. Слуцкой; — не путать с древним городом Слуцк в Беларуси), Зиновьевск и т. д. Знает ли Б. А. Березовский, депутат Государственной Думы от Карачаево-Черкесии, что в годы оные столица сей неподкупной республики — Черкесск — называлась несколько иначе: Ежово-Черкесск (в знак заслуг перед партией, правда, недопереоцененных — был расстрелян) нестигаемого сталинского НАРКОМВНУДЕЛа Н. И. Ежова)? Надеюсь, что в скором времени (надо следовать старым добрым традициям) город вновь будет переименован, на этот раз в Березовско-Черкесск. Справедливо, не правда ли? Самое эlegantное советское переименование — река Чапаевка (левый приток Волги в Заволжье), носившая при проклятом царском режиме (до того, как о ней узнали советские топонимисты-новаторы) громкое название Моча (я не шучу).

Авторами словаря учтены потрясающие советские имена, которыми награждались новорожденные, чьи родители отрекались от поповских «святейцев», выбирая потомкам «светлый путь». Кроме шуток, жену моего старого товарища зовут Вилора (В. И. Ленин — организатор революции). А как Вам такие: Марлен (Маркс-Ленин), Рем (революция мировая), Рикс (рабочий и крестьянский союз), Ренат (Рената — революция, наука, труд), Рада (рабочая демократия), Свобода, Севморпутина, Новина, Плаката, Лагшмивара (лагерь Ю. Шмидта в Арктике), Новелла, Даздраперма

(да здравствует 1 мая), Союза (!!!). Самое поразительное имя (мужское) — ЦАС (центральный аптечный склад). Все эти имена — подлинны. Не верите, загляните в книгу: Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.

Огромное место в Толковом словаре языка Совдепии отведено словам, обозначающим бытовые советские реалии. Например, аббревиатура ЖАКТ (она и сейчас в ходу у наших матушек и бабушек, к примеру, нужно вызвать водопроводчика из ЖАКТа) — Жилищно-арендное кооперативное товарищество). Таких слов в книге — легион и четыре турмы (подразделения в римской армии).

Отмечу досадную лакуну: нет слова Огнетушитель (переносное значение — мерзейшее советское противозачаточное средство — таблетки и паста, выделявшее в самый увлекательный (впрочем, предсказуемый) момент-апогей любовных игр такую обильную вонючую пену, что фирма «Гинес» может завидовать до конца веков). Кое-кто из вас, читатели, и на свет-то явился потому, что советские огнетушители уж больно хреново работали... В утешение в книге представлено словосочетание Красный богатырь (в значении — фаллос, он же лингам — что это такое, догадайся с трех раз).

Сладкие мечты и думы навевают некоторые названия советских профессий, например, Черведод (специалист по выращиванию тутового шелкопряда) или еще лучше: Коноплевод (агроном-коноплевод). Смее думать, что выпускникам сельскохозяйственных институтов, имеющих в дипломе такую квалификационную запись, найдется, где применить свое умение, трудолюбие и тщание не только на просторах необъятной России, но и на неохватных нивах всего СНГ (Союз ненаркозависимых государств).

Отмечены и такие миролюбивые профессии, как Гебист, Чекист, Наркомвнуделец. Почему-то нет имени существительного Гебуха (гебист — ед. ч., гебис-

ты — множ. ч., гебуха — им. сущ. собирательное — сравни: лист, листья, листва), широко бытовавшего в «застойные» годы в среде питерской творческой интеллигенции («Витя Кривулин в районной библиотеке стихи читал, так вся — непечатный эпитет — гебуха понаехала»).

Каждое слово в томе снабжено исчерпывающим истолкованием, а также проиллюстрировано тщательно подобранными цитатами из художественной литературы, газетно-журнальной периодики, частушек, пословиц и т. д. Например, слово Террор (красный террор) украшено духоносным трехстишием-хокку ВПЗРа (великого поэта земли русской) Александра Прокофьева: «Ты видишь: кровь моросит, — // Закон революции так говорит, // И красный террор гласит». Мне очень приятно, что в качестве источника словарных иллюстраций в томе весьма широко используются микрофрагменты из очень талантливой (остроумной, занятой и забавной) книги моего университетско-филологического однокашника Михаила Веллера «Легенды Невского проспекта» (СПб. 1994).

Любезный читатель, если ты ощутил в своем прекрасном далеке первые (последние) симптомы летального русского недуга НОСТАЛЬГИЯ, скорее бери в руки «Толковый словарь языка Совдепии». После прочтения трех первых попавшихся страниц болезнь как рукой снимет. Минздрав рекомендует...

20 мая 2000 г.

Сибирский брадобрей, или Спасибо Вам, дорогой, Никита Сергеевич

Любезный читатель, я смотрел фильм Никиты Сергеевича Михалкова дважды (классная лазерная копия, тридцатитрехдюймовый телевизор, а на большом экране, видимо, полный лом); ей Богу, второй просмотр — кайф неземной, ибо не следишь за развитием сюжета, все знаешь, обращаешь внимание на несравненную выделку и прочие чудеса. Человек я прямодушный и наивный, посему скажу прямо: картина — несомненный шедевр, революционное событие в отечественном кинематографе (обзовем ее ужасным словом «блокбастер», которому нет эквивалента в родном языке). Устали мы, грешные, от колхозных самоделок в духе порнухи-чернухи, гениальностью коих упиваются создатели, их барышни, родственники и собутыльники (и все, абзац). Ну, соберут ребята два зала по тридцать зрителей, ну, великодушное НТВ покажет фильм глубокой ночью — фильм умер, не родившись. А эта картина — воистину — для всех, никакого обмана покупателя.

Фильм Михалкова, разумеется, можно истолковывать как постмодернистский центон с... элементами хтонической мистики..., увольте, не буду вам забивать голову подобной чепухой. Сам режиссер-постановщик в одном из интервью четко и исчерпывающе обозначил жанр своего создания: «Это романтическая история. Она вся немножко на котурнах, это мелодрама, это комедия, если хотите». Нежные барышни и чувствительные дамы, заранее предупреждаю: обрыдаетесь капитально, обильную слезу пустите. Итак, шедевр — он и в Англии шедевр.

Написал я сие... и испугался. Проклянет меня «прогрессивная творческая интеллигенция» за такие оценки. Боже мой, читатель, если бы ты знал, как обрушилась на картину отечественная критика (вся: «киношная», театральная, литературная) и публицистика. Красной нитью, понятно, проходило общее суждение: фильм — дерьмо — по определению, ибо повествует о чести царских офицеров, о высокой любви (к женщине, Отечеству, Государю, верным товарищам) и низкой прозе жизни. Сюжет, натурально, пересказывать не буду — смотрите сами. Увы, в основе, в сердцевине такого всеобщего истошного окрысивания лежит горькая, удушающая, сжигающая зависть (простая, как 100 граммов водки). Ни у кого, кроме Никиты Сергеевича, нет «Оскара» (фильм «Утомленные солнцем»), никто в истории отечественного кино не добыл на постановку 45 миллионов пленительных зеленых заокеанских дензнаков (помните такое словечко). Разве можно такое пережить, а? Ату его, ату! Все это совсем не смешно, скорее очень грустно.

Особую ярость у неукротимых «золотых перьев» вызвало то обстоятельство, что правительство Российской Федерации в лице тогдашнего премьера В. С. Черномырдина ассигновало на съемки 10 миллионов «баксов». Так это на самом деле или не так, но тут уж прямо бешеная слюна закапала. А ведь знают же, собаки, что, если бы этого не случилось, то в России картину никто бы не увидел, ибо все коммерческие права безраздельно отошли бы французской стороне (продюсеры Мишель Сейду и Никита Михалков). А наплевать, раз в производство фильмов их «корешей» никто и один доллар вложить не желает. Брэнд «Михалков» — дорогого стоит, а от осознания сего непреложного факта пишущей братии просто удавиться хочется.

Хоть кто-нибудь бы благодарно вспомнил, что история картины сложна и многотрудна. Сценарий Рустам Ибрагимбеков и Н. С. Михалков написали где-то на

излете «перестройки». Его купил и на годы «заморозил» Анжело Рицциоли, пришлось выкупать заново. Главную женскую роль (Джейн) авторы писали для Мерил Стрип (увы, прошли годы до начала съемок, она... постарела), велись длительные переговоры с Ш. Стоун и Д. Фостер (мимо кассы по разным причинам). Все в жизни делается к лучшему (пошлая, но дельная истина): в конце концов роль Джейн блистательно сыграла обаятельная Джулия Ормонд.

Особо отметим то, что постановщик собрал в картине неслыханный в России актерский ансамбль: главную мужскую роль (юнкер Андрей Толстой — знаковая фамилия, немножко «клюквы» для западных чудачков) сыграл Олег Меньшиков (человек-артист в самом точном вагнеровском смысле), в роли генерал-лейтенанта барона фон Радлова выступил гениальный на грани сумасшествия (не побоюсь такого определения) Алексей Петренко, роль «липового» папочки героини была поручена знаменитому английскому актеру театра (в первую очередь) и кино Ричарду Харрису (люди старшего поколения никогда не забудут черно-белый британский фильм «Такова спортивная жизнь», чудом пробившийся в советский кинопрокат в начале 1960-х, где Харрис гениально (именно так) вылепил образ ключевого персонажа). В «Сибирском цирюльнике» разные роли сыграли такие звезды, как Д. Ольбрыхский, М. Неелова, В. Ильин (бесподобный капитан Мокин), Е. Стеблов, Л. Куравлев, А. Михалкова, сам Никита Сергеевич (роль Александра III). Специально хочу отметить актера Марата Башарова в роли юнкера графа Палиевского...

Ох, и влетело же Никите Сергеевичу за роль государя императора. Занятная у нас страна: если человек — урод и карлик, то он с ходу — истинный художник (приложимо ко всем искусствам). А вот ежели (редко бывает) артист (поэт, живописец и т. д.) — красавец огромного роста, гвардейской выправки, да еще (упаси, Боже) — потомственный дворянин, все,

тушите свет, осужденный — с вещами на выход — это не творец, а мастеровой-кустарь, автор низкопробного духовного ширпотреба, ну и прочая белиберда в таком духе. Не любят критики Михалкова, зато нация (дамочки — поголовно) обожает (прелестное словечко барышень из институтов благородных девиц). Человек снял фильм, который не стыдно цивилизованному миру предъявить в оправдание и искупление наших родимых мерзостей вселенских, а все равно плохо и дурно, никак и ничем не угодить...

Нельзя не отметить высокопрофессиональной работы «соавторов» постановщика: Павла Лебешева (главный оператор), Владимира Аронина (главный художник), Эдуарда Артемьева (композитор), Натальи Ивановой и Сергея Стручева (художники по костюмам, вот уж кому пришлось тяжело потрудиться). Кстати, консультантом картины был генерал-лейтенант, глава министерства по чрезвычайным ситуациям (ныне — генерал-полковник, лидер партии «Единство») Сергей Шойгу. В финальных титрах скрупулезно перечислены все участники картины (русские и иностранцы), сотни имен...

Впечатляет и масштаб съемок: в некоторых эпизодах задействована «массовка» в 5000 человек. Картина снималась в Москве, Праге, в Красноярском крае, в Португалии. Все зимние эпизоды (масленица и др. поставлены и сняты на искусственном снеге).

Общее место у всех хулителей — сопоставление «Сибирского цирюльника» с киноэпопеей С. Бондарчука «по мотивам» романа «Война и мир». Сопоставлять эти фильмы просто неразумно. Картина Бондарчука снята на фиктивные советские деньги (например, народный артист СССР получал 50 рублей за день съемок, солдатам советской армии — несколько дивизий были задействованы в батальных эпизодах — просто ни единой копейки не дали). «Сибирский цирюльник» потребовал немислимых для отечественной кинокартины расходов, за все пришлось платить, однако, огромные

деньги потрачены с умом. Фильм очень трогательный, сентиментальный, добрый, консервативно-патриотический...

О, какой вой стоит по поводу просвещенного (с несомненными монархическими обертонами) патриотизма создателей картины! Авторы следующим образом очертили проблематику фильма: «Он не о прошлом, а о Вечном для каждого из зрителей: о Жизни и Смерти, о Любви и Вере в торжество Добра. В этом смысле «Сибирский цирюльник» — воспоминание о грядущем». Так-то оно так. Монархическая идея, как ни странно, приобретает в Отечестве все новых и новых приверженцев, да! Однако не попустил Господь нам (нашим прадедам и дедам) сохранить империю и династию. А возродятся ли они — Бог весть.

Создатели картины прекрасно знают реалии прежней России (быт, обычаи, титулатуру, обращения и т. д.). Например, негодяй Радлов, погубивший юнкера Толстого, саркастически просит Джейн именовать его «Ваше высокопревосходительство» (ранее — Ваше превосходительство), все правильно, за свою низость он из генерал-лейтенантов, видимо, произведен в звание генерала от инфантерии (чин второго класса по «Табели о рангах»).

Сколько досужих разговоров я слышал по поводу того, что не было Великого князя Алексея Александровича. В самых солидных учебниках по истории вы встретите суждения о том, что, мол, после несчастного сына Петра Великого до несчастного сына последнего русского самодержца Романовы избегали нарекать этим именем своих потомков. Полноте, Господа, был Алексей (третий сын Александра II, годы жизни — 1850–1908). Жил он тихо и спокойно, умер своей смертью, большевики его не убили, вот о нем все и забыли.

Болтали и о том, что в фильме на одном коне с императором сидит дитя-цесаревич Николай, которому в 1885 г. (время основного действия) было 17 лет,

он уже принял присягу наследника. Что за чушь: имя августейшего ребенка (кстати, его играет просто ангелоподобный мальчик) неоднократно называется — Михаил (третий сын Александра III, годы жизни — 1878–1918, был расстрелян без суда и следствия на Урале), который в царствование Николая II после смерти среднего брата Георгия (1871–1899) до рождения цесаревича Алексея был официальным наследником престола (1899–1904). Кстати, в горячие денечки Февральской революции Михаил после отречения старшего брата от престола (за себя и за сына) буквально на несколько часов стал императором. Умиленно глядя на экранных персонажей, помните о том, какая страшная судьба ждала их реальных прототипов.

Будучи скромным специалистом-надомником (кустарем-одиночкой) по старой России, не могу приглушить свою неумную «ученость». Много в картине разнообразной «клюквы», предназначенной для западного потребителя (к примеру, барон Радлов всенепременно закусывает очередной стакан водки хрустальным бокалом). Бог с ней, с «клюквой». Прицеплюсь к некоторым существенным и несущественным мелочам.

Император произвел юнкеров в офицеры, следовательно, и обращаться к ним с этого момента подобает «господин подпоручик», а не «юнкер». Кстати, в двухгодичное (позже — трехгодичное) юнкерское училище принимали молодых людей со «средним» образованием (выражаясь современным языком) после службы в полку в течение 12 месяцев (юнкера считались откомандированными из своих полков). Это не молодые люди, пришедшие в училище, отшпилив мамочкину юбку, с улицы и т. д. Кстати, мой родной дядя — Дмитрий Артемиевич Пригодич (сгинул в армии Колчака) весной 1917 г. закончил Царскосельское юнкерское училище... Прошлое — рукой подать.

Герой фильма, верный чести офицера, ложно признается в намерении совершить ПОЛИТИЧЕСКОЕ преступление. Никаких закрытых трибуналов не было,

народовольцев судили открытым гласным судом. И так, в любом случае он — политический преступник, неясно поэтому, почему он отправляется на каторгу вместе с уголовниками (Толстой и проходной персонаж — террорист-постнародоволец — обязательно должны были содержаться отдельно от обычных каторжан). И уж совсем невероятна сцена, где конвойные среди бела дня в центре Москвы бьют нагайками этапников (господа, в Императорской России чтити законы, это вам не сталинский режим). Ей Богу, перед иностранцами неловко и стыдно!

В ссылке (на поселении) в глухой деревне Толстой «работает» цирюльником (вывеска на его избе, отсюда — название фильма). Будем надеяться на то, что чудит барин: крестьянское хозяйство, лошадки, коровки, курочки... Политических преступников не лишали, как правило, чинов и званий (дети юнкера, рожденные за Уральским хребтом, — дворяне). Государство в обязательном порядке (скрупулезно соблюдавшемся) выплачивало ссыльным денежное содержание (скромное по московско-петербургским стандартам, но весьма приличное в сибирских условиях). Напомню, что у Ленина и Н. К. Крупской в Шушенском были две прислуги (круто страдали, несчастные). Зачем барину работать? Возможно, он осуществлял в деревне некоторые фельдшерские функции (цирюльники, в частности, «отворяли» кровь и т. д.). Не было никогда в русских деревнях парикмахеров-брадобреев. Бог простит, сценаристов привлекла незатейливая вербальная игра: «Севильский цирюльник» — «Сибирский цирюльник».

И на закуску — полная чепуха. Персонажи курят и папиросы, и сигареты (последних просто не было в русском обиходе). Барон Радлов в 1885 г. пользуется прямой телефонной линией с Великим князем Алексеем Александровичем. Зачем? Почему? Его Императорское Высочество, разумеется, наезжал на краткое время в Первопрестольную. Однако жил он в Петербурге, будучи генерал-адмиралом, «начальником флота

и морского ведомства» (1880 — июнь 1905 гг.). Телефонная связь между Петербургом и Москвой была установлена лишь в 1896 году...

Киностудия Михалкова незатейливо именуется «Три ТЭ» (творчество, товарищество, труд). Воистину: творчество, терпение и труд — все перетрут. Отличная картина, отличная работа. Кстати, для качественного просмотра картины Михалков в разных городах страны строит кинотеатры (с отменной западной проекционной системой, настоящим стереозвуком и т. д.). Так что же плохого в том, что на «просторах родины чудесной» возводятся «фабрики грез», а не артели, производящие грязь и мерзость. Спасибо, дорогой Никита Сергеевич.

27 мая 2000 г.

«Бумажный» литератор о сетевом писателе

Любезный читатель, признаюсь в том, что с душевным трепетом приступаю к написанию заметки. Почему? Признаюсь, первый раз в жизни сочиняю о «сетевом писателе» (хорошем, очень молодом и очень одаренном, работающем в разных жанрах — эдакий «многостаночник») — о Юрии Леонидовиче Нестеренко. Имя это, ежели ты не WEB-фанат, тебе ничего не говорит, а жаль. Стоит запомнить его, стоит и познакомиться с его трудами многотрудными.

Может быть, кто-нибудь обратил внимание на мою статью «Сетевая литература», где я писал, мол, литература уходит в Сеть. Так вот, Юрий Нестеренко никогда ничего не публиковал в «бумажном» варианте, а в русской Сети он — известный, почтенный сочинитель (когда я пытался обратить внимание литературных сетевиков на его творчество, мне ласково ответили неласковые ухари, ты, Пригодич, дурак старый, совсем рехнулся, кто же не знает Юрия Нестеренко). А я и не знал о нем, пока случайно не набрел на его весьма затейливую, продуманную страницу в «Веб-кольце русских писателей». Читатель, врубай компьютер, запоминай адрес «кольца» (много дельных авторов) — <http://webring.orankey.com/rwwring.html>.

Почему я выбрал Юрия Нестеренко? Помнишь, у Довлатова: дамочка спрашивает у нью-йоркского шашлычника, почему одному из клиентов он дал шампур с невероятным количеством жареного мяса, — мне он нравится, — гениально ответил продавец холестерина. Страницу нашего автора уже посетили

свыше 17000 зевак и ценителей. Семнадцать тысяч — это серьезно, господа!

Читатель, товарищ мой высокий, я прекрасно понимаю, что ты тяжело трудишься или учишься (что одно и то же). Ты устаешь, тебе не хочется после нелегкого дня забивать голову всяческой квазиинтеллектуальной требухой (имя ей — океан). Творчество Юрия Нестеренко чрезвычайно ЗАНИМАТЕЛЬНО, ты уж никак не соскучишься и не скукожишься (вижу, как у многих пишущих козлов аж скулы перекосило, это слово для них низкое; литература должна учить, спасать мир, вещать, угрожать и проч. — не верь, друг, это все хитрые уловки хитрых негодников-плутов). Тексты должны быть ИНТЕРЕСНЫМИ, стимулирующими мысль. А вот этого у Нестеренко — навалом. Итак, адрес сайта (основная страница) нашего персонажа — <http://yun.complife.net/> — ни в коем случае, родной, не набирай лишнее WWW (не попадешь, куда надо). Набрал? Поехали...

Ну, естественно, нужно сказать несколько слов об авторе. Ему двадцать восемь лет, кибернетик, автор компьютерных программ и игр, прозаик-фантаст, просто прозаик, поэт, публицист, сатирик, юморист, постоянный сотрудник сетевого журнала (толковейшего) «Компьютерра» (адресок прилагаю — <http://www.computerra.ru/>). Писатель прибегает к псевдонимам: Джордж Райт и граф Этсенберг.

В своем «Личном деле» Юрий Нестеренко педалирует внимание на том, что он «атеист» (все проходит, скажу с грустью, и юношеский богоборческий пафос пройдет; как не вспомнить бессмертные слова бессмертного Венедикта-Венички Ерофеева: больше пейте и меньше закусывайте... это избавляет... от сомнений... и поверхностного атеизма), индивидуалист, рационалист, антикоммунист и антифашист (вот с этим я согласен на сто процентов), убежденный противник секса (а вот с этим я никак не согласен). Читатель, помни, каждому — его...

Сайт Нестеренко простенько именуется «Ivory Tower» (ясное дело — башня из слоновой кости). А мы переведем по-нашему: «Вышка из слоновой кости» (второе значение Tower). Словечко «Вышка» мне душу греет: обиходное наименование расстрела (высшей меры наказания в Совдепии). Кстати, в разделе «Проза» висит отличный рассказ «Исполнитель» про чекистско-расстрельные дела, герой — философствующий следователь — именно «лепит» своим подопечным «вышку» (новелла умна и сложна, я гаерски утрирую содержание). «Щелкаем мышью» по стилизованному изображению врат-ворот: перед нами неведомый мир неведомого демиурга-сочинителя (<http://yun.complife.net/1st.htm>).

Раздел «Проза» включает «крупноформатные» фантастические романы и повести, назовем основные: «Охота за островом (Пилот с границы)» (увлекательное чтение, к тому же автор умно и остроумно классифицирует набившие оскомину клише «космических опер»), «Ошибка Риллета Ри» (исповедь перебежчика, бежавшего в будущее), «Рильме гфурку» (философская притча о судьбах культур и цивилизаций; читатель, эти многосмысленные понятия-мифологемы необходимо дифференцировать), «Вторжение» (элегантная полемика с братьями Стругацкими), «Диктатор» (неисповедимы пути Господни: повесть необъяснимым образом перекликается сквозь десятилетия с поздней, неопубликованной трагедией Брюсова «Диктатор», хранящейся в Отделе рукописей Пушкинского Дома; четверть века назад я писал о ней).

Все тексты «зазипованы», нужно повозиться... Хорошая специфическая проза в хорошем специфическом исполнении и... читается легко... Почему-то принято думать, что от «настоящей» литературы у читателя скулы должно сводить от «духоносности» содержания и «несъедобности» стиля. Вранье! Читать текст Нестеренко легко, «въезжать» в подтекст трудно...

Рассказы (все тексты легко «раскрываются», сразу приходят на монитор) автор сам делит на фантасти-

ческие и нефантастические. Занятно, наивно, но правильно. Несколько рассказов просто превосходны: уже упоминавшийся «Исполнитель» (ниспровержение легенды о «великой державе», «стране-динозавре с чудовищной тушей и крохотным мозгом», да, читатель, автор имеет в виду Россию-Матушку; приведу фрагмент — арестованный с понтом заявляет энкаведешнику-«следаку», мол, я служил не власти, а отечеству — легендарное присловье многих интеллигентных дураков — и получает в лоб: не приходила вам в голову простая мысль, что каково отечество, такова и власть в нем), «Болезнь Карела Новака» (об inferнальном двоemiрии нашего житья-бытья), «Конец света» (воспоминание о будущем), «Сослагательное наклонение» (мрачная гротескная фантазия на тему о том, как в России якобы победили белые, а в Германской Советской Федеративной Республике — красные, а что из этого вышло — прочитай, узнаешь), «Спокойной ночи, мама» (изошренный психологический отчет об «идеологическом» — Раскольников навыворот — преступлении-матереубийстве).

Я, грешный, — составитель рифмованных текстов (неловко же сказать про себя: поэт, все равно, что я — педераст), посему особую благосклонность уделил разделу «Поэзия» (Юрий Нестеренко — неоднократный лауреат Всероссийского Пушкинского молодежного конкурса поэзии; хвостану — в мае я удостоился первой премии пен-клубовского «старческого» конкурса рифмователей). Автор предлагает стихи 1987–2000 годов (на русском и английском языках), читаешь и видишь, как он мужает, оттачивает мастерство (тексты хорошо выделаны, что в наше время редко бывает), отковывает дух. Многие стихотворения Юрия Нестеренко проникнуты историософским (не побоимся этого ставшего базарным словечка) медом-духом: «Империя», «Антисоветские стихи», «Белогвардейские стихи», «Размышления о временах не столь отдаленных», «Юбилей», «Всем возрадуются по вере...», «N», «Пир

Ивана III», «850» и другие. В русле этой славной и сладкой проблематики у нас с поэтом произошла поэтическая дуэль в журнале «Лимб» (кому любопытно, см.: <http://www.culture.all.ru/gbook/chat/guest.htm>).

Смею думать с полным основанием, что многих привлечет раздел «Юмор» — богатый, разноаспектный, в некотором роде «висельнический», что мне весьма по сердцу (пр процитирую навскидку «Бестолковый словарь» и «Тетрадь черного юмора»: Изгой — нееврей, получивший израильское гражданство. Как, вы еще живы? Ну, это поправимо. Я, слава Богу, атеист. Культ НАличности. Жизнь прекрасна и удАвительна). Скажу по-простецки: все торчат на Фоменко — расторчитесь на Нестеренко, в полный рост и в полный кайф. Особое внимание рекомендую обратить на отличные «компьютерные приколы»: «E-mail римскому другу», «Аллегория для модема с хором», «Вредные советы (железячные)», «Десять байт, которые потрясли мир», «Компьютерная библия».

Раздел «Публицистика» (как и все прочие) опять же содержит весьма содержательные материалы, например: «Конец каменного века» (злое развенчание пресловутого «прогресса», мрачная компьютерная футурология, «Настоящий полковник, или Последняя ошибка Ельцина» (нетривиальный взгляд на Путина).

Не лишним будет заглянуть в «Гостиную» (гостевая книга с разнообразными и разнокалиберными «отзывами»; читатель оставь свой, автор тебе непременно ответит) и в раздел «Ссылки» (щелкни «мышкой» и мгновенно попадешь на исключительно интересные сайты, отвечающие взыскательному и прихотливому вкусу Нестеренко: литература (фантастика и «обыкновенная» — вплоть до фан-клуба Стивена Кинга), юмор, авторская песня, политика (от официального сайта «Демократического союза» до ««Майн кампф» нашего времени» — о Зюганове, сайты-памфлеты на Лужкова-Примакова, раздел журнала «Скрижали», посвященный Ницше, «Энциклопедия мировой авиации», «Парусные

корабли» и др. Выбор сайтов (как и любой выбор) весьма четко и точно характеризует того, кто выбирал и отбирал. Как? Пощелкай «мышью» — узнаешь.

Пора завершать «загогулину». Читатель, я познакомил тебя с настоящим писателем. Мир изменился — к счастью — слава Богу. В прежней России место Юрия Нестеренко было бы в тюрьме (полистай его произведения, поймешь), а не в Сети (да и Сети никакой, даже самой просоветской, быть не могло, потому что не могло быть — во веки вечные). От всего сердца желаю автору реинкарнироваться в шуршащие, вкусно пахнущие гранки типографского набора, обрести брутальное «бумажное» тулово-тело...

16 июня 2000 г.

Странный русский англичанин

В конце прошлого года питерский Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ выпустил в серии «Шедевры зарубежной литературы» замечательную книгу: Саки (Гектор Хью Манро — именно так — Munro) «Чертова дюжина» (предисловие, составление, перевод с английского И. А. Богданова).

Рассказы Манро, прославившегося под редчайшим для англичанина псевдонимом Саки (восходит к термину «виночерпий», «кравчий» на языке фарси, заимствованному писателем из рубаи-четверостиший величайшего персидского поэта XI-XII вв. Омара Хайяма), в течение многих десятков лет публикуются в антологиях коротких рассказов стран ареала английского языка (перу писателя принадлежит 135 новелл). В 1976 г. знаменитое американское издательство «Penguin Books» издало (в одном большом томе) полное собрание рассказов, три романа и три пьесы Саки. Любезный читатель, разумеется, ты можешь читать Саки на языке оригинала (почему его стоит читать — см. ниже), однако сейчас с его творчеством можно ознакомиться в мастерском переложении известного питерского писателя и переводчика. В 1991 г. И. А. Богданов издал (тогда еще в Ленинграде) в своем переводе 36 рассказов Саки (книга называлась «Темное дело») тиражом 100000 экземпляров, которые были мгновенно раскуплены. В «Чертову дюжину» (название сборника восходит к абсурдистской пьесе Саки) включены 65 новелл (тираж — 3000 экземпляров; время изменилось, что поделаешь).

Поговорим о необычайной биографии Саки. Он родился 18 декабря 1870 г. в Бирме (его отец был главным инспектором британской военной полиции). Вскоре после

рождения Гектора скончалась его матушка, двухлетний мальчик был отправлен в Англию, где в течение тринадцати лет находился под плотным и душным надзором двух своих теток (в рассказах Саки тетушки разных персонажей — весьма гнусные и противные, скажем даже, омерзительные особы). Мальчик отличался редкой болезненностью, в средней классической школе проучился очень недолго, после отставки отца-полковника вместе с ним и младшей сестрой шесть лет странствовал по Европе (Франция, Германия, Швейцария). Наблюдения, опыт общения со многими людьми, приобретенные в эти годы, стали впоследствии основой многих его сочинений. В возрасте 22 лет Саки вернулся в Бирму, прожил там больше года, пытался служить в полиции, но по состоянию здоровья был вынужден вернуться в Англию.

В течение трех лет он трудился над книгой «Становление Российской Империи» (вышла в 1900 г.). Если сейчас для «островитян» (как не вспомнить гениальный одноименный рассказ Евгения Замятина про англичан) Россия — экзотическая страна — малопонятная, загадочная, угрожающая, то 100 лет тому назад такой литературный старт был чем-то за пределами необычного и экстравагантного. Тогда же Манро начинает журналистскую карьеру (газетные памфлеты, составившие книгу «Алиса в Вестминстере» — тот же 1900 год). Первые книги были изданы под настоящим именем писателя, хотя пародии на Хайяма он в том же году впервые напечатал под псевдонимом Саки.

В 1903 г. Саки становится специальным корреспондентом газеты «Морнинг пост», освещает военные действия на Балканах, потом перебирается в Варшаву, откуда 8 сентября 1904 г. приезжает в Петербург, где проводит почти три года (в том же году был издан первый сборник рассказов писателя «Реджинальд»). Саки быстро выучил русский язык, его корреспонденции знакомили англичан с событиями революции 1905 г., точно и беспристрастно информировали о положении

дел и настроениях в Российской империи (назовем лишь статью «Вчера был черный день России» — о расстреле демонстрации рабочих 9 января 1905 г.).

В одной из статей о русских делах Саки пронизательно заметил: «В этой стране хулиган и задира пользуется огромной свободой, ибо общественное мнение, сколь бы сильно оно ему ни противилось, редко перерастает в общественное противодействие... Чрезвычайные обстоятельства потому и происходят так часто в этой стране, что на них смотрят как на проделки испорченного ребенка». Господи, как будто это написано сегодня...

«Русские» впечатления Саки легли в основу сборника рассказов «Реджинальд в России» (1910 г.) и новеллы «Старинный город Псков» (издана посмертно в 1924 г.). В рассказе, давшем название сборнику, Саки приводит слова русской княгини: «При нашей системе правления все неправильно... Бюрократы думают только о своих карманах, людей повсюду эксплуатируют и грабят, а управляют повсеместно плохо». Рассказ о Пскове начинается так: «В нынешний переломный момент своей истории Россия отнюдь не без оснований представляется иностранцу страной, где царят недовольство и беспорядок, она охвачена депрессией, и весьма трудно указать на ту часть владений Империи, откуда не поступали бы вести о тех или иных бедах». Читатель, проходят десятилетия, рухнули монархия и советская власть, империи, а на Родине нашей все по-прежнему.

После России Саки несколько лет прожил в Париже, потом вернулся в Лондон, целиком отдавшись писательской работе (в 1911 г. он издал знаменитый сборник рассказов «Летописи Кловиса»). В возрасте 44 лет, выпустив в свет знаменитый сборник рассказов «Животные и не только они», отказавшись от офицерского звания, от штабной должности переводчика, Саки в звании младшего сержанта добровольцем ушел на фронт. После окончания первой мировой войны он мечтал,

купив землю, поселиться в Сибири. Чайниям не суждено было сбыться: 14 ноября 1916 г. писатель погиб во Франции от пулевого ранения в голову. Закончилась его земная жизнь, началась посмертная (всемирная) слава.

В чем загадка творчества Саки? Почему им восхищались столь блистательные художники, как Г. Чертертон, Грэм Грин, Ивлин Во? Почему его читают на разных языках? Попробую объяснить. Сразу назову рассказы (из разных сборников), на мой взгляд, представляющие собой квинтэссенцию мировидения и миропонимания Саки: «Реджинальд», «Тобермори», «Картина», «Лечение стрессом», «Отставка Таррингтона», «Лаура», «Открытая дверь», «Метод Шварца-Меттерклюма», «Темное дело», «Сумерки», «Омлет по-византийски», «Чай», «Наймит». Пушкин когда-то гениально заметил: «Англия есть отечество карикатуры и пародии». Все. Поэт ни слова не сказал о природе юмора «островитян».

Саки дает богатую пищу для суждений по этому поводу. Да, английская нация дала миру плеяду гениальных сатириков и юмористов (назову лишь столь любимых в России Дж. Свифта («Путешествие Гулливера»; 1726) и Дж. К. Джерома («Трое в лодке, не считая собаки»; 1889). Сатира Свифта яростна и громогласна, он просто лупит читателя кулаком в лоб (это я не о детских переложениях «Гулливера»), юмор Джерома умилен, добродушен, зачастую сентиментален. Природа юмора Саки совсем иная, уловимо и неуловимо абсурдистская, с почти бесплотной языковой материей, в основе своей, скажу прямо, идиотическая — в системе мыслительных координат русского человека, интеллектуала-обывателя. Читая Саки, попадаешь в некий мистический кошмар, приходишь в ужас от того, что англичане (в рассказах Саки) — не хорошие, не плохие — они... другие, как марсиане, чеченцы, зулусы, папуасы и т. д.

Реджинальд и Кловис — прославленные герои рассказов Саки — мудрецы-идиоты, напоминающие русских юродивых и даосских монахов одновременно,

Запад есть Запад, или ОБЖ

Александр Зиновьев. Запад. М. Центрполиграф. 2000. 508 с.

Просвещенный читатель, нет нужды напоминать тебе о том, что чеканная фраза «Запад есть Запад, Восток есть Восток» восходит к гениальному историко-софскому стихотворению певца Британской империи Джозефа Редьярда Киплинга (1865–1936; лауреат Нобелевской премии по литературе за 1907 г.) «Бремя белого человека» (1899). А вот дивная аббревиатура ОБЖ тебе, видимо, неизвестна. Раскрываю сакральную тайну: пару лет назад в обязательную программу школ Российской Федерации включен новый предмет: «Основы безопасной (безопасности?) жизни». Книга, о которой у нас пойдет разговор, является своего рода учебником по осмыслению и планированию безопасной жизни не только в Соединенном королевстве (в любой западной стране), но и в новой России, которая (нравится нам это или не нравится) стремительно и бесповоротно вестернизируется (употребим несколько неуклюжий зиновьевский термин).

В книгу известного философа-логика, писателя, публициста включены две работы: «Запад. Феномен западнизма» (1993) и «Великий эволюционный перелом» (1999). Это издание вышло в апреле. В конце мая в Минске из-под типографского станка вылетел новый зиновьевский том «Глобальное сверхобщество и Россия», куда помимо «Великого эволюционного перелома» включены труды «Русская трагедия» и «Русская контрреволюция», написанные на основе дискуссий автора с Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко (я не шучу). О, как радостно взвыли разномастные коммуно-патриоты (коммуноиды, по определению самого

вводят нас в благодный, на первый взгляд, мир верхней прослойки британского среднего класса (с обертонами аристократизма и пр.). Все чинно-благородно, респектабельно, аж завидки берут, однако вдруг идиллия и явно фантазийная утопия подергиваются адским дымком, перегорая мгновенно в inferнальную антиутопию, страшную, где жить и дышать нельзя (есть у Саки площадная мистика, бытовая чертовщина, но я не об этом). Обо всем этом ведется речь неторопливо, несколько занудно, но исключительно талантливо. Странно: рассказы Саки неявно напоминают произведения Достоевского и Андрея Платонова, рядившихся в тогу провидцев и пророков, истерически обнажавших свои писательские приемы и ходы. По мысли Саки, жизнь безвидна, пуста, призрачна и... опасна.

Вот парочка образчиков «провидений» Саки: «Пусть говорят, что хотят, об упадке христианства; религиозная система, при которой на свет был произведен зеленый шартрез, никогда не умрет»; «Политика не очень-то ее /леди Бастейбл/ занимала, но ее не покидало предчувствие, будто вот-вот произойдет социальный переворот, в ходе которого все друг друга поубивают». Такие примеры можно стократно умножить. Писатель чуть-чуть приоткрывает мрачный ящик Пандоры, откуда бесшумно вылетают тайные страхи «коллективного бессознательного» внешне столь благополучной, сытой, холеной британской нации. Честное слово, до пресловутой «достоевщины» рукой подать. А вот еще пленительная фраза из посмертно опубликованного рассказа «Рассуждения Моунг Ка» (бирманский «сеятель риса и философских истин»): «...если в Великобритании демократия... Я не говорил, что там демократия... Я говорил, что там существует то, что называют демократией».

Читатель, поверь, Саки — ключ к шкатулке, которая именуется «Англия». Возьми его в руки...

4 июля 2000 г.

Зиновьева), давно зачислившие по своему ведомству стареющего (родился в 1922 г., честно сражался за Россию на великой войне) философа, обойденного вниманием кланово ангажированных, ленивых и брезгливых либералов. А между тем лежащий на поверхности смысл трагической зиновьевской антиутопии прост, как кусок черного хлеба и хвост селедки: великий и преславный коммунизм затонул, будто получившая чудовищную пробоину атомная субмарина, посему (скажу от себя), ежели Матушка-Россия не подтянет разбухший от водки, пива и колбасы живот, не засучит рукава, не начнет вкалывать до кровавого пота, в течение нескольких десятилетий она может исчезнуть как географическое, историческое, а также и духовное явление. Стенать о былом величии легче, нежели работать. Русским надо прилежно учиться у англичан: британцы утратили империю, но сохранили монархию, нацию, экономику, культуру, вековые обычаи и стиль жизни.

Однако вернемся к нашим баранам, то бишь к книге «Запад». Перу Александра Александровича Зиновьева принадлежит много трудов: классические «Основы логической теории научных знаний» (1967) и «Логическая физика», романы и повести «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «Желтый дом» (1980), «Гомо советикус» (1982), «Иди на Голгофу» (1985) и др., многочисленные «социологические эссе» («Коммунизм как реальность», «Кризис коммунизма» и мн. др.). Всемирная слава врасплох застала писателя-философа после опубликования на Западе «пещерно» антикоммунистического «социологического романа» «Зияющие высоты», в котором воистину со свифтовской «яростью и злостью» была выставлена на вселенское осмеяние шизофреническая (и никакая иная) природа советского режима. Покаюсь в том, что вашего покорного слугу ленинградский КГБ ложно обвинял в распространении этого «антисоветского пасквиля» (ложно потому, что, прочитав за ночь эту книгу, не дав даже полистать оную родной жене, я — упавшим, как кирпич, утром

«сбросил ее с кармана»). Стихотворение Зиновьева из книги «Светлое будущее» («Коммунисты схватили парнишку, // Притащили в свое КГБ. // Говори, кто... /опускаю несколько строк/. Срать хотел я на вашего Ленина, — // Отвечает им юный герой...»), положенное на мотив «Марсельезы», на долгие годы стало негласным гимном шумных застолий и пьяных уличных шествий пресловутой питерской творческой интеллигенции (ей Богу, сам распевал, раз комсомольский патруль чуть было не забрал в ментовскую, супруга спасла). За такие шутки режим не убил писателя (времена уже были полулюдоедские), а выбросил в эмиграцию (1978), как в помойное ведро. Двадцать долгих лет мыслитель (логик и аналитик) прожил на Западе, откуда пару лет назад вернулся на историческую родину, увы, не только по идейным, но и по финансовым соображениям, с колес попав в липкие объятия красноколичневых (вот уж «встреча на Эльбе»).

Все эти словесные фиоритуры понадобились мне, любезный читатель, для того, чтобы ты поверил, что книгу «Запад» написал не безбашенный, отвязанный «певец в стане русских воинов», а высокоодаренный мыслитель, мастерски владеющий пером, культовый логик и аналитик. Скажем сразу и без обиняков: Зиновьев истерически не любит Запад в качестве сверхсложного феномена («западнизм» в его терминологии), как откровенно и безоговорочно ненавидели его постромантики, гениальные мыслители, жившие столетие тому назад, Константин Леонтьев и Фридрих Ницше. Зиновьев — последний романтик (придумалось дурацкое словечко: постпостромантик, — дурновкусие, однако верно по смыслу), несомненный аристократ духа, не может смириться с тем, что «аристократическая, элитарная культура» без боя уступила поле сражения плебейской попкультуре. Именно в этом исходный пункт его бунта против Бога (мыслитель бравивирует своим тотальным атеизмом) и современного мира...

Прожив два десятка лет на Западе, приобретя редкий до падения «железного занавеса» жизненный опыт, проанализировав сотни специальных работ западных исследователей по философии, социологии, политологии, футурологии и т. д., мыслитель обосновал стройное (парадоксальное, но отнюдь не противоречивое) учение о «великом эволюционном переломе», осуществленном Европой, Канадой и Австралией во главе с США (начался после Второй мировой войны, ускорился после краха коммунизма, продолжается сейчас), в результате которого на Западе сложились небывалые в истории человечества сверхгосударство, сверхвласть, сверхобщество, сверхэкономика, сверхцивилизация.

Читатель, ты живешь на пленительном острове, нация, населяющая его, была зачинщицей и застрельщицей великого и трагического процесса, приведшего к «глобализации мира». Мне (если доживу) и моим соотечественникам придется (надеемся на Приснодеву, чей удел — Россия, и на В. В. Путина с чекистами-сотоварищами, а больше верить некому) существовать в этом сверхсложном, пугающе необжитом, двоящемся «человейнике» (словечко Зиновьева), чей контур грозно и неотвратимо черным дымом застит небо родины.

Живи, мой негаданный друг, в островном раю, принудительно сведенном великими искусителями с надмирных небес на грешную землю, флаг тебе в руки (хулиганское новомодное присловье русских масс-медиа), но знай и об опасностях, подстерегающих насельников парадиза. Тут-то тебе и сгодятся парадоксальные и едкие суждения, четкие наблюдения, полубезумные прогнозы «великого отрицателя» западного мира А. А. Зиновьева.

В первом абзаце я назвал книгу Зиновьева «Запад» учебником по ОБЖ. Почему? Прочитай главки: «Наемный труд», «Частная собственность», «Частное предпринимательство», «Спрос и предложение», «Денежный тоталитаризм», «Тотальный капитализм», «Жизненный стандарт», «Язвы благополучия», «Холод-

ная война», «Информационное общество», «Европейский дом», «Западнизм и коммунизм» (специально выделяю), «Конкуренция», «Социальная структура населения», «Безработица», «Социальный статус и личные связи», «Наследование», «Демократия», «Образование и обучение», «Крах ценностей коммунизма», «Культура западнизма», «Масс-медиа», — поймешь, «въедешь». Книга Зиновьева (точнее, мысли, генерированные ею) поможет тебе, читатель, не только четко осознать свое место в привычном уже, но еще не ставшем до конца (пока) родным новым мире обезопасить себя, свою семью, свою работу или учебу (в принципе, это одно и то же, увы) от эмоциональных (нерациональных) анти(не-)западнистских реакций, решений, поступков и т. д. Предупрежден — значит — вооружен. И пусть тебя, дорогой читатель, не смущает назойливый авторский марксистский жаргон (до эмиграции мыслитель не мог исповедовать, увы, ничего, кроме марксизма, на чужбине его до рвоты стала раздражать пропагандистская ложь поверхностных апологетов «западнизма», превосходящая бредни «теоретиков» «научного коммунизма» (помнишь ли ты эту «науку всех наук»).

Обращаю внимание, к примеру, на пару чрезвычайно дельных (имя им легион) суждений мыслителя. Читатель, у тебя есть или будут дети, так вот подумай (Минздрав и Зиновьев рекомендуют) над тем, чтобы они унаследовали после твоей, надеюсь, чрезвычайно отдаленной кончины не только деньги, недвижимость, но и «социальный статус» (ох, как это важно). Друг мой, я не живу в рассрочку, однако меня поразило (словно я увидел привидение на своем диване) простейший зиновьевский вывод: «Средний западный человек есть не просто гомо экономикус /.../, а скорее гомо банкус. Дело тут не столько в том, что он использует банк как удобное средство, сколько в том, что банк использует его как свое собственное средство наживы» (С. 340).

Мой далекий островитянин, грядущий подданный
Ее Величества, ты крепко стоишь на ногах, верю,
знаю! Обрати благосклонное внимание на книгу «За-
пад», она поможет тебе осознанно врасти корнями
в подзолистую почву Великобритании – жемчужины
западного мира... Аминь!

6 августа 2000 г.

16

Философия Михаила Веллера, или Вращение позитивистского пропеллера

**Михаил Веллер. Все о жизни. СПб. «Нева».
М. ОЛМА-ПРЕСС. 2000. 752 С.**

Блестящий прозаик издал блестящий философско-этический трактат, работа над которым потребовала у автора долгих раздумий (сквозь десятилетия; о работе над рукописью, о первых публикациях фрагментов текста см. с. 225–227), тяжелого труда, аналитически-критического усвоения мыслительных схем предшественников (прежде всего Шопенгауэра, Вернадского и Фрейда). Увесистый кирпич Веллера фосфоресцирует всеми цветами радуги (употребленный глагол восходит к греческому прилагательному «светоносный»). Писатель создал цельную и непротиворечивую систему мировидения и непонимания, которую можно принимать, отрицать, дополнять, критиковать в частностях и т. д. Но ее не смахнуть рукой, как карточный домик с ломберного стола, она есть и будет заявленной, осуществленной и посему неуничтожимой асфальтовой верстой раздолбанного шоссе русской духовности, ведущего в никуда.

Постройка Веллера (по грандиозности и изощренности чертежей) сопоставима в прошлом (двадцатом веке, пожалуй, лишь с циклопическими сооружениями французского философа, католического богослова Тейяра де Шардена (1881–1955; концепция «христианского эволюционизма», основной труд: «Феномен человека») и отца Александра Меня, «апостола интеллигентов» (1935–1990; создателя шеститомного труда «В поисках пути, истины и жизни»). Я совершенно

серьезен и констатирую это с полной ответственностью. Конечно, творчество де Шардена и батюшки Меня овеяно горячей верой в Бога, а Михаил Веллер — позитивист-безбожник (как ни странно, с несомненными ницшеанскими обертонами), однако сие личные проблемы сочинителя, а не его фолианта. Речь идет о масштабе личности и умственного подвига автора. Спародирuem веллеровскую «простоту формы и наглость мысли» (С. 226): таки, шо мы имеем в остатке, ребята, а имеем гениальную мысль Венедикта Ерофеева — больше пейте и меньше закусывайте, это избавляет от сомнения и поверхностного атеизма. Книга Веллера — событие...

Набрал два абзаца, скурил четыре сигаретки (привет из Питера!) и ощутил холодок вдоль позвоночника: представил телесно и мысленно окрысивание коллег-критиков на Мишеньку (он мой однокурсник по отделению русского языка и литературы филологического факультета Ленинградского университета в конце 1960-х годов), посему смею его так амикошонски именовать, хотя мы и виделись последний раз 17 лет назад, когда он презентовал мне свою первую книгу «Хочу быть дворником!»). Рецензии на «Все о жизни» мне пока на глаза не попадались ни на бумаге, ни в интернетной сети, впрочем, солидарное корпоративное замалчивание-неупоминание достойнейшей работы — древний и весьма эффективный критический ход-прием. Натурально, друг-читатель, можно ли простить Веллеру чудовищное преступление: за три последних года его книги огромными по нынешним временам тиражами (например, в «выходных данных» «Все о жизни» указан дополнительный тираж 5000 экз.) издавались тридцать раз. Можно ли пережить такое, никак нельзя. Веллер — самый популярный, читаемый, коммерчески успешный серьезный писатель нашего поколения. Ату его, рви бездумно на клочья, что и делается постоянно. Зависть, черная зависть, всесжигающая, нетворческая, сладкая и постыдная. Буйным бурьяном

цветет вышеупомянутое окрысивание в перемываниях косточек Веллера (кухонно-курилочных) литературной и околотелературной тусовкой, в назойливом сопоставлении Веллера с Довлатовым (разумеется, в пользу последнего, ушедшего от нас, обсахаренного ядовитой слюной эпигонов, как бы канонизированного и вознесенного на ложный Олимп, в чем Довлатов — гениальный беллетрист — не повинен). Употребим излюбленное веллеровское словечко падлы. Падлы, вы же профессионалы, неужто не «сечете», не «въезжаете»: Довлатов и Веллер — сочинители-антиподы. Как? А так: Довлатов ничему не «учит» читателя, не наставляет, мол, думай и делай, как я (ну, типа-конкретно Чехов). Веллер же «учит» (по делу и в тему, кстати). Странная штука литература: довлатовское (на первый взгляд, свободное, отнюдь не принудительное) «неучительство» на самом деле несвободно и принудительно. Впрочем, вернемся к книге «Все о жизни».

Михаил Веллер пошел по проторенной дорожке. По какой? Отвечаю без базара: по той самой, на которую сворачивали многие его достославные предшественники. Писал себе человек отличную прозу и вдруг, бац, на долгие годы засел за философский, морализаторский, этический (крайне редко — космогонический) трактат. Создал, издал (не издал, почувствуйте разницу), мухи по тексту ползают и от скукидохнут. Нормальный читатель засыпает просветленно-умиротворенно на третьей странице. Таковы, например, лживо (увы!) христианские трактаты Льва Толстого («В чем моя вера?»; 1884). А вот фундаментальный труд Веллера исключительно интересен, читается на одном дыхании, написан простецким обывательским слогом (на самом деле весьма сложным, искусным и изоощренным, ей Богу).

Стежки-дорожки известные, а вот добыча в конце пути — богатая и увесистая. Читатель, не разевай варежку, не «воздевай очи в горнюю высь», мол, упоминание в одном ряду Толстого и Веллера — святотатство, эпатаж, вызов небу и аду. Гиль, все это. Есть

в мире для тебя, друг мой высокий, один единственный авторитет: Ты Сам, Твое осмысление-понимание, Твои вкусы и пристрастия – все прочее (за феноменологическим исключением Господа нашего Иисуса Христа) — от лукавого. Это и декларирует Веллер, разумеется, без моего непустячного дополнения в предшествующих скобках; позитивист, он и в Эстонии позитивист, так-то. Кстати, у Миши в книге есть замечательная главка «Вера и религия», где автор умно и тонко дифференцирует два этих полярных на самом деле понятия (С. 360-371). Именно в этом разделе Веллер, стою на том, совершает единственную роковую, непоправимую ошибку (во всей огромной книге), утверждая: *«Вера — это аспект внутренней, принципиальной непримиренности человека со всем положением вещей в этом мире»*. Михаил, ты не прав, все наоборот, аспект... ПРИМИРЕННОСТИ... (это я о тех, кто верует не умом, а сердцем).

Я не намерен пересказывать мысли Веллера, я хочу донести до тебя, любезный читатель, свои ощущения и переживания, вызванные изучением этой книги. Больше ничего... Да, сочинитель предлагает оригинальнейшую концепцию места и предназначения человека во Вселенной (энергетическое преобразованием оной), да, вторая часть трактата, гордо поименованная «Пониматель», — свежа, умна, остроумна, парадоксальна, доказательна и искрометна (особенно главки «Прогресс», «Государство и эволюция» — название известной книги Егора Гайдара — где ты, незабвенный «труд» В. И. Ленина «Государство и революция», который конспектировали поколения советских студюзусов? Русь, дай ответ. Нет ответа., — «Интеллигенция и ее уход», «Смерть», «Свобода», «Власть», «Зависть», «Добро и зло», «Любовь», «Страдание», «Секс», «Мужчина и женщина», «Агрессивность», «Наркотики», «Самоубийство», «Красота», «Искусство»).

Эге, промычит искушенный читатель, пробежав глазом названия разделов трактата Веллера, да это

же не что иное, как учебник жизни (учебник «по жизни», — употребим набивший оскомину хулиганский оборот). И будет прав, потому, что читатель всегда прав, ибо он голосует не сердцем, а своим кошельком. Купи книгу Веллера, она стоит того, более того, купив, не ставь на полку, а полистай с толком (во, в рифму получилось).

В томе «Все о жизни» не просто много ума специфического, отточенного, как стилет. Это не фокус, умных много. Автор (это очень важно) — человек (возможно, и «сверхчеловек», — гнусный, но точный термин) бывалый в самом широком смысле слова, много (излишне, не в фантазиях, а в реальной жизни) переживший, передумавший и испытавший. Помню, поразительно интересные рассказы Миши, вернувшегося и «восстановившегося» после годичного странствия по Руси (убежал с четвертого курса) о том, как он купал в шампанском калининградских проституток, как была проницаема для природных северян-туземцев на Чукотке стальная советско-американская граница (это тебе, читатель, не в Бельгию скататься, по тем временам такое было неслыханно страшно и сверхкруто). В книгу Веллера вложен огромный разноаспектный жизненный опыт (понимателя, искателя приключений, агрессивного «наглеца», пожирателя книг и фильмов, «живописца слова» — есть такой дамский термин, Дон-Жуана и т. д.; перечислительный ряд можно разогнать на десять строчек).

Книга, безусловно, пригодится тебе, читатель, «по жизни», независимо от того, стар ты или молод, уберезет от неосмысленных страданий и поступков (я не шучу, хотя пользы от философии и искусства малым-мало). Можно сказать иначе, чтение этого «кирпича», мастерски обожженного, сделает увлекательными твои вечера в течение недели. И пусть не смущает тебя ощутимый марксистский жаргон (ох, и крепко же учили нас бессмертному учению). Нежных барышень и тетенок-феминисток предупреждаю заранее: творчество

Веллера — апогей мужского шовинизма. Все... «А я Мишка — вашему терему крышка» (из эпитафий к трактату «Все о жизни»). «Крышка», по мнению автора, — грядущий финал «белой цивилизации». Грустно, господа.

3 сентября 2000 г.

17

Российская Империя (теория и практика), или Они о Нас

Выдающийся английский исследователь (автор фундаментального труда «История Советского Союза»), профессор Школы славистики и Восточной Европы Лондонского университета выпустил в провинции увесистый, исключительно интересный фолиант: **Джеффри Хоскин. Россия: Народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С. Н. Самуйлова. Смоленск: «Русич». 2000. 512 с. Тираж 7000 экз. («Популярная историческая библиотека»)**. Читатель, поверь, книга написана умно и живо, заслуживает самого пристального внимания, проглатывается буквально, как говорят школьные училки, на одном дыхании. Работу британского ученого я настоятельно рекомендовал бы российским/западным политикам, журналистам, политологам, бизнесменам, инвесторам, лидерам сепаратистских движений, в частности, как обязательную инструкцию к тому, как не наступать четырежды на одни и те же пресловутые русские грабли. Труд английского профессора настойчиво напоминает о том, что история (в особенности, русская) повторяется не как фарс (никчемное общее мнение), не как трагедия (верное частное мнение), а как катастрофа (по меткому наблюдению журналиста Марка Дейча). Читай и обрящешь...

О России, о нашей истории, о наших стародавних и злободневных проблемах зачастую на Западе пишут с ненавистью и презрением. Что ж, мы сами (наши пращуры, деды и отцы) заслужили это, превратив «Святую Русь» в абсурдистскую Совдепию, пролив реки собственной (и чужой) крови, убив в себе Бога,

уничтожив национальную культуру, вековые традиции. Книга Хоскинга написана совершенно в иной тональности. Автор (как практически любой западный славист-русист: привет, незабвенные «кореша» моей незабвенной юности — британские профессора — стиховед Джерри Смит и специалист по Андрею Белому Джон Элзворте) любит, понимает, ценит, уважает, жалеет Матушку-Русь, сочувствует нашим бедам, но... глядит на нас остраненно-понимающе-восхищенно, как я на двухсантиметровую паучиху-«крестовика», сплетшую гигантскую сеть на окне моей квартиры.

Рождение Российской империи, по Хоскингу, относится к августу 1552 г., когда войска Ивана Грозного с кровопролитными боями захватили Казанское ханство, «покорив и аннексировав независимое нерусское государство» (С. 16). Далее империя сложно расширялась и модифицировалась вплоть до катастрофы 1917 г., когда произошло гениально предвиденное маркизом Астольфом де Кюстином «восстание бородатых против бритых» («Россия в 1839 году». Париж, 1844. Т. 1–4). Большевики, захватив власть, не пожелали (не смогли) создать национальное государство типа «кемалистской» Турции после крушения Османского мира, но поразительно быстро «железом и кровью» возродили коммунистическую империю в теперь уже планетарном масштабе, ошеломительное крушение которой произошло на наших с тобой, читатель, глазах в 1991 году. Практика Российской империи дельно, дробно и подробно и исследуется в работе Джеффри Хоскинга.

Читатель, ты — уехал (вернешься ли — Бог весть), я — остался. Каждому — его. Помнишь ли ты о первых русских политических эмигрантах — беглецах из «Московии»: князе Андрее Михайловиче Курбском (1528–1583; в 1564 г. «утек» в Литву) и Григории Карповиче Котошихине (1630–1667; в 1664 «свалил» в Швецию). Оба, кстати, за границей вольно писали о русских «порядках» (ну, чисто Герцен-Солженицын). Хоскинг их не упоминает, а зря. Именно они, а не просветители-

масоны-«политзеки» XVIII столетия Николай Новиков (ударение на третьем слоге фамилии; 1744–1818) и Александр Радищев (1749–1802) — первые истинные русские интеллигенты. Нельзя не вспомнить и о пилотной группе молодых дворян, отправленных Борисом Годуновым (впервые в русской истории) учиться на Запад. Назад не вернулся никто. Эти пацаны — первые интеллигенты-невозвращенцы, променявшие «жесткие мостовые Ленинграда на мягкие подушки Голливуда» (было такое присловье у бесстрашных и «безбашенных» питерских стилист-фарцовщиков, героев моей юности, родоначальников-«прогрессоров» (емкое словечко братьев Струацких) рыночного капитализма в губительном кошмаре внерыночной советской экономики). Кстати, главы «Рождение интеллигенции» и «Литература как «строитель нации» написаны просто блестяще.

«Россия: Народ и империя» — вдумчивое, скрупулезное, капитальное, глубокое (одновременно — поверхностное, ибо верхоглядство суть злокачественный порок любого интерпретатора) аналитическое исследование исторической практики Российской империи. А вот «теория» у автора несколько прихрамывает. Оригинальная, строгая концепция Хоскинга (впрочем, не подкрепленная ничем, кроме высокоинтеллектуальной игры ума) в упрощенном виде выглядит следующим образом: «строительство империи помешало формированию нации» (С. 6), «Россия теперь существует как единая этническая нация, но еще не как гражданская нация» (С. 503). Это уже о России, пережившей события 1991 г. Дельно, но где же татары, башкиры, тувинцы, якуты, осетины, чеченцы, ингуши, евреи и т. д. и т. п. Между тем автор, забывая о многочисленных народах и народностях, населяющих Россию, неоднократно подчеркивает, что британскую нацию образуют четыре «этнических компонента: англичане, валлийцы, шотландцы и ирландцы» (С. 8). Так вот, как бы шотландцы с валлийцами не «отвалились», а? «В чулом глазу соломинку мы...»

«Гражданская нация» — это граждане, участвующие — или вовлеченные — в создании законов, их принятии и управлении через выборные центральные и местные органы, суды, а также политические партии, добровольные общества и другие институты гражданского общества» (С. 7). К «гражданским» нациям Хоскинг причисляет французов, швейцарцев и американцев (о британцах — ни гу-гу, впрочем, молчание — знак согласия), к «этническим» — немцев (!!!) и восточно-европейцев. Кстати, общее определение понятия «нация» у Хоскинга неприятно смахивает на бессмертную сталинскую дефиницию (С. 6–7). Ну, да ладно. Все-то мы в чем-то виноваты перед западными людьми (перед собой — да, перед ними — нет).

В некоем упоительном самоуничижении «Литературная газета» (приложение «Книжный развал») публикует интервью Л. Грековой с Хоскингом под характерным заголовком «Русской нации еще нет» (2000, 6–12 сентября. С. 6). Приведем ключевое положение английского историка: «Британская империя создала британскую нацию, такой нации не было. В России как раз наоборот — русская нация создала империю. Сейчас, отделившись от империи, русская нация имеет возможность стать нацией в полном смысле слова». Ну, недочеловеки мы, простите, будем эволюционировать. Однако парадокс есть парадокс (ничего более), доказывать ничего не надо.

Любовно возразим английскому профессору: все элементы и аспекты, присутствующие в его определении «гражданской нации», в той или иной степени, в том или ином виде были в политической и бытовой реальности старой России (умолчим о 74-летнем коммунистическом провале). В шорах политкорректности Джеффри Хоскинг не смеет прямо заявить о том, что британцы и русские — великие корпоративные имперские нации. Английский историк справедливо подмечает, что в Российской империи «отношения между различными народами носили заметно менее

расистский характер, чем, скажем, в Британской империи» (С. 56).

Да, рухнули наши империи. Однако живы «Британское содружество наций» и СНГ вопреки немислимой сложности, противоречиям, «подводным течениям» (зачастую, прямому национальному идиотизму), сепаратизму, жадности, корыстолюбию, кровавым войнам (Африка, Чечня, Таджикистан). Нет империй, но есть «бремя белого человека» (Р. Киплинг). Тем выше, слаще и почетней великая цивилизаторская миссия британцев и русских во всей Ойкумене. «Истина дороже Родины», — звучит гордо (П. Я. Чаадаев). Чего-то я распозил, вернемся на грешную землю.

Итак, все было в России. Национальная идея, о которой столь пекутся современные и «почвенники», и «либералы», тоже была (великие декларации предреволюционных политиков: философа-публициста П. Б. Струве и заводчика-предпринимателя А. И. Коновалова (С. 464–465). Бери, читай, претворяй в жизнь, нет, лень, молчит Русь, не дает ответа... Все было, все пропало, но, слава Богу, нечто осталось, что прорастет, расцветет, даст плоды (будем верить, надеяться и трудиться). Пожелаем успехов нашим Президенту и правительству. Набрал последнюю фразу, аж оторопь взяла: никогда не сочувствовал «родному советскому правительству», царствие им подземное! Вспомним поразительную мысль Пушкина: «Правительство — это наш единственный европеец» (С. 277).

Читатель, книга Хоскинга очень хороша, поверь (я не буду утомлять твое внимание мелкими недочетами, неточностями и опечатками). Самое благоприятное впечатление производит и детальная фиксация британско-русских культурных и политических связей (например, Петр I, в 1698 г. в Англии консультировался по поводу замысленной им реформы церкви с Гилбертом Бернетом, епископом Солсберийским; сподвижник первого русского императора, Феофан Прокопович (1681–1736) в своем «Духовном Регламенте» (1721 г.)

развивал положения трактата «Левиафан» (1651 г.) философа Томаса Гоббса (1588-1679); гениальный журналист-идеолог Михаил Никифорович Катков (1818-1886) и выдающийся государственный юрист, публицист, Константин Петрович Победоносцев (1827-1907) были тайными приверженцами английской политической и общественной системы). Добавим от себя, что и Петру Яковлевичу Чаадаеву (1794-1856), первому (знаковому, культовому) русскому философу главные положения «Философических писем» (1829-1831 гг.) пришли на ум в августе 1825 г. в деревне около Брайтона. Воистину: русский с британцем — братья навек...

1 октября 2000 г.

Культура (литература) и царство (Империя), или Мы о Себе

Замечательный ученый, действительный член Российской академии наук, выученик и наследник Д. С. Лихачева выпустил (в «мягкой» демократичной обложке) замечательную книгу: **Александр Панченко. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург, 2000. Издательство «Азбука». Тираж 6000 экз. 464 С.** Об Александре Михайловиче журналисты зачастую пишут как о «мудреце» и «пророке». Его газетные интервью и телевизионные выступления (едкие, парадоксальные, окрашенные в апокалиптические цвета) имеют свою благодарную аудиторию, вызывая у творческой «тусовки» неоднозначный резонанс: от восхищенного принятия до глумливого отторжения.

Академик А. М. Панченко — истинный «трудник слова», Ученый (с прописной буквы), пестователь нескольких поколений специалистов, мыслитель, культуролог, человек невероятного ума и остроумия, пленительный собеседник, изумительный рассказчик, вербальный кудесник. Знаю сие не понаслышке: в ставшие уже «баснословными» 1970-1980 годы я имел честь служить вместе с ним в Институте Русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук. Я — современник и свидетель... Похваляюсь, 21 год тому назад мы один раз «посоавторствовали»: опубликовали письма «русского парижанина», гениального писателя А. М. Ремизова к В. И. Мальшеву (основателю знаменитого Древлехранилища Пушкинского Дома, великолепному специалисту и великолепному человеку // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год.

Л., «Наука», 1979. С. 203–215). Я давно ушел из академической «истории литературы», однако, признаюсь, что Александр Михайлович — редчайший человек из той, прежней жизни, по кому я скучаю...

Книга, о которой пойдет речь, снабжена лапидарным, но исключительно дельным предисловием. Член-корреспондент РАН, директор Пушкинского Дома Н. Н. Скатов четко и недвусмысленно констатирует: «В этой книге нет слишком, к сожалению, частой и не всегда чистой филологической болтовни... Нет в этой книге и ложной — пугающей — глубокомысленности и теоретичности... В книге действительно нет так называемых общих мест, то есть банальностей, не интересных никому, но есть общие мысли, интересные всем. Вообще, книга насыщена мыслью» (С. 7, 8). Святая правда... Все именно так.

В том вошли работы последних двух десятилетий, которые смело и без всякой натяжки можно назвать интеллектуальным романом («Русская культура в канун Петровских реформ»), интеллектуальными повестями и рассказами («Ранний Пушкин и русское православие», «Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема», «Красота православия и крещение Руси», «Юродивые на Руси», «Скоморохи и «реформа веселья» Петра I», «Боярыня Морозова — символ и личность», «Петр I и веротерпимость», «Лесковский Левша как национальная проблема», «Летописный рассказ об Андрее Первозванном и флагелланство», ««Потемкинские деревни» как культурный миф», «Осьмое чудо света»). Последняя статья — жуткая, трагедийная; на поверхностный взгляд, выламывающаяся из ряда, она посвящена «культурно-религиозному аспекту» погребения Ленина большевиками на Красной площади. Таков исторический диапазон исследователя: от языческой Руси до наших дней.

«Творения» А. М. Панченко — безупречны: концептуальность, изысканное мастерство в «плетении

словес», несравненная щегольская «выделка», скрупулезная работа с источниками (архивными и книжными) и т. д. Воистину: талант не спрячешь... Любезный читатель, не подумай, что, назвав строго научные работы ученого «интеллектуальными романами, повестями и рассказами», я имел в виду наличие в них элементов «фантазийности», выдумки, того, что на вашем языке именуется fiction. Избави, Господь. Я хотел лишь подчеркнуть, что редко (крайне редко) бывает такое, когда научная проза не только не уступает «художественной», но и превосходит ее талантом и качеством. Вот и все. Специально отмечу: труд академика — не сборник работ, а цельное произведение с единым сюжетом (с прихотливыми уклонениями в сторону «двойничества» и «самозванчества» — «играющих людей») и едиными «героями».

Книга А. М. Панченко пристрастна и яростна. Нет в ней елейного умиления перед «благолепием» «святой Руси». Исследователь повествует о наших предках совсем не так, как равнодушный энтомолог о, скажем, тараканах или «уфолог» о «пришельцах» (это частенько приключается в работах западных исследователей по русской проблематике). Умственная жизнь наших предков была интенсивнее и насыщеннее нашей (с телевидением, газетами и интернетом), увы. Так вот, ученый горячо вмешивается в жаркие споры далеких пращуров. Возникает простая мысль: свыше тысячи лет в необъятном железном котле Руси-России варится одна и та же каша, подбрасываются поленья различных деревьев, изменяется температурный режим, добавляются разные (иногда весьма экзотические) специи, вроде марксизма, но никто еще это блюдо толком не распробовал (хотя десятки миллионов людей погибли от несварения желудка). Какова в конце концов будет на вкус эта каша, питательна ли, съедобна, вкусна, солонна (это уж точно) или ядовита? — знает один лишь Бог. Грустно, однако, на самом деле мало, что меняется из века в век на Руси-Матушке.

«Сквозные» персонажи в фолианте — царь Алексей Михайлович, «неистовый протопоп Аввакум» (величайший, безусловно, русский писатель), Петр Великий и Пушкин. Титанические фигуры Алексея Романова и Аввакума Петрова безвинно заслонены в благодарной памяти потомков другими историческими персонажами. А. М. Панченко устраняет этот умственный «обман зрения». Книга изобилует трагическими «героями», которых, увы, никто не помнит. Слышал ли ты, читатель, о монахе Сильвестре (в миру: Симеоне Агафонниковиче; 1641–1691) Медведеве — «первом русском поэте, погибшем от руки палача» (С. 235)? Таких персонажей в исследовании — легион.

Культура старой и новой Руси — воистину цветущий сад («Вертоград многоцветный» — название гигантского сборника «виршей» первого русского профессионального поэта Симеона Полоцкого). А. М. Панченко ориентируется в этом «саду», как в своей квартире, любезно ведет читателя по его прихотливым дорожкам, цветникам, пустошам и оврагам. Такая «экскурсия» дорогого стоит. Книга А. М. Панченко — несравненный путеводитель-бедкер по неизвестной земле, именуемой «Прошлое и минувшее», богатой живыми источниками и драгоценными «каменьями» Духа. Ох, опять на высокий «штиль» потянуло. Вернемся на грешную землю. Не узнаешь, не осмыслишь не поймешь Русь-Россию — не узнаешь, не осмыслишь, не поймешь Англию-Великобританию. Я сказал... dixi...

Ученый формулирует «основной принцип» древнерусской историософии: «не человек владеет историей, а история владеет человеком» (С. 71). Позднее (в канун Петровских реформ) люди предъявили свои права на историю, попытались овладеть ею. К чему привел этот бунт против Бога, длящийся уже свыше двух столетий на территории России, тебе, дорогой читатель, хорошо известно. Результат налицо. Кстати, жизнь в «темные века» и позднее — до «нового времени» была по-своему счастливой, цельной, гармоничной, «теплой»

и «намоленной». Ученый исподволь (очень осторожно) подводит читателя к мысли об опасности всевозможных непродуманно-поспешных «новаций», которые из века в век прорастают в нашей истории непролазным чертополохом. С неопровержимыми фактами в руках исследователь опровергает и злокачественную легенду о культурном «изоляционизме» Руси. Неправда, было взаимовлияние, взаимообогащение разных культур и цивилизаций.

По ходу дела (разумеется, не специально) А. М. Панченко фиксирует малоизвестные (широкому читателю просто неизвестные) англо-русские культурные контакты, которые наверняка привлекут внимание «русских лондонцев». Например, в работе цитируются интереснейшие мемуары Джильса Флетчера и Джерома Горсея, путешествовавших по Руси в XVI в. Петр I знал «Эпистолу о толеранции» Джона Локка, труды философа были в библиотеках ближайших сподвижников первого русского императора, вторая часть знаменитого трактата английского мыслителя «О государственном правлении» с ведома и одобрения самодержца была издана по-русски в 1720 г. (новый перевод появился лишь в 1960 г.) (С. 389–390).

Преобразователь России был, как известно, заядлым англоманом. Исследователь, опираясь на британские источники, с мягким юмором пишет о том, что не только россияне, но и «гордые бритты» (в Лондоне было тогда 17 тысяч пивных) некогда перехлестывали в неумеренном употреблении спиртосодержащих напитков: «Англия и при Петре, и в продолжение всего XVIII в. оставалась веселой и пьяной Англией. Знать и двор кутили напропалую вплоть до поколения «чувствительных» людей, когда литература стала сентиментальной, а общество — слезливым» (С. 165).

А. М. Панченко подробно пишет о знаменитом петровском (кощунственном, приводившем в ужас «старо-мыслов») «всешутейшем соборе». Так вот, у одного был «младший брат»: «В быту британской аристократии...

были в заводе всякие маскарадные клубы. Среди них был и клуб безбожников, устав которого предписывал членам упражняться в пародийном кощунстве. Именно этот клуб породил так называемый «Великобританский славный монастырь», учрежденный царем в Петербурге» (С. 169). К «братии» «Великобританского монастыря» принадлежали представители элиты петербургской европейской колонии, в частности, математик и навигатор Андрей Фархварсон — профессор Абердинского университета, приглашенный императором в 1698 г. на службу в Россию.

Камертон к книге — лукавый парадокс лукавого Г. К. Честертон: «Жизнь — не алогизм, но ловушка для логиков» (С. 255).

16 октября 2000 г.

«Развлечение для взыскательного читателя», или Новая книга Б. Акунина о пращуре и внуке великого сыщика

Писатель-«трудоголик» недавно обрадовал своих (теперь уже бесчисленных) «фанатов» новым романом:

Борис Акунин. Алтын-толобас. Роман. Санкт-Петербург. Издательский дом «Нева». Москва. Издательство «ОЛМА-ПРЕСС». 2000. Тираж 10000 экз. 416 С.

Дорогой русский-британец, эта книга (хотя автору и в голову такое не приходило) спроектирована лично для тебя. Главный герой романа Николас А. Фандорин, британский подданный во втором поколении, внук блистательного Эраста Петровича, баронет (папа получил титул за заслуги в области медицины), магистр истории, отправляется в опасное путешествие по ельцинско-черномырдинской России в поисках... Сюжет пересказывать не буду. Возьми книгу в руки — не оторвешься, пока весь том не прочитаешь.

Перед поездкой Николас находится в «тягостных раздумьях». Позволю себе привести пространную цитату (раздумья героя, полагаю, вызовут у тебя, друг мой высокий, сочувствие и понимание): «Предположим, Россия — страна не слишком симпатичная, говорил себе магистр. Политически сомнительная, цивилизационно отсталая, к тому же нетвердых моральных устоев. Но это все понятия относительные. Кто сказал, что Россию нужно сравнивать с благополучной Англией, которая перешла к пристойной жизни на сто или двести лет раньше? А почему не с Северной Кореей или Республикой Чад? К тому же и к англичанам

у Фандорина претензий хватало. Нация каких-то армадиллов, каждый сам по себе, тащит на себе свой панцирь — не достучишься. Да и стучаться никто не станет, потому что это будет считаться вторжением в приватность. А хваленое британское остроумие! Господи, ни слова в простоте, все с ужимкой, все с самоиронией. Разве возможно поговорить с англичанином на какую-нибудь «русскую» тему вроде добра и зла, бессмертия или смысла бытия? Невозможно. То есть, конечно, возможно, но лучше не стоит» (С. 19).

Не странствовал я никогда по «городам и весям» суровой Великобритании, но англичан «по жизни» встречал (причем «безбашенных», у которых «съехала крыша» на неумном изучении истории и литературы Руси-Матушки, ну точь-в-точь, как у героя романа). По-моему, суждение — не в бровь, а в глаз. Впрочем, тебе, читатель, виднее. Кстати, армадилл — южноамериканское млекопитающее, в русском обиходе именуемое броненосцем (редко: панцирником или латником). «Остров» в романе упоминается десятки раз. Например, московский знакомец говорит магистру истории: «У нас тут не Англия, но живем мы, Коля, по английскому закону. Твой земля придумал, Чарльз Дарвин. Закон такой: или они тебя, или ты их» (С. 209). От себя добавлю: возразить нечего. Каждая глава завершается «лимериком» Николаса Фандорина, зло, едко и метко пародирующим пресловутый «британский юмор».

В качестве заголовка для заметки я взял название весьма содержательного интервью Б. Акунина газете «Московские новости» (2000, № 40 (1058), 10–16 октября; интервьюер Нина Агишева; можно прочитать в Сети — <http://mn.ru/2000/40/201.html>). Писатель (большой плут) здесь впервые обнародовал свое авторское «кредо»: «Я одним из первых в этой стране попытался соединить два жанра — высокий и низкий. У нас всегда отсутствовало промежуточное звено — развлекательное чтение для взыскательного читателя. Так было

и в прошлые, и в советские времена, за редчайшими исключениями вроде Алданова, а между тем это род литературы, который необходим любому человеку. Даже если он жить не может без Хайдеггера, все равно ему надо дать отдых мозгам. В книжках, которые я сочиняю, нет ничего сложного. Там есть исторические и литературные игры, но вникать в них совершенно необязательно, потому что, я надеюсь, сюжета достаточно и самого по себе. Мой читатель — это человек, который может получить удовольствие не только от сюжета, но и от стиля». Умри, Денис, лучше не скажешь. М. А. Алданов (Ландау; 1886–1957) — великий исторический романист-эмигрант, потрясающий писатель; это вам не Пикуль!

Наверняка, читатель, ты балуешься с Интернетом. Так вот, в сентябре писатель открыл свой «официальный сайт»: Борис Акунин. Сочинения. Полное интерактивное собрание (<http://www.akunin.ru/>). Сайт новый, посему там пока целиком «загружены» только первая и последняя книги писателя «Азазель» и «Сказки для идиотов». Сайт весьма стилистичен и элегантен, содержит чрезвычайно занятные «Полезнейшие исторические сведения, факты и документы» (в частности, старинную карту Великобритании и Ирландии). Появился у Акунина и «неофициальный сайт» с незатейливым названием «Фандорин» (ведет Александра Антоненко; <http://www.fandorin.ru/>). На «Фандорине» в практически исчерпывающем виде представлена вся «акунистика»: «труды» Г. Чхартишвили, «сочинения» Б. Акунина (все можно читать, не тратя денежки на приобретение книг), досье на господина Акунина, досье на господина Фандорина (кстати, мне очень лестно, что «висят» две мои предыдущие заметки о творчестве писателя, опубликованные «Лондонским курьером»). Знай, читатель, что по-японски «акунин» означает не что иное, как «злой человек». Непрост, ох, непрост, сочинитель теперь уже третьей серии романов...

Итак, Николас Фандорин попадает в новую Россию, испытывает опасные и невероятные приключения. Параллельно развивается вторая (первая ?) линия сюжета: авантюрное странствие по Руси в эпоху царя Алексея Михайловича его далекого предка швабского рыцаря Корнелиуса фон Дорна, ставшего на московской службе капитаном мушкетеров Корнейкой Фандориным (потомки его стали писаться «Фандоринными»). Подробно прослежена история рода фон Дорнов... Архитектоника книги интригующе сложна: авантюрный роман в авантюрном романе. Бестолковые критики увидели в этом влияние братьев Вайнеров (я не шучу), будто нет иных примеров в истории литературы.

Я ничего не сказал о своеобразном названии книги. Алтын — тюркское слово, означающее «золото», так зовут и героиню романа (татарку, московскую журналистку-«пиарщицу»). Толобас — особый сундук, в котором ханские наместники-баскаки перевозили собранную дань: золото, серебро, соболей» (С. 247). Что находилось в «толобасе», с превеликими трудами и опасностями добытом Корнелиусом и Николасом, — не скажу ни за что, узнай сам, читатель.

Сюжетобразующим элементом в последнем романе Акунина является таинственная и загадочная записка, адресованная Корнелиусом своему сыну Никите (Миките). Об «Алтын-толобасе» уже опубликовано несколько статей, но никто не обратил на нее внимания, а жаль. Записка (есть ее факсимильное и печатное воспроизведение) блестяще стилизует вербальную «повадку» (скажем так) и скоропись XVII века. Я специально консультировался по этому поводу со старшим научным сотрудником Древлехранилища Пушкинского Дома, уникальным специалистом-палеографом, знатоком древнерусской скорописи Г. В. Маркеловым. Записка составлена практически безупречно. Кто создал оную для Бориса Акунина — ведомо только ему самому. Таких специалистов в мире — на пальцах одной руки пересчитать можно. Вот так работают серьезные

творцы «развлечений». Оставим на совести писателя-сюжетный ход, когда Николасу Фандорину в Центральном архиве древних актов разрешают пользоваться ручным сканером (я сам, старый архивист, при работе с рукописями пользуюсь только ноутбуком, за сканер — выгонят, и все). Впрочем, у нас все возможно: красивая бумажка в 100 фунтов, переданная из кармана в карман, вероятно, может облегчить существенно архивные разыскания.

Читатель, ты уже «въехал», полагаю, в то, что книгу надо прочесть. Помимо увлекательного сюжета, она полна специфического (пожалуй, висельнического) юмора. Ну, вот, к примеру: «Фон Дорн вспомнил /.../ жестокий обычай московитов — жену, что убьет мужа, не жечь на костре, как принято в цивилизованных странах, а закапывать живой в землю, пока не издохнет» (С. 76–77). Пращур и потомка встречают на пограничном рубеже Руси-России деревня «Неворотынская» и железнодорожная станция «Неворотинская». Догадайся, читатель, суждено ли им покинуть новую родину?

Отмечу, что в романе, ориентированном отчасти на знаменитое сочинение Умберто Эко «Имя Розы», есть и ощутимая христорожеская нота (высмеивается «возрожденческий дух»).

Как и во всех романах Акунина, читателя завораживает пленительная игра с именами собственными. Приведу один весьма «репрезентативный» пример. На праздновании (по-европейски, 1 января 1676, не 1 сентября 5184 — от «сотворения мира» — года) в палатах боярина Артамона Сергеевича Матфеева (правильно — Матвеева, реальное историческое лицо) Корнею Фандорину встречается «ученый хорват с непроизносимой фамилией — все *zch* да *tsch*» (С. 171). Больше о «хорвате» — ни слова. Читатель, догадайся с трех раз: о ком идет речь. Правильно — это Юрий Крижанич (1618–1683), поэт, реформатор, автор трактата «Политика», «политзек» (был в многолетней ссылке в Тобольске).

Вот и все, читатель, что я намеревался сказать тебе об этой книге. Знаешь, Господь милостив, все будет путем на родине нашей, ежели создаются и читаются взахлеб такие увлекательные (светлоумные) романы.

28 октября 2000 г

20

Сенсационная история, или Историческая сенсация

Любезный читатель, тебе хорошо известен псевдоним Виктор Суворов, под которым целую полку увлекательных книг издал Владимир Богданович Резун, офицер Главного разведывательного управления Советской армии, перебежавший в 1978 году в Великобританию, приговоренный за «измену Родине» заочно к смертной казни. О Викторе Суворове «Лондонский курьер» писал не раз. Поводом к составлению этой заметки послужила его новая книга: **Виктор Суворов. Самоубийство. Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., «Издательство АСТ». 2000. 384 с. Тираж 40 000 экземпляров.**

Друг мой, не торопись подумать, мол, знаю Суворова, читал, потерпи, дочитай до конца рецензию, в финале тебя ждет сенсация. Книге предпослано занятное «посвящение»: «Книгу с таким названием друзьям не посвятишь. Потому — врагам».

И верно, недругов у Виктора Суворова предостаточно. Прежде всего потому, что тиражи его книг просто астрономические. Один «Аквариум» издавался не менее двух десятков раз. В общественном транспорте, свидетельствую, последние годика два «продвинутая» молодежь читает Пелевина-Акунина, люди в годах, простецкие по виду, читают Маринину и Суворова. А ведь историк не детективы пишет. Читатель голосует не сердцем, а умом-кошельком, однако у поклонников Суворова лишних денег нет. А покупают потому, что умно, парадоксально и интересно.

Чужой успех пережить трудно, вот и не прокатили ни по одному каналу российского телевидения

восемнадцатисерийный фильм «Последний миф» — квинтэссенция суворовских размышлений, главный герой картины — сам автор-еретик. Разумеется, прямого запрета не было, но боязно прогневать и красно-коричневых, и либералов, у которых солидарно считается хорошим тоном окрысиваться на историка.

В «Самоубийстве» Суворов едко, зло, зубодробительно и уморительно смешно дерется со своими оппонентами как западными, так и по большей части постсоветскими, вскормленными щедрыми и несправедливыми хлебами Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института военной истории и иных столь же почтенных «научных учреждений». Зря автор вступает с ними в полемику. Это все равно, что пытаться переубедить в чем-то зюгановско-анпиловских бабушек. Впрочем, Суворов разделяется с ними легко и забавно, так им и надо советским лжеученым толстомясым. Врали-врала о Великой войне, покайтесь, мол, простите, люди добрые, нет, историк, осмелившийся с ними не согласиться, подлежит смерти. Смертный приговор Суворову — постоянный аргумент в научных спорах с ним (я серьезно). Научность споров еще сводится к идущему из года в год бессмысленному пересчету количества всех модификаций танков у германской и советской сторон.

У «высоколобых» претензия к Суворову такая: слишком просто пишет, обывательский язык, заигрывание с читателем и прочая мура. Пацаны, вы пишете изысканно, витиевато, ваше «плетение словес» выше похвал, но вас никто не издает и не читает. Историк в этом никак не повинен.

Концепция Виктора Суворова, пронизательный читатель, тебе хорошо известна: Гитлер напал на Россию, превентивно упредив ожидаемый сталинский удар. Мысль эта одними достойными людьми принимается (А. Солженицын, В. Новодворская), иными столь же достойными — нет (Г. Владимов). Тебе самому решать, друг мой высокий. В рецензируемой книге эта идея

обрастает новыми смысловыми обертонами, уходит в мастерски воссозданный исторический пласт, приобретает неожиданные изводы-извивы. Два примера: «Только с апреля 1934 по февраль 1936 года на одной только Украине было подготовлено 427 000 парашютистов... Советский Союз перед Второй мировой войной подготовил парашютистов в 250 раз больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые» (С. 236). Перед началом войны «у Сталина боевых самолетов было 23 000, у немцев — 8 000» (С. 234). Вспомним песню А. Галича: «Мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне».

Самое главное в новой книге Виктора Суворова — стереоскопически созданные психологические портреты Гитлера и его генералов, как штабных, так и фронтовых. Неофрейдист Эрих Фромм со своей духовной биографией «фюрера германской нации» отдыхает. Это уже не история, а литература, причем хорошая литература. Я имею в виду не фиксацию их бесчисленных трагедийных, зачастую просто дурацких, ошибок. Речь идет о психофизическом состоянии людей, погубивших миллионы людей: низменно-возвышенно-бредовом одновременно. Бывает и так. Почему книга названа «Самоубийство», промолчу, узнай сам.

Суворов пристрастен, очень пристрастен. Гитлеру предпочитает Сталина. Такова воля автора. Согласимся с ним в том, что людогрыз Сталин масштабнее, умнее, хитрее, кровавее германского людогрыза. На мой взгляд, правда, «оба хуже» — как говорилось в старой Одессе. Читатель, осмелюсь предложить тебе занятную интеллектуальную игру: посмотри в один день культовые фильмы о Гитлере-Сталине: «Молох» и «Хрусталева, машину!» режиссеров Сокурова—Германа. Тяжко, нудно, стошнить пару раз может, перетерпи, ибо потом раскроются некие мыслительные горизонты, миропонимание и мировидение изменятся... Ну, еще Суворов маршала Жукова не любит, демонстрирует продуманную лживость его мемуаров.

А где же продекларированная сенсация? К барьеру! Будучи ученым-архивистом, я всегда удивлялся мастерству Виктора Суворова в работе с открытыми печатными источниками, его умению анализировать их, извлекать из-под горных завалов несусветного вранья крупницы золотой истины. Советские документы — сверхсекретные — разведчику-перебежчику были недоступны, скрывали их и от историков, подвизавшихся на родине. Во всех своих сочинениях, в том числе и в книге «Самоубийство», Виктор Суворов горько сокрушается: план нападения СССР на Германию навечно упрятан и никогда, ни при каких условиях не будет обнародован.

Читатель, внимание. Книга «Самоубийство» снабжена авторской датировкой окончания: «13 апреля 2000 г. Бристоль». Так вот, 21 июня нынешнего года вышла в свет статья Владимира Сергеева «У нас была своя «Барбаросса». Рассекреченный «план Жукова»» (Литературная газета, 2000, № 25 (5793), 21–27 июня). В России на статью никто и внимания не обратил, а зря. Публикатору разрешили — а тут требовалось «высочайшее дозволение» — частично обнародовать сенсационный документ из Архива Президента Российской Федерации, умилительно скромно названный «Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталину» и завизированный «наркомом обороны Г. К. Жуковым». Для вящей убедительности газета напечатала фотокопию первой страницы.

Пятнадцатистраничный документ, составленный не позднее 15 мая 1941 г., имеет гриф: «Совершенно секретно. Особой важности. Только лично». «Бумага» предназначалась только Сталину, одному Сталину, никому больше. Текст от руки — машинисткам генштабовским не доверяли — написан генерал-майором, будущим маршалом Советского Союза А. М. Василевским. Приведем фрагмент спланированного Жуковым «со товарищи» плана нападения на Германию: «Чтобы... разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни

в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании, атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Напомню, что после захвата-раздела Польши между СССР и Третьим Рейхом, заклятые друзья-враги обрели общую границу.

Все. Тушите свет. Наркомат обороны и Генштаб предложили Отцу народов план первого удара через бывшую Польшу по территории Германии. Почему Сталин отказался, Бог весть. Возможно, архивы таят ответы. Историки с партбилетами, проклинавшие Суворова за одно лишь гипотетическое предположение о бытии-наличии подобного документа, всухую проиграли со счетом 10:0. Виктор, ты прав!

24 ноября 2000 г.

«Прошлое еще впереди», или Цветаева и Рильке

В самом конце прошлого года в петербургском издательстве «Эгида» вышла в свет книга: **«Небесная Арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке». Издание второе. Тираж 3000 экземпляров. 400 С.** (первое издание — СПб., издательство «Акрополь», 1992), подготовленная выдающимся историком русской и зарубежных литератур конца XIX–начала XX веков, политзеком, узником брежневских лагерей, правозащитником Константином Марковичем Азадовским (вступительная статья, перевод, примечания). Немецкоязычный вариант этой книги был выпущен еще в 1992 г. в Германии знаменитым издательством «Insel», которому при жизни Рильке даровал право публикации всех своих текстов, под заглавием «Ein Gespräch in Briefen» («Разговор в письмах»). Первое и второе русские издания значительно расширены и дополнены.

«Небесная арка» — первая книга в ряду задуманных издательством «Эгида» изданий подобного (высокодуховного) рода. «Эгида» анонсирует выход в свет двух новых исследований К. М. Азадовского: «Рильке и Россия. Письма, воспоминания, стихи» и «Рильке и Александр Бенуа». В условиях пресловутой коммерциализации издательского дела в России, когда книжные лотки и прилавки вал низкопробного детективного, оккультного и эротического чтива (в ужасающих переводах), «стартовать» такой книгой — мужество и смелость, честь и долг. Укажу, что издание отличает высокий полиграфический уровень (суперобложка, иллюстрации и т. д.), работа художника Н. В. Рассединой отмечена хорошим вкусом и мастерством.

Замысел этой книги зародился у К. М. Азадовского в 1988 г. в Германии, когда в Марбахе он впервые прочитал письма Марины Цветаевой к Нанни Вундерли-Фолькарт (1878–1962), близкой приятельницы Рильке в последний — швейцарский — период его жизни. Последующие годы исследователь посвятил выявлению, осмыслению и собиранию воедино всего, относящегося к теме «Цветаева и Рильке». В книге «Небесная арка», на мой взгляд и вкус, ему это блистательно удалось. Разумеется, скрупулезные штудии были продолжены и после опубликования первого издания капитального труда.

В фундаментальной вступительной статье «Орфей и Психея», скромно названной автором «Предисловие», в которой К. М. Азадовский собрал, интерпретировал и объяснил буквально все факты и трансцендентные феномены встречи-невстречи, любви-нелюбви («слияния душ, а не тел») двух поэтических гениев уходящего столетия, прекрасно сказано: «Эта книга не совсем обычная. Собранные в ней документы принадлежат высокой общеевропейской культуре (С. 12). ...Соединенные вместе, под одним переплетом и с подробными пояснениями, письма, стихи и прозаические сочинения двух великих поэтов образуют своего рода повесть о неугасимой любви русской Психеи к германскому Орфею, об их устремленности и близости друг к другу. Но есть в этой книге и другая, более глубокая, «метафизическая» тема, которая заставляет задуматься о возможностях лирического самовыражения и его пределах, о взлетах и падениях романтической души, о соотносении человеческой и поэтической судеб» (С. 49). Значительное место в «Предисловии» (помимо сказанного выше) уделено тонким и обстоятельно аргументированным размышлениям о цветаевской и рильковской поэтике, литературных и философских корнях их творчества, о проблемах «Цветаева—Германия», «Рильке—Россия».

«Часть первую» книги образует корпус знаменитой переписки Рильке и Цветаевой 1926 года (все переводы

просмотрены наново и сверены К. М. Азадовским), ставшей известной мировой общественности после 1977 года, когда истек 50-летний «мораторий», наложенный Цветаевой на опубликование. Письма эти изданы во многих странах, переведены на разные языки, включая самые экзотические. Напомню читателю о дивной книге: Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева. Письма 1926 года. М., 1990 (издание было подготовлено К. М. Азадовским, Е. Б. Пастернаком и Е. В. Пастернак).

Письма Цветаевой к германскому поэту хранятся в тихом и уютном (впрочем, не бывал) Берне, а вот судьба писем Рильке к русскому поэту — куда драматичней, они исчезли на десятилетия, пока судьба и рок не соизволили вернуть их человечеству (об этом рассказано в «Предисловии»). Писем этих всего 16 (упомянем еще одно, которое Цветаева адресовала Рильке после его физической смерти), но какие это письма... Какой infernalный блеск, какая мощная метафизика, какой прорыв в запредельное: форточка в инобытие; воистину — «пиршество Духа» (звучит пошло, но верно по смыслу). В этот же раздел книги входит поэма Цветаевой «Попытка комнаты», гениальная рильковская «Элегия для Марины», три письма Цветаевой к Пастернаку и одно ее письмо секретарю «Орфея» Е. А. Черношвицовой.

«Вторую часть» книги образуют цветаевские тексты, созданные после смерти Рильке, в которых продолжен «в вечности» бессмертный диалог поэтов: стихотворение «Новогоднее» («итоговое, по словам Иосифа Бродского, для русской поэзии в целом»); пленительный и загадочный очерк «Твоя смерть»; статья «Несколько писем Райнер-Мария Рильке», небрежно разруганная Набоковым, отличавшимся специфической «иномирной» глухотой; цветаевские переводы на русский язык 6-ти писем Рильке к разным адресатам и перевод письма «Неизвестной» к французском писателю Эдмону Жалу.

Все эти тексты абсолютно гениальны. В них грозно звучит ужасный — в античном миропонимании — голос чистого Духа, осложненный, об этом еще никто не сказал, обертонами мистической полуправды, демонической маскарадности и литературной, увы, мистерии-игры. Ключ к пониманию — комментарии к книге.

В «Части третьей» вниманию публики предлагаются 14 писем Цветаевой к Н. Вундерли-Фолькарт и одно письмо к дочери поэта Рут, написанное через несколько лет после безвременной кончины Рильке. Обратные письма, видимо, утрачены: оставлены Мариной во Франции перед возвращением в СССР. Эта эпистолярная более спокойна, традиционна в тоне и стиле; однако полна незримого света, «немерцающего пламени». Качество суждений, содержащихся в этих письмах, проиллюстрирую краткой цитатой: «Иметь право — нечто случайное, частичное и собственническое (*иметь!*), нет! — быть в праве, в самой сердцевине — всегда. Вот — правда Р/ильке/ и — моя правда» (С. 191). Читатель согласится: одним росчерком пера сформулирована проблематика увесистого трактата. Из писем Цветаевой к швейцарской confidentке Рильке явствует, что Марина мечтала переводить его письма на русский и французский языки, хотела создать некий свод эпистолярных высказываний поэта о России («Россия Рильке», по ее словам). Грустно, но все эти замыслы остались лишь в намерении.

155 страниц в книге отведено примечаниям. Учтивая, что они набраны петитом, не сложно догадаться: комментарии занимают более половины книги. Так вот, любезный читатель, примечания эти просто бесподобны. Они представляют собой своеобразный «тезаурус» сведений о Цветаевой и Рильке, их жизненном и творческом пути, окружении, пристрастиях и вкусах, метафизических, культурных и литературных проблемах первой трети XX столетия в России, в русской эмиграции, в Европе.

Власть и писатель, или Воланды и Михаил Булгаков

В принципе об этих комментариях можно и нужно было бы написать отдельную пространную статью. Настоятельно советую будущему читателю «Небесной арки» начинать знакомство с книгой именно с примечаний (подряд) — это увлекательный, совершенно «связный» интеллектуальный «роман». Вывод этот осознан и осмыслен; мне самому многократно приходилось комментировать весьма изощренные эпистолярные и художественные тексты виднейших представителей русского — и только русского — «Серебряного века».

«Встреча должна быть аркой: тогда встреча над» (из письма Цветаевой к Пастернаку от 19 ноября 1926 года). «Прошлое еще впереди» (из письма Цветаевой к Рильке от 14 августа 1926 г.; преображенная стихотворная строка германского поэта). Прошло время. Сроки исполнились. Встреча произошла. Документы опубликованы и прокомментированы. Прошлое неотвратно настигло нас. Страшное и прекрасное прошлое. Этим «воздухом горных вершин» (Ницше) нам сладко до обморока и трудно до судорог дышать. Увы, иного воздуха нет.

4 декабря 2000 г.

Любезный читатель, осмелюсь предложить твоему благосклонному вниманию заметку о весьма любопытной книге: **Всеволод Сахаров. Михаил Булгаков: Писатель и власть. По секретным архивам ЦК КПСС и КГБ. М., изд. «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. 448 С. Тираж 8000 экземпляров.**

Имя Всеволода Ивановича Сахарова, доктора филологических наук, широко известно «булгакововедам» во всей Ойкумене. Его «бумажные» и «сетевые» труды пользуются заслуженным авторитетом и уважением. Рецензируемая книга в сокращенном варианте была впервые выпущена в свет на благословенной земле Италии.

СOLIDНЫЙ том В. И. Сахарова читается легко и приятно, нет в нем холодного и «остраненного» академического «шика», когда, например, человек пишет про Андрея Белого, как энтомолог о таракане, мол, сколько у него лапок, какое брюшко и т. д. Возможно, впрочем, это связано с тем, что в отличие от титанов серебряного века М. А. Булгаков еще не успел «забронзоветь». Для меня лично этот гениальный писатель — истинный современник. Помню, как в январскую ночь 1967 года перед экзаменом по истории античной литературы читал первую часть «Мастера и Маргариты», через 27 лет после смерти писателя опубликованную в одном из «толстых» московских журналов, и холодок струился вдоль позвоночника. Ни раньше, ни позже таких литературных событий в моей жизни не было.

Спустя два года вышел однотомник М. А. Булгакова, куда вошли романы «Белая гвардия», «Театральный

роман» и «Мастер и Маргарита» с «отмазочным» лживым предисловием К. М. Симонова. Разумеется, булгаковский шедевр «Мастер и Маргарита» публиковался с огромными (одна глава целиком — о «сдаче» валюты) и крошечными изъятиями. Например, Алоизий Магарыч написал на Мастера не донос, как в рукописи, а «жалобу». Одно словечко изменено, а смысл другой. Это было недавно, это было давно...

Первая часть книги «Прощание и полет» представляет собой добротнейшую биографию писателя и оригинальный анализ всего его творчества. Читатель, не вороти нос, мол, для чего такой коктейль, хочу, чтобы биография — отдельно, анализ — отдельно, как мухи и котлеты. Нет, здесь именно так должно и нужно, ибо творчество писателя поразительно автобиографично. Булгаков всегда писал о себе, о трех своих женах, обо всех родственниках. Из песни слово не выкинешь. Особое внимание хочу обратить на главу «Реквием («Мастер и Маргарита»)» — эlegantное и нетривиальное истолкование бессмертного романа. Читатель, помни булгаковский роман абсолютно гениален, но абсолютно кощунственен с ортодоксальной православной точки зрения. Но мы сейчас не об этом.

Жизнь писателя, умершего по счастливой прихоти Сталина на своей постели (воистину царская милость), была полна внутренней и внешней трагедийности: короткая служба в Белой Армии, куда его принудительно мобилизовали как военного врача, голодные годы до литературного признания, полное запрещение и снятие с репертуара пьес, травля и глумление в печати, обыски ОГПУ—НКВД, изъятие дневников и рукописи «Собачьего сердца», присутствие во всех анкетах двух братьев-белоземляков и т. д. и т. п. Слава Богу, он хоть в лагерь не загремел. Приведу, как солдат Швейк, короткую историю: крестный отец моей жены, призванный в Белую Армию насильно как зубной протезист всего на полгода, потом сидел за это четыре раза. Раскрываю аббревиатуру, которую читатель может

уже и не знать: ОГПУ — Объединенное главное политическое управление (политический сыск).

Прочитываем справку ОГПУ от 22 февраля 1928 г., в которой идет речь о повести «Роковые яйца»: «Там есть подлое место, злобный кивок в сторону покойного т. Ленина, что лежит мертвая жаба, у которой даже после смерти осталось злобное выражение на лице. Как эта книга свободно гуляет — невозможно понять» (С. 71). Как тут не вспомнить знаменитую фразу о Пушкине из письма В. А. Жуковского к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу: «Острота ума не есть государственное преступление». Увы, в ту эпоху все было наоборот. Когда по сталинскому приказу писателя после телефонного разговора с вождем взяли на службу в Московский художественный академический театр, писатель в ответ на вопрос, мол, на какую роль, изволил шутить: «На должность штатного контрреволюционера с хорошим окладом» (С. 138). Это сейчас смешно и не слишком остроумно, а тогда...

Автор книги щедро использует уникальные архивные документы, выстраивающиеся в читательском восприятии в удивительную параллель через века: Сталин—Булгаков, Людовик XIV—Мольер. Разумеется, судьба Мольера куда легче и идилличнее. Жизнь Булгакова буквально висела на волоске. Прочитываем стенограмму встречи украинских «письменников» с Отцом народов. Сталин говорит: «Насчет «Дней Турбиных» я ведь сказал, что это антисоветская штука и Булгаков не наш» (С. 169). Через день вождь в очередной раз отправился на этот спектакль во МХАТ. Причуды людоеда-человекогрыза. Чрезвычайно интересны письма писателя к вождю, опубликованные в книге. Писатель рвался за границу, но его крепко держали на цепи.

Существенную часть тома занимает «Булгаковский архив», куда исследователь включил автобиографию писателя, несколько очерков и эссе, раннюю редакцию «Записок на манжетах», его потрясающе интересный дневник с характерным названием «Под пятой»

за 1922–1925 годы. В раздел «Вокруг Булгакова» вошли любопытные мемуарные свидетельства.

Подлинным украшением тома, подлинной литературной сенсацией является раздел, скромно озаглавленный «Из кремлевского архива Сталина» (15 уникальных документов, в том числе протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС). Вот на каком уровне обсуждались булгаковские пьесы, в первую очередь. Партийные Воланды-бесы контролировали буквально каждый шаг Мастера, неблагодетельно вмешиваясь в его судьбу так, как и не снилось благородному антиподу Господа из прославленного романа. Прочитую пространное письмо — злобнейший угрожающий пасквиль на пьесу «Бег» (написано не позднее 6 января 1929 г.) П. М. Керженцева, заместителя заведующего отделом ЦК ВКП(б), в Политбюро ЦК ВКП(б): ««Бег» — это апофеоз Врангеля и его ближайших помощников...Тенденция автора вполне ясна... На три, четыре часа длительности спектакля классовая сознательность пролетарского зрителя будет притуплена, размагничена и порабощена чуждой для нас стихией... Булгаков, описывая центральный этап белогвардейского движения, искажает классовую сущность белогвардейщины и весь смысл гражданской войны. Борьба добровольческой армии с большевиками изображается как рыцарский подвиг доблестных генералов и офицеров... Необходимо воспретить пьесу «Бег» к постановке и предложить театру прекратить всякую предварительную работу над ней (беседы, читка, изучение ролей и пр.)» (С. 423, 429–430).

Догадайся, читатель, с трех раз, когда булгаковская гениальная пьеса увидела сцену и огни рампы? Правильно, почти через тридцать лет в Питере в театре имени А. С. Пушкина (знаменитая «Александринка») с великолепным Н. Черкасовым в роли генерала Хлудова (хорошо помню этот спектакль).

Заканчиваю. Читатель, прочитай или пролистай эту книгу. Твое восприятие творчества Булгакова, твое

отношение к писателю, твое сочувствие-сопереживание его героям обогатятся новыми смысловыми обертонами. Панорама сложного, но умопостигаемого булгаковского мира станет объемной и стереоскопичной. В. Сахаров потрудились на славу, книга хороша, толкова, умна. Самое главное, читатель, у тебя появится, клянусь, совершенно непреодолимое желание перечитать булгаковские тексты, что само по себе просто замечательно. Удачи...

23 декабря 2000 г.

Постсоветская питерская медицина

Ровно два года тому назад моя ближайшая родственница тяжело заболела (да так, что хуже не бывает). Срочно потребовалась операция (в принципе рутинная, но требовавшая хорошо набитой и поставленной руки). Подергался, понажимал на разные привычные в советском и постсоветском обиходе педали (аппарат губернатора, комитет по здравоохранению и т. д.). Серьезные люди предлагали мне (нам, точнее) обратиться по хорошей «наводке» и «наколке» (так теперь принято говорить) в академические медицинские институты, где проводятся операции такого рода, но я отказался, обратившись в рядовую профильную больницу. В институтах подобные операции делают два-три раза в месяц. В выбранной мною больнице оперируют по 6 больных каждый день, идет конвейерная «мясорубка» на потоке, все отлажено, доведено до автоматизма, хирургическая бригада (боевая) действует, как орудейный расчет.

Я сознательно не называю больницу, в заметке идет речь «о типических характерах в типических обстоятельствах» (вспомним язык советской литературоведческой лженауки). Читатель, ежели бы ты увидел эту «больничку», то, ей Богу, заплакал: обшарпанные стены, осыпающиеся потолки, выщербленные полы, скученность страждущих людей, убогие советские медицинские плакаты, поломанные скамейки и стулья. Приемный покой выглядит как военный бункер после прямого попадания ядерного заряда средней мощности. Мы с женой, конечно, люди привычные, не слаонервные, сформировавшиеся не в уютном королевстве, а при родной советской власти, однако нас долбануло, как кувалдой по башке, ибо кое-что подзабыли, прожив

недурственно годы вакханалии «преступного режима» (банда Ельцина-Черномырдина-Кириенко-Степашина-Путина; натурально так и пишут прокоммунистические газеты).

За день до поступления жены в больничку я купил (в местном аптечном киоске) лекарства, стерильное хирургическое белье, дренажи и т. д. на 2000 рублей. Напоминаю — больница государственная, отнюдь не частная. Нужно было раздобыть консервированную кровь. Поехал на станцию переливания крови — нет в наличии — и все (самая ходовая группа крови, вторая А). Снабдил двух омерзительных (рожи, повадка, голос) медичек двумя кредитными билетами достоинством в 100 рублей, и, о чудо, кровь нашлась.

Перед операцией притащил на отделение, понятно (впрочем, совсем не понятно), постельное белье, коробочку безопасных бритвенных лезвий (обязательно импортных!), большую пачку стирального порошка. Так-то! После отлично выполненной операции (до — благородно не берут) раздал тысячу долларов (главному хирургу, второму хирургу, палатному врачу, анестезиологу, реанимационной сестре). Дают — все, подчеркну: никто не просит денег (избави, Господь), однако платят все, воспринимая перекалывание денег в просторный карман белого халата как сакральный жест магического отвержения недуга. К чести врачей скажу, что совсем неимущих оперируют бесплатно (знаю со слов молоденькой безработной барышни, которая лежала с моей женой в одной палате). А вот почему врачи, взяв «бабки», отчаянно, напропалую, бездумно, автоматически, по неизбывной советской привычке хамят еле живым послеоперационным больным, не знаю (метафизическая загадка пресловутой русской души). Это не жалоба, это констатация...

Читатель, возможно, ты ждешь от меня «воздевания очей и рук» к светоносному небу, сетований, заклинаний и призывов к восстановлению утраченно-го коммунистического рая с халаявными медициной,

образованием, квартирами, социальным обеспечением и т. д. Этого не будет, «славное прошлое» не вернется никогда (надеюсь). Да, больница бедна, как церковная мышь, да, врачи берут деньги (а что им делать, как жить — заработная плата прославленного хирурга, оперировавшего мою жену, — тридцать долларов в месяц). Так-то оно так, но... Есть великолепная японская и американская диагностическая аппаратура, великодушно пожертвованная западными благотворителями. Есть самые современные хирургические технологии. Есть патентованные импортные лекарства — за деньги, да, за большие деньги, но их можно купить. Всего лишь десять лет назад такое и присниться не могло. Никто еще не написал о том, что миллионы советских людей безвинно в землю легли потому, что не было (даже в больнице ленинградского обкома КПСС — знаменитой «свердловке») стандартных в западном медицинском применении препаратов. Нет денег, понятно, займи в долг, продай (обменяй на меньшее, с приплатой) жилье, заплати — и будешь жить... (если повезет, а нам, кажется, повезло).

22 декабря 2000 г.

Литературная сенсация, или Сенсационная литература

В заметке, предлагаемой благосклонному вниманию проницательного читателя, пойдет речь о несомненной сенсации минувшего года: **Юлий Дубов. Большая пайка. Роман. Москва. Издательство «Вагриус». 2000. Тираж 51 000 (!!!) экземпляров. 560 стр.**

Издательство рекламирует книгу как «первый настоящий роман о русском бизнесе». Ну и что, скажет любезный читатель, были такие, читал, надоело. И будет не прав, ибо этот увесистый фолиант принадлежит перу не набившего на «чернухе» руку кустаря-«детективщика», а человека из совершенно иной колоды. Юлий Анатольевич Дубов — Генеральный директор пресловутой компании «ЛогоВаз», сподвижник Б. А. Березовского, один из самых известных капитанов флибустьерского отечественного предпринимательства, доктор наук, натуральный «олигарх». Какой нерадивый помощник подсунул Б. Е. Немцову бумажку с этим древнегреческим словечком-термином (oligos — немногочисленный, arche — власть). Борис Ефимович это «озвучил», и все, теперь никаким бульдозером не выкорчуешь. Олигархи в Древней Элладе не обязательно были лично богатыми людьми, например, они могли быть военными. Олигархия — режим, при котором власть принадлежит просто тесной группе лиц. К нашим героям отчасти приложимо понятие «плутократы» (от plutos — богатство), которые правят потому, что очень богаты. Кстати, Гитлер и Муссолини западные демократические режимы презрительно именовали плутократическими.

Итак, автор книги — русский предприниматель самого крупного калибра. Скажем прямо, на тощей ниве современной отечественной словесности такие злаки еще не произрастали. Это — первый. Зачем Юлий Дубов написал этот роман, Бог весть. Ну, да, огромные тиражи, чрезвычайно лестные рецензии в самых уважаемых периодических изданиях, знаменитый режиссер Павел Лунгин приступил к работе над экранизацией, почетная номинация на литературную премию «Smirnoff Букер 2000» (в номинации «лучший роман» прошлого года). Все это, разумеется, приятно и сладко. Однако сомнительно, что роман создан в горячем чаянии славы и гонораров. Юлий Дубов и вне литературы чрезвычайно известный и богатый господин. Нет, скорее, это произведение — исповедь, отчасти — автоапология, отчасти — крик души, подробный психологический отчет о тесном и страшном (в духовном смысле) мире русского бизнеса, безумного, хаотичного, безжалостного, доблестного, порочного и отталкивающего (все в одном флаконе).

Книга, разумеется, исключительно интересна, а зачем бы я стал о ней думать и писать, да, в тысячу раз интересней брехливой и высокомерной «Исповеди» Жан-Жака Руссо. Хорошо бы ее перевести на английский язык, дабы западные люди, работающие в русском направлении (инвесторы и бизнесмены) из первых уст узнали, почем лихого. Прихотливый сюжет этого триллера о русском большом бизнесе я, разумеется, пересказывать не буду. Скажу лишь, роман представляет собой цикл авантюрно-психологических повестей, названных именами героев («Сергей», «Виктор», «Марк», «Муса», «Платон»), пришедших в бизнес из академической науки. В общем: как это было, и что из этого получилось.

Отмечу сразу одно важное обстоятельство. Название романа восходит к знаменитому зековскому приговору времен правления товарища Сталина: «В лагере убивает большая пайка, а не маленькая». Эта фраза

из рассказа Варлама Шаламова «Заговор юристов», автора всемирно известных «Колымских рассказов», предпослана в качестве одного из эпиграфов к роману. Эту поговорку знают все, кто сидел, кто писал о сидевших. Ни романист, ни кто-либо из многочисленных рецензентов ее никак не истолковал. А жаль. Прибегнем к авторитетнейшему мнению свидетеля, отмучившегося почти тридцать лет в сталинских лагерях: «**Не маленькая пайка губит, а большая**» (пословица): вернее погибает в лагере тот, кто очень тяжело работает, чтобы заработать большую пайку, чем тот, кто работает для того, чтобы выработать лишь маленькую пайку (гарантийку), так как дополнительный хлеб ни в коем случае не компенсирует дополнительные усилия» (Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. Ч. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 269). Еда для зеков, все блага для богатых — от частных самолетов до лучших женщин — никоим образом не компенсируют тех нечеловеческих усилий, которые обуславливают их получение. Почти все герои романа не умирают в своей постели. Все они, выйдя из научного братства, переживают в крупнейшем бизнесе драму непонимания и тотального отчуждения.

Итак, в самом названии книги звучат трагические ноты. Роман Юлия Дубова, дорогой читатель, это — «АнтиОбломов». Книгу Гончарова ты лениво мусолил в школе, мол, тягомотина и скукотища. Все не так. «Обломов» И. А. Гончарова, возможно, лучший роман в русской литературе, ибо в Илье Ильиче суггестированы черты и грани нашего «коллективного бессознательного». Полистай на досуге нано. Иван Александрович написал трагическую книгу об угасании воли, о гибели дарований в удушливой атмосфере эпохи государя Николая Павловича. Юлий Анатольевич Дубов написал трагическую книгу о возрастании «воли к власти», к могуществу, к обладанию миром, не к ночи будь помянут Фридрих Ницше, о расцвете дарований полукабинетных ученых, прикладников-математиков

в буйной, насыщенной испарениями крови и больших денег атмосфере эпохи позднего Горбачева — раннего Ельцина. На том стою.

В многочисленных интервью писатель бесхитростно признается в том, что прототипом главного героя «Большой пайки», гениального комбинатора Платона Михайловича, явился сам Борис Абрамович Березовский. Автор, правда, стыдливо признается в том, что прототип книгу о себе еще до конца не осилил. В одном из сетевых интервью писатель восторженно цитирует друга-патрона: «Бизнес — это экспансия». В принципе, все герои имеют реальных прототипов. Если ты, любезный читатель, следишь за делами и делишками на бывшей родине, вычислишь их всех на сотой странице. А не догадаешься: «Кто есть ху» (Михаила Сергеевича незабвенного цитирую), так и ладно, книга не станет менее увлекательной. Для возгревания интереса скажу, что в романе играет игру персонаж, чрезвычайно напоминающий «бодигарда» в генеральских эполетах, господина Коржакова.

Роман потрясающе саморазоблачителен. Слава Богу, дуболомы из генеральной прокуратуры читать не умеют, а то была бы просто беда. Естественно, можно заводить дело на «ЛогоВАЗ» (в романе «Инфокар»), подробнейшим образом изложена история денежной «пирамиды», измышленной Борисом Абрамовичем «АВВА» — иногда пишут «AVVA» (в книге «СНК» — «Союз народного капитализма»), захвата автогиганта на Волге и т. д. И все это не забавные плутни, а гениальные, но, увы, преступные комбинации и опаснейшие (зачастую кровавые) махинации. Прокуратура теперь почти вегетарианская. В тридцатые годы, например, крестьянскому поэту Сергею Клычкову за невиннейший этнографический роман «Чертухинский балакирь» пришили «измену родине», а что за этим последовало, друг мой высокий, догадайся с одного раза.

«Большая пайка» — талантливая книга, острая, нервная, с несомненными философскими обертонами.

Роман насыщен глубоко продуманными отступлениями о философии бизнеса, который ни морален, ни антиморален, а **внеморален**. Не удержусь, процитирую суждение проходного персонажа: «В бизнесе нельзя верить ни одному человеку. Другу, брату, матери — никому... Аксиома, если хотите. Любая целенаправленная деятельность, если в ее основе лежит доверие к людям, обречена. Мало того, она просто вредна» (С. 143). Вся книга насыщена ницшеанским духом, хотел этого автор или нет. У немецкого мыслителя была прелестная работа «Веселая наука». О книге Дубова в заключение скажу: «Грустная наука»...

18 января 2001 г.

Обломов в Межзеркалье, или Очень «крутая» книга

Известный московский издатель, явивший миру Бориса Акунина, выпустил в свет книгу, привлекающую в прошлом году исключительное внимание читающей публики: **Сергей Обломов. Медный кувшин старика Хоттабыча. Сказка-быль для новых взрослых. Первый роман. Первое издание. М. Издатель Захаров. 2000. 256 с. Тираж 5000 экземпляров.**

В «выходных данных» многозначный, но незатейливый псевдоним раскрывается: автор книги — Сергей Анатольевич Кладо. Странна сия юдоль печали. Издатель — мой однокурсник и старый товарищ. Автор — троюродный брат моего сына, правнук адмирала Н. Л. Кладо, досоветского адмирала, теоретика военно-морской войны, автора замечательных писательских очерков о морях и море. Адмирала некогда обогнал в романе «Крейсера» В. Пикуль. С ним судился сын адмирала, дед Сергея Обломова, кинодраматург Н. Н. Кладо и в «застойные годы» выиграл процесс, что было чудом, ибо Пикуль был любимым романистом Политбюро. У нашего автора — хорошая литературная родня, справные «предки». Имя Сергея Кладо, несомненно, памятно внимательным читателям «Лондонского курьера». Эх, господа-товарищи-братва, не мир тесен, а слой тонок.

Сразу скажу: добрая треть книги была опубликована отдельными главами в «Огоньке», бесспорном лидере отечественной журналистики. «Медный кувшин...» много месяцев продержался в «горячей десятке» книжных продаж в Санкт-Петербурге. Такие дела случайно не случаются чисто конкретно (пародирую язык новых

взрослых). Сергей Обломов — высокоодаренный, натуральный, милостью Божией писатель.

О чем книга? Да про тебя, любезный читатель, про нашу странную жизнь, которую мы проживаем в разных странах, но сухой остаток коей везде одинаков. Как всегда, я не стану пересказывать прихотливый и причудливый сюжет. Роман можно читать как концентрированную авантюрно-приключенческую сагу героя-плута-трикстера, как философскую притчу, как трактат по медитации, да как угодно. С годами я стал очень ценить божественную легкость пера-клавиатуры, так этого у Сергея Обломова — навалом. Книжка к тому же не просто умна, а остроумна и смешна. Профессия навязывает мне постоянное чтение, так давно уж не помню опус, поглощение которого доставляло бы такое прямо-таки телесно-животное удовольствие. Живот по-старославянски — жизнь.

Приведем фрагмент из авторского «Содержания»: «65 917 условных знаков; 371 182 печатных и пропущенных знаков.; история любви; преступления и наказания.; рассуждения по различным правовым, общественным, политическим, социальным, психологическим, лингвистическим и другим вопросам» (С. 3). И все это в «одном флаконе» (из рекламы пошлейшей американского шампуня). Не буду писать о том, что проза Сергея Обломова легка-сложна одновременно, отсылает к самым разным литературным источникам, некоторые из них прямо называются в тексте, а о других читатель должен догадываться. В сочинительстве прозы, стихов, музыки, в оклеивании стен обоями, в циклевании полов, в любом «святом ремесле» (Анна Ахматова) главное — специфическая выделка. Она или есть, или ее нет. В романе Сергея Обломова она есть. Я сказал... Удивляет речевое умение молодого писателя. Изысканнейшие по стилистике философские фрагменты перебиваются эпатажным «новоязом». К примеру: «Поэт в России больше, чем поэт. Он — постоянный узник своей совести. Все сидели. Достоевский вообще

чудом с вышака съехал. У него статья была — глушняк, без мазы. Но — кореша малявы рисовали. Еле отмазали. А отсюда — опыт. Сын ошибок» (С. 242).

Писатель неоднократно формулирует свою задачу. Например, он хотел написать «историю про людей, в прозе. Так, чтобы читать можно было. В метро, например» (С. 32). Сергей Обломов провокативно утверждает: «...Книга, начинающаяся из ничего, закончится ничем, облом в ней является основополагающим принципом, а главная задача автора — выжать из головы читателя мыслительный сок, чтобы пить его по утрам, поправляя свое разноумие» (С. 180). Недурственно, а? Роман, как старомосковская коммунальная квартира, густо заселен персонажами, в числе которых и сам автор, и издатель Захаров. Книгу покрывает густой тенью Виктор Пелевин, упоминаемый в тексте.

На задней крышке переплета напечатано обращение издателя: «Вы убедились, что книги Б. Акунина о приключениях Эраста Фандорина — это класс?! Теперь я говорю: на смену Пелевину идет Обломов... Книга у вас в руках — больше, чем просто история Старика Хоттабыча в современном мире. Больше, чем тройной римейк вечного сюжета. Это новый культурный пласт, умело замаскированный под авантюрный роман. Верю, что вы полюбите Обломова. Знаю, вы не сможете его забыть. Надеюсь, скоро вы будете читать его второй роман «Хоттабыч-потрошитель». И. Захаров». Ни убавить, ни прибавить.

Гм... Писатели, по-моему, это не пятилетки, которые раз в пять лет сменяли при коммунистах одна другую. Пелевин — это Пелевин, Обломов — это Обломов. Как говаривали в старой Одессе, кладези мудрости изреченной и неизреченной: «Оба — лучше». Замечу, что у Обломова есть пелевинская мистическая глубина, но нет, к счастью, наверное, пелевинской мрачности и надрывности, восточной оккультной шелухи. Вот так. Я люблю Пелевина, я полюбил Сергея Обломова. Умно, интересно, занимательно и увлекательно. Впрочем,

господин Захаров, великий плут, шутикар и мистификатор, отличается непревзойденным в новое время верхним издательским чутьем.

Кстати, друзья мои, все ли из вас помнят советские, лживо воспевавшие счастливую жизнь в царстве социализма книгу и фильм, явившиеся явными, не потаенными источниками романа. Сергей Обломов поясняет: «Писатель Лагин, автор Хоттабыча, в свое время прочел перевод английской книги «Медный кувшин» Энстея. В ней джинна находит лондонский архитектор. Еще в начале века. И Лагин решил переделать ее под коммунизм. Тоже давно, аж в тридцать пятом году. Только там, в Англии, джинн злой и умный, а в «Хоттабыче» добрый, но глупый» (С. 35). Добавлю, что в отечественном романе джинна освобождает из кувшина натуральный советский пионер. Джинн «перековывается» и становится ударником коммунистического строительства в меру волшебных сил и нечеловеческих способностей. Лагина я не читал, а кино видел в детстве — чушь собачья.

Читатель, друг мой высокий, если ты не работаешь с компьютером, то примерно пятая часть текста романа тебе просто будет чужой, ну и Бог с ним, пролистывай равнодушно эти фрагменты. В прозу хлынули компьютерные технологии, и это уже совсем другая проза. Другая — отнюдь не означает плохая, просто — другая.

Полагаю, читатель, я тебя заинтриговал. Книга, ей Богу, того стоит. В заключение прибавлю. Читательский возрастной диапазон книги Сергея Обломова составляет примерно 16–90 лет. Детям и подросткам чтение не рекомендую: встречается табуированная лексика, не густо, но есть, употребляется к месту, со вкусом и тонким пониманием. Читателям от 40 до 60 лет почтительно рекомендую приступить к чтению первого романа Сергея Кладо с пузырьком пролетарской валерианки или иным патентованным западным успокоительным средством в руке. Это такая

концентрированная «густопсовая» (Мандельштам) проза, что с непривычки тетенок и дяденек, воспитанных на слюнявых и слащавых образцах нетленной советской литературы, может в одночасье и кондрашка хватить. А дедушкам и бабушкам после 60 годочков уже ничего не страшно. И последнее: в этой веселой книге много мыслей горьких о Родине нашей печальной.

4 февраля 2001 г.

26

Кромешный свет, или Прodelки Люцифера

Недавно вторым изданием выпущен в свет замечательный роман: **О'Санчес. Кромешник. Побег от ствола Судьбы на горе Жизни и Смерти (Сага-небыль о Кромешнике). В 2-х томах (книги первая и вторая). 320 с. и 364 с. СПб., «Геликон Плюс». 2000. Тираж 1500 экземпляров.** Первый тираж (издательство «Симпозиум»; в одном томе) разошелся очень быстро.

Частенько я пишу о карнавально-игровых книгах (Борис Акунин, Сергей Обломов). Вещи эти милы, остроумны, элегантны, забавны и исключительно приятны для легкого чтения. Однако есть и серьезная литература, оттесненная в силу ряда причин под плетень словесный. Роман «Кромешник» — большое событие в большой литературе. Кстати, книга уже номинирована на премию «Национальный бестселлер». Читатель спросит, а о чем роман. Отвечаю: все о том же, о чем хотел Пастернак поговорить со Сталиным, — о жизни и смерти. С полной ответственностью заявляю: книга написана поразительно талантливо, жестко, жестоко. Специально не употребляю терминов из более высокого регистра: автор жив-здоров, слава Богу. Никакого сюсюканья, умилительного заигрывания с читателем, прямо молотком по башке.

Писатель выступает под бархатной маской псевдонима. Никогда не забуду, как лектор по марксистско-ленинской эстетике из Высшей партийной школы доверительно сообщил нам, студиям: «Папаша русского символизма Борис Бугаев скрывался под псевдонимом Андрей Белый». Известно, что писателю около сорока лет, что он — питерец. У меня были с ним две

короткие встречи с пустячными разговорами. Впечатление — большой человек, серьезный господин.

Книга сложна и многогранна, она может быть истолкована двадцатью способами. На поверхностный взгляд, это обстоятельная, захватывающе интригующая добротная гангстерская сага. Бандитские похождения героев читаются взахлеб, не оторвешься. Кстати, книга пользуется огромным успехом у насельников «крыток» (тюрем) и лагерных зон. Пошлейшая аналогия — «Крестный отец» и другие романы Марио Пьюзо. Американский итальянец — отличный писатель, однако, ощутимо поверхностный. Вот так. Автор проявляет такое не книжное знание зековского житья-бытья, что возникает прямой амикошонский вопрос: а не был ли он сам за «Хозяином», где «чалился», когда «откинулся»? Впрочем, это не наше собачье дело. В романе уделено много места пресловутой «сучьей» войне, описанной Шаламовым и Солженицыным. Думаю, что эти сведения писатель получил не только из литературы.

В книге несколько сотен персонажей, роман причудлив, прихотлив, мастерски выстроен и выделан. Читатель, вспомни бессмертное школьное литературоведение: сюжет — последовательность событий в произведении; фабула — та же последовательность событий, но в режиме «реального времени». У О'Санчеса сюжет и фабула не совпадают, что придает роману особый колорит в узнавании главного героя с разных точек зрения, в разные периоды загадочной жизни. Сомневаюсь, что О'Санчес лепил текст прямо на монитор (как я эту заметку). Если и так, то потом текст подвергался скрупулезной и мастерской правке.

У центрального персонажа много имен, основные — Гекатор Сулла и Кромешник. Читатель, друг мой высокий, наморщи лоб, вспомни историю античности (в шестом или пятом классе проходили). Геката — богиня колдовства — в самом простейшем понимании, а Сулла — кровавый римский диктатор. Ну вот, получается,

что имя героя означает «колдовской диктатор». Кстати, Гекатор-Гек управляет своими бандами железной рукой, отличается редкой жестокостью, не боится пролития крови. А Кромешник, увы, означает не что иное, как обитатель ада, «обреченный на мглу» (Т. 2. С. 23). Все. Чуешь, серным чадом запахло. Роман оваян ощутимым христорборческим дымком, читатель, усвоение книги требует определенного духовного мужества. Всего один раз проговаривается о своем герое, жителе выдуманного государства Вавилон в южном полушарии, посвященном гибнущими стариками — преступными «авторитетами» в высшую ступень иерархии: «Зловещей кометой взошел над лягавскими резервациями и клетками Последний Ван — реликт ушедшей эпохи, чернейший князь из уголовного племени, начисто выжженного роком и политической инквизицией., мифический Кромешник — сгусток мути, ужаса и войны» (Т. 2. С. 237).

Эге, скажет проникательный читатель, понятно: герой — Люцифер, Асмодей, Вельзевул. Так-так, добавлю я, возможно, и Антихрист. Плодом невероятных преступлений-приключений Гекатора явилось двойное отрицание: «Я отрицаю мудрость! Я — ее — отрицаю!» (Т. 2. С. 318); «Я — ОТРИЦАЮ — ВРЕМЯ!» (Т. 2. С. 364). Естественно, я не стану пересказывать жизненные и духовные кульбиты героя, выстрадавшего эти максимы. Прочитай, узнаешь.

В невероятном финале романа упоминается львиноголовая птица Анзуд из шумеро-аккадской мифологии, посредница между землей и небом, между людьми и языческими богами, нарушительница божественного права, носительница злого начала. Не исключено, что и Гекатор Сулла — таинственный посредник между людьми и демонами. Не обошелся писатель и без специфической хтонической мистики (темы подвалов, провалов в земле, закоулков ада — вместилища времени и пр.). Отмечу, что в романе определенно-жутковатая роль отведена натуральным кровососущим «мелким

бесам» по имени Вакитока и Пырь. Впрочем, все это — мое наивное истолкование, частное мнение по частной проблеме. Автор не раскрывает свои карты, на то он и писатель, теург и плут. О'Санчес — очень культурный, начитанный человек, а это, поверьте, так редко бывает. Закамуфлировать философский роман под увлекательный детектив-боевик с пальбой, поножовщиной, взрывами, тюремными эскападами — бесподобная идея, блестяще осуществленная. Смее думать, что такого еще в литературе не было. И не только в русской...

О'Санчеса, как и любого истинного художника, мучает смерть, блазнится, манит, улещает и обманывает. Лучшие страницы романа посвящены этой жуткой, но никоим образом не устранимой данности. Столица государства Бабилон, разумеется, стоит на берегу реки Тикс (Стикс!). Писатель создает до дрожи ужасный, но пленительный двойной образ Неумолимых Дев: «...На берегу реки Океан, омывающей Землю, развлекаются с удочками сестры-двойняшки. Они хотя и сестры, но мало в них сходства: старшая вечно прекрасна во всеильной юности своей, она благоухает весенним лесом, звездами, радостью. Младшая курноса, одета в саван, измождена вечным голодом, от нее исходят волны тлена и сырого холода. Но нет в ней дряхлости, и силы ее безмерны. Обе они длиннокосы, обе они девы, ибо никому еще не удавалось овладеть ими сполна: только дерзнет герой-любовник, коснется десницы десницей — а пыл и разум его уже распались на атомы или угасли...». Роман, полагаю, будет переводиться на иностранные языки. Тяжко будет переводчику на немецкий: смерть-Tod — мужского рода. Ну, скажет читатель, «высокий штиль». А ты подумай, кого ловят удочками сестрички? О высоком подобает говорить высоко. Роман, кстати, отличает невероятное смешение речевых стилей: «от стихотворений в прозе» до «блатного арго» и табуированной лексики. Да-с, эффект контраста.

Я уже сказал, что книга О'Санчеса очень жесткая, добавлю еще, что ей присущ мощный авторский тоталитаризм в оценках, суждениях, прогнозах о будущем частного человека и всего человечества. Вот так и никак иначе. Не соглашаешься, не читай. А станешь читать — убедишься, что талант писательский прет из О'Санчеса, как перепревшее тесто из кадки. Читатель, тебе не надоели воздушные литературные эклеры? Покушай черного словесного хлебushка. Рекомендую.

19 февраля 2001 г.

Последний роман Империи, или Талант не спрячешь

Ну-ну, скажет проникательный читатель, опять Пригодич волынку заводит об очередном писательском даровании. Что мне ответить, друг мой высокий, кроме того, что о бесталанных книжонках (а их — море разлитое) какой мне профит сочинять. Я такую книжицу закрываю на десятой странице и выбрасываю в корзину для бумаг (никогда не передариваю). А рвать автора плохой книги «на куски», разоблачать и изобличать, увольте, не мое дело. Это — для иных борзописцев-рецензентов.

Итак, рекомендую с ясным умом, горячим сердцем и чистыми руками (как Ф. Э. Дзержинский) высокоталантливую книгу: **Владимир Хлумов. Мастер дымных колец: Интеллигентская хроника. Роман. М., 2000. Торговый дом «Диалог». 416 С. Тираж 5000 экземпляров. Предисловие Вячеслава Румянцева.**

Автор романа, укрывшийся под псевдонимом, — крупнейший астрофизик, профессор Московского государственного университета, издатель самого respectable в русской Сети интернет-журнала, художник, прозаик, — широко известен в научной и писательской среде. Так что это не первое произведение робеющего неопфита. «Два уголья в нем»...

Скажу сразу и резко: я не поклонник фантастической литературы. Роман «Мастер дымных колец» — как бы (употребим это навязшее на зубах паразитическое словосочетание) — фантастический роман. Однако нет здесь многостраничных описаний звездолетов, пальбы из бластеров и прочей чепухи. О чем книга? Да все о том же, что составляет плоть мировой

литературы: о любви, о призвании, о подвиге, о смерти (вечная тема русского художника), о славе, о жизни изменчивой, прихотливой и опасной как для героев, так и обывателей при тоталитарном режиме на родине нашей и в иных мирах. «Ужасы без ужасов», они — ментально-психические скорее. Замечу, что фантастика Владимира Хлумова «реалистически мотивирована». Не понял, читатель? А сколько у тебя в школе было по литературе? Ах, четыре! Вспомнил, ну, и слава Богу.

Друг мой, частенько я пишу о таких книгах, которые читаешь — и словно в цирк попал: огни бенгальские, слоны танцуют, львы сквозь обруч прыгают, ручные обезьянки на дрессированных собачках разъезжают, девки полуголые пляшут, в оркестре Некто в сером (персонаж знаменитой драмы Леонида Андреева «Жизнь человека» — воплощение сатаны) в тарелки медные лупит. Ошеломительно интересно, но... душно. А взял я в руки роман Владимира Хлумова, так причудилось мне на сотой странице, что сижу я на пенке в березовом лесу, и воздух сладкий, и ветви славно шелестят.

Проза Хлумова специально мастерски выделана в манере русской литературы позапрошлого века. Писатель постоянно вступает в полемику со своими именитыми предшественниками. Как? Соизволишь прочесть — узнаешь. Наряду с продуманной ориентацией на прошлые шедевры писатель использует все новомодные трюки ультрасовременной литературы. Прежде всего поражает изощренная игра с именами собственными. Так, Ф. М. Достоевский, создатель романа «Бесы», закамуфлирован под писателя Неточкина (фамилия восходит к названию незавершенного романа классика «Неточка Незванова»), автора, натурально, книги «Черти»; Пушкин в романе — Основоположник, М. Е. Салтыков (писатель Н. Щедрин) — Губернатор, Чехов — Доктор, Б. Л. Пастернак — Мастер переводов со староанглийского (великий поэт переводил для хлеба

насущенного Шекспира), А. И. Солженицын — Иван Денисов («Один день Ивана Денисовича») и т. д. Санкт-Петербург, в частности, выписан под маской некоей Северной Заставы. Языковая игра, пронизывающая весь роман, ведется с читателем корректно, с большим тактом, все взвешено, все в меру, все умно и тонко.

Одного из центральных персонажей, соединившего в себе черты великих «проектантов» — К. Э. Циолковского и Н. Ф. Федорова, автора «Философии общего дела», глобальной идеи физического «воскрешения отцов», т. е. всех умерших, — духовных прародителей безумных В. В. Маяковского и Андрея Платонова — зовут Илья Ильич Пригожин. Эге, скажет читатель, слышал про такого. Читатель всегда прав: лукавый автор заставляет вспомнить Илью Романовича Пригожина, нашего современника (дай, Бог, ему здоровья), великого бельгийского (увы!) ученого, лауреата Нобелевской премии по химии за 1977 год, естествоиспытателя и блистательного натурфилософа-идеалиста. Очень непростую книгу сочинил господин Хлумов: узорчатую шкатулку из слоновьей кости с тройным дном и семью тайниками.

Я отчасти начитанный человек, что делать — профессия обязывает. Книга, о которой я веду речь, меня чрезвычайно поразила тем, что ее можно читать в автобусе, просто удовольствуясь сюжетными хитросплетениями, а можно аналитически впитывать как трактат, например, по эстетике или философии. Вот это новое качество настоящей новой литературы, небывалое свойство первоклассной современной прозы. Явление, требующее внимательного обдумывания и скрупулезного исследования. Братья-литераторы, — за дело.

Автор мимоходом высказывает, в частности, чрезвычайно глубокие и оригинальные суждения о природе эстетических феноменов, о своеобразности русской литературы. Не удержусь, процитирую Хлумова: «...Русская литература как раз и знаменита не вечной красотой, отточенной красотостью, а душевной, человеческой.

И язык у нее не холеный, а с зазубринами, с беспечными повторениями, с бесшабашным русским авось... Многие не понимают этого, стараются до совершенства довести, особенно... не русские люди, образованные, конечно, которые идеально говорят и пишут по-русски. Но в том-то и фокус, что это уже не то, потому что правильность, отточенность — это настоящая смерть, туристическая красота, дурная бесконечность» (С. 246). Читатель, список таких авторов весьма пространен...

В романе четко прослеживаются пласты, элементы и обертона злой, изоцированной и остроумной социальной сатиры, автор бичует научную и обывательскую «мелочную жизнь», иронизирует по поводу бессмертного марксистско-ленинского учения, над земным и внеземным мироустройством. Инопланетная жизнь весьма напоминает квазидемократический ад и «посттехнократическое чистилище»... Эх, в короткой рецензии всего не скажешь. По первое число достается элите и спецслужбам эпохи застоя. Да, забыл сказать о том, почему «Мастер дымных колец», которые виртуозно создает из табачного дыма один из персонажей, — последний роман Империи. Я никогда не пересказываю сюжет, ограничусь одной фразой: наша канувшая в Лету Великая Держава создает межзвездный космический проект, который... Прочитай — узнаешь. Читатель, напоминаю, автор романа по «базовой» специальности — астрофизик, носитель уникальных познаний, абсолютно неведомых «пожирателям книг». Как сказал великий Ленин великому Горькому по поводу романа «Мать»: «Очень своевременная книга», — так и я, грешный, отзовусь о романе Владимира Хлумова. Очень талантливая, очень умная, очень веселая и трагическая одновременно, затейливая и искрометная. А какой у романа финал, чем все оканчивается.., пальчики, друг мой высокий, оближешь.

Читатель, прибегну к кулинарной аналогии: едалты, возможно, улиток, устриц, лягух склизкокожих.

Не болит живот? Побаливает! Прочитай роман Владимира Хлумова — ржаной серый каравай, испеченный не на поточном хлебозаводе, а в русской печи, по старым рецептам, но с изысканными заморскими пряностями, улаждающими язык, пьянящими, новомодными. А дух-то какой идет от поджаристой корочки, аж голова кружится. Русская печь, кстати, доподлинно знаю, несколько лет прожил в деревне на берегу Ладожского озера без электричества, — величайшее создание на века нашего национального гения: отопление, приготовление еды и... баня в одном приборе. Сказанное целиком относится к роману «Мастер дымных колец»: в одной отличной книге упрятано несколько отличных книг. Не веришь, прочитай, поспорим всласть и без обиняков. Я сказал.

1 марта 2001 г.

28

«Книга писем», или «Записки из подполья»

Вот уже пару месяцев в «бумажных» периодических изданиях и на литературных сайтах русскоязычного Интернета горячо обсуждается весьма нетривиальное издание: **Сергей Довлатов. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым. Игорь Ефимов. Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым. М., 2001. Издатель Захаров. 464 с. Тираж 15 000 экземпляров.**

Публиковать двустороннюю переписку умерших писателей — излюбленное занятие историков литературы-комментаторов (сам пробавлялся этим долгие годы, вводя в научный и читательский оборот письма Брюсова, Блока, Андрея Белого, В. А. Зоргенфрея и т. д.). Скажу по-простецки: переписка Довлатова с Ефимовым в тысячу раз занимательнее «эпистол» титанов Серебряного века. Необычность этой книги в том, что Довлатов — давно в Царствии Небесном, а Ефимов жив-здоров, даруй ему, Господь, счастье и процветание. Книга весьма скандальозна, ибо содержит массу подлинных и лживых (увы!), но поразительно смешных пакостей о почтенных людях. «Эпистолярный роман» два года ждал издателя, не побоявшегося его тиражировать. Именной указатель представляет собой просто-напросто увеличенную раз в пять мою записную книжку 1970–1980-х гг. Эта «переписка из двух углов» охватывает 1978–1989 гг. и обрывается на том, что авторы «эпистолярный» расскандалились. В эти годы писатели проживали в Америке, куда попали по совершенно разным причинам.

Сергея Довлатова вытолкнул в США питерский КГБ. Его не печатали, он уезжал в Таллинн, где

безуспешно пытался сделать писательскую карьеру. Он пытался опубликовать какую-то чушь ради денег, заповедав никогда после смерти ее не перепечатывать, потом краткий арест — и под зад коленом из страны «развитого социализма». А Игорь Ефимов, хороший крепкий профессионал, более или менее сторговывавшийся с режимом, автор нескольких легальных опубликованных до эмиграции книг, уехал потому, что уехал. Первый — гениальный писатель, второй — хороший. Почувствуйте разницу...

Массовый читатель (книги Довлатова после его кончины печатались гигантскими тиражами) наивно считает эту исключительно сложную, мастерски выделанную прозу легким чтивом, сатирически-юмористическим. На самом деле, после Зощенко Довлатов — самый мрачный, грустный и горький сочинитель. Ну, мы сейчас не об этом. Книжка — совершенно потрясающая, сногшибательная, феноменально остроумная, блистательная. Разумеется, речь идет о письмах Довлатова. Игорь Ефимов в своих текстах резонирует, учит Довлатова жить, снисходительно похлопывая по плечу, порицает за пьянство и скандалы. Письма Ефимова были изначально спроектированы для будущих поколений. Например, он предостерегающе откровенно писал Довлатову в январе 1980 г.: «Сережа, я люблю Ваши письма и храню их для потомства, поэтому будьте, ради Бога, осторожнее — не пишите, что Бродский и Цветков соизмеримые поэты» (С. 63). Не слабо, а? Довлатов о потомках ни секунды не думал, посему его письма зло и метко фосфоресцируют и переливаются всеми цветами радуги. Крошечный пример (это и про тебя, любезный читатель): «Тут одного грузинского еврея якобы спросили: «Ну, как ты устроился в Америке?» Он сказал: «Да никак пока не устроился. Все еще работаю»» (С. 82; март 1989). Словечко «якобы» выдает с головой довлатовское авторство шутки.

Никак я не мог понять, почему Довлатов относится к Ефимову с таким подобострастным пиететом.

Разгадка — в письме Довлатова к Ефимову от 2 октября 1983 г.: «...быть писателем в Ленинграде. Там писатель, даже не самый именитый — титан (если он печатается), а если не печатается — сами знаете. То есть дистанция между мной и Вами была так огромна» (С. 276). Бедный, бедный Сергей Донатович. Вот она — пропасть между «разрешенной» и «неразрешенной» литературой (О. Э. Мандельштам).

Книгу эту я читал долго, с перерывами, аж сердце заходило. А почему? Да потому, что поражает позорная мелкотравчатость русско-американской литературной жизни того времени, да и сейчас, смею думать, все то же самое. Мизерные тиражи (200–300 экземпляров), злоба крошечная, зависть бесстыдная, сплетни, доносы друг другу друг на друга, наушничество, подножки, злорадство, пустая ехидность, копеечные гонорары и денежные перерасчеты и т. д. Довлатов справедливо, видимо, фиксирует: «Девяносто процентов моих знакомых в Нью-Йорке — воры и подлецы. На этом фоне циники, или, скажем, бездушные эгоисты кажутся людьми вполне достойными» (С. 231; 25 января 1983 г.); «Вообще, говна здесь не меньше, чем в Ленинграде. Что приводит к философским обобщениям» (С. 99; 12 августа 1980). Попробуем кое-что обобщить.

Литературная жизнь Питера конца 1970 — начала 1980-х была скорее трагедийной, чем мелкотравчатой. Серьезные дяди-полковники КГБ изымали под протокол на обысках стихи и самопальные статьи по русской религиозной философии, книги, изданные до революции и за границей (знаменитые «Самиздат» и «Тамиздат»). Комментарии к роману Достоевского «Бесы» читали в отделе науки ЦК КПСС. Читатель, ты не поверишь, что мои, А. В. Лаврова и Л. К. Долгополова комментарии к роману Андрея Белого «Петербург» с синим карандашом в руке читал главный идеолог партии, секретарь ЦК КПСС по идеологии, сталинский выкормыш Михаил Андреевич Суслов и... кое-что

повычеркивал. Такое не придумаешь. И. А. Бродский профессорствовал в Штатах, а несчастный Михаил Хейфец за составление машинописного сборника поэта получил и отсидел 7 лет лагерей и пять лет ссылки. Жили-поживали мы, как подпольщики, почти что как шпионы, жизнь эта была ублюдочно абсурдна, но по-своему высока и грозна. Помню, придешь на службу в Пушкинский Дом, и сразу: шу-шу-шу: у Иванова был обыск, Петрова арестовали, Сидоров «уезжает». Да, были времена былинные. Очень желательно, чтобы не повторились. Человек, пописывавший стишки в тетрадку, изредка публиковавшийся за рубежом, ощущал себя титаном духа и врагом титанического государства. Сейчас, когда стихи никому не нужны, многие увяли и скукожились, вспоминая о тех временах, как о золотых. Что-то я распознлся, вернемся к теме.

Письма Довлатова уже расхватаны на цитаты, кочующие в публицистике из статьи в статью. А письма то злые, умные, талантливые, пронзительные, гениальные, как их автор. Издатель абсолютно прав, утверждая: «Стилистически, художественная материя писем неотличима от лучших страниц довлатовской прозы, а его блистательный юмор сверкает в каждом письме» (С. 3).

Уже появились статеечки, в которых Довлатова облыжно обвиняют в антисемитизме. Вот уж бред сивой кобылы: писатель многократно признавался в том, что половина его крови — еврейская. Читатель, если тебе интересно, из этой книги ты все узнаешь о Довлатове. В переписке сокрыты: история трех его браков, непростые взаимоотношения с русскоязычными коллегами, его издательские победы и поражения, странная приязнь-неприязнь с К. Воннегутом и т. д. С печалью отмечу, что книга в существенной степени духовно похабна и по-мефистофельски глумлива. Что поделаешь, как говаривал товарищ Сталин: «Нету, нету у меня других писателей».

Опубликование этой феноменально необычной книги уже породило литературный скандал, который продлится минимум несколько лет. Одни ее намеренно замалчивают, другие сладострастно хихикают. Ох, как достается в ней некоторым из моих давних знакомцев. Читатель, не слушай никого, сам возьми «эпистолярный роман» в руки, прочитай, обдумай, не пожалейшь. «Оторвешься» и «улетишь» безвозвратно. Читать будешь запоем, гарантирую. ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ и Василий Пригодич рекомендуют.

1 апреля 2000 г.

Оправдание «системы», или Тайна советской власти

На прилавках лучших питерских магазинов появилась книга: **Дмитрий Быков. Оправдание. Роман. М., 2001. Издательство «Вагриус». 300 С. Тираж 5000 экземпляров.** Автор — поэт, эссеист, публицист, теперь и романист — широко и заслуженно известен как в сетевой так и в «бумажной» литературе. Натурально, после выхода книги в свет Быков стал подвергаться бездоказательным, но злым, едким, нахрапистым нападкам. Поздравим автора: он присоединился к славной плеяде: В. Пелевин, Б. Акунин, М. Веллер, над творчеством которых не глумится в сети разве что самый ленивый.

Нашелся бы один честный человек, который прямо заявил: Дмитрий Быков печатается в «Новом мире», «Огоньке», «Собеседнике». Он — искрометно умен и остроумен, талантлив, жовиально весел, его обожают барышни и дамы — я ему завидую так, что мурашки по коже идут и холодком виски подергивает. Нет, молчок, все какие-то дамские придирки к стилистическим погрешностям и прочая мура.

Любезный читатель, ты уже привык к тому, что я пописываю только о выдающихся книгах. Роман Быкова — из этой дивной когорты. «Оправдание», несомненно, большое событие в современном литературном процессе. Отечественная словесность мощно стартует в начальном году нового столетия. Книга исключительно умна, трагедийна, хорошо выделана, печальна и жестока. Никакого сюсюканья с читателем, с первых страниц — хук и в левую, и в правую скулу.

О чем роман? Прочитав аннотацию: «Писатель предлагает свою, фантастическую

версию печальных событий российской истории минувшего столетия: жертвы сталинского террора (выстоявшие на допросах) были не расстреляны, а сосланы в особые лагеря, где выковывалась порода сверхлюдей — негнибаемых, неуязвимых, нечувствительных к жаре и холоду. И после смерти Сталина они начали возникать из небытия...». Гм, фантастика, нет, скорее утопия, перетекающая в антиутопию, сам разбирайся, читатель, если возжелаешь.

Автор очень молод, однако он великолепно реконструирует стиль той жизни, гнетущую печаль и истероидную веселость, сам разреженный воздух сталинской эпохи. Я хорошо помню смерть тирана, читал траурные полосы в «Правде» (мне еще пяти лет не было), в моей семье никто не плакал. Отчетливо вспоминаются разговоры домашних. Словосочетание «Погиб в ежовщину» употреблялось несравненно чаще, чем нынешнее «Они отдыхали в Турции». В разговорах все время возникала зловещая формула: «И стены имеют уши». Все было, все прошло, но все может вернуться.

Иногда формулировка «Погиб в ежовщину» заменялась иной: «Дали десять лет без права переписки», что означало: расстрелян. По мысли Дмитрия Быкова, многим, не сломавшимся на пыточных допросах, уса-тый Хозяин даровал новую жизнь. Да, метафизика-фантастика, блин. Когда я читал роман, то внезапно вспомнил одну поразительную историю. У моего отца был возлюбленный им отчим, на тринадцать лет моложе бабки, финский коммунист, сделавший карьеру в Красной Армии. Понятно, в годы оные финну дали «десять лет без права переписки». Отец логично полагал, что отчима расстреляли. Бабушку с паспортной фамилией Саволайнен, разумеется, выслали, она больше не вернулась в Москву. Все рутинно и неинтересно. А вот и нет! В 1969 году мой покойный отец увидел старика-отчима по телевизору, который рапортовал о производственных успехах дальневосточной зверофермы, где директорствовал. Отец — аж вскрикнул:

лицо, жесты, манера говорить, специфический акцент (я свидетель). Батюшка мой обрадовался, но разыскивать отчима наотрез отказался. Опыт жизни в стране советов кое-чему научил военного врача-полковника. В «pendant» приведу фрагмент из письма романиста ко мне: «Вас уже не удивит история о том, как в сороковом году из осужденных /к расстрелу/ собрали отряд стрелков-смертников. Сын одного из этих стрелков разыскал меня после выхода романа... Вот так, как сказано у Маршака, «врешь-врешь, да ненароком и правду соврешь»». В марксистско-ленинской эстетической парадигме принято думать, что литература отражает жизнь, нет, скорее, наоборот, через десятилетия жизнь отражает литературу.

Ключевой в книге является глава шестая. Кстати, именно с нее можно начинать читать роман, а потом все «Оправдание» подряд. Эта глава представляет собой чрезвычайно глубокий и занятный, скажем так, трактат, срывающий покрывало Изида с сакральной тайны советской власти. С 13 лет я размышлял над этой грозной загадкой: грезилось нечто туманное, глуповатое, мол, абсурдность, бессмысленная жестокость, зверство и прочая ерунда. И вот на пятьдесят четвертом году жизни, сподобил Господь, я понял все, писатель мне все объяснил и разъяснил (С. 254–259). Еже писах — писах... А что объяснил — не скажу, как партизан на допросе, сам, читатель, разбирайся, только сам. Измерена глубина завораживающей бездны, сделан ее чертеж, предъявлены стереоскопические фотографии. Сталинские ужасы были парадоксальным образом привлекательны, величавы, мыслительно насыщены. Их реконструкция в отдельно взятом сибирском поселке мельчает, истончается, переходя в пародийно-зеркальную ипостась. Мысль о слепой советской Немезиде, карающей кого ни попадя, мне всегда казалась дурацкой. Автор прав: «Никакого разумного основания у выбора не было, но был количественный показатель, непереносимый процент, обусловленный не

статистикой, а гармонией...» (С. 16). Сталин «брал всех» (С. 55). «Империя... упраздняла добро и зло, деля всех на последовательных палачей и столь же последовательных жертв, и в этом была ее несравненная, но-стальгическая милая цельность» (С. 61).

Докладываю (доношу — в советском обиходе) о том, что у романа весьма динамичный сюжет. Отчасти «Оправдание» — «роман воспитания», образ главного трагического героя — alter ego автора дан в «развитии», Слава Рогов отковывается и стремительно душевно взрослеет. Скажу интригуяюще о том, любезный читатель, что на страницах романа ты встретишься с Исааком Бабелем, Ильей Эренбургом, Юрием Олешей и Порфирием Ивановым, основателем духовно-телесной оздоровительной секты. Книга посвящена памяти прекрасного поэта Нонны Слепаковой.

Читатель, помнишь ли ты анекдот. Дворнику, поразительно похожему на Карла Маркса, НКВД приказывает сбрить окладистую бороду. Он говорит сотруднику «органов»: «Бороду я сбрую, но умище-то куда дену». Вот и Дмитрий Быков не может от него избавиться. Приведу пару фрагментов. Главный герой «любил дачу... за то же, что и все книжные дети его времени: тут было искаженное, отдаленное напоминание об усадьбе, свидание с той книжной родиной, которая для всякого думающего человека давно уже свелась к пейзажу, потому что все остальные столкновения с ней были слишком скучны или страшны» (С. 43). Как просто и как сложно.

И еще цитата, поразившая меня какой-то животной правдой. Говоря о костоломных допросах, писатель восклицает: «Часто балованные дети и изнеженные дамы оказываются выносливее самых упрямых и красношеих простолудинов, потому что презируют жизнь, а любят по-настоящему только пирожные» (С. 91). О, как это верно: друзья мои сидели за «политику», умирали от болезней, но держались истово. А к пирожным надо добавить — стихи, музыку, живопись.

Закругляюсь. Роман Дмитрия Быкова — выдающееся событие-явление. Даровал же Господь автору дар тяжелый и грозный. Кутья с поминок по русской литературе давно прогоркла, нужно выбросить ее псам. Пора накрывать стол для пира!

6 апреля 2001 г.

30

Раз... Путин, два... Путин, или Интеллектуальный роман

Термин «интеллектуальный роман», применяемый отнюдь не к беллетристике, а к литературной продукции, именуемой non-fiction, ввел в мировой оборот великий немецкий писатель Томас Манн (1870–1955). Именно о такой книге в самом блистательном варианте и пойдет речь в этой заметке.

Итак: **Эдвард Радзинский. Распутин: жизнь и смерть. М., 2000. Издательство «Вагриус». Тираж 150 000 экземпляров. 576 с.** Читатель, обрати внимание на неслыханный тираж, а ведь это не детектив и не «дамский роман».

Имя автора широко известно не только любителям увлекательного «исторического» чтения, но и бесчисленным поклонникам талантливых телевизионных «шоу» Радзинского, посвященных различным аспектам мировой и русской истории. Люди старшего поколения помнят Радзинского как смелого и успешного драматурга «застойных» лет, чьи пьесы, шедшие во всех театрах сгинувшей страны СССР, казались, если не глотком свободы, то полным вдохом свежего воздуха. Предыдущие «исторические» сочинения писателя очень хороши, написаны отменным языком, но, к сожалению, зачастую поверхностны, несколько компилятивны. Радзинский нередко забирал «лавры» у своих предшественников, просиживавших годы в архивах, разбиравших бытовую скоропись XVIII–XIX веков, переводивших иноязычные рукописные тексты на русский язык. Как забирал? Да просто не упоминал имен этих тружеников, публиковавших свои работы в малотиражных специализированных периодических изданиях,

выпускавших монографии мизерными тиражами. К примеру, читатель, держал ли ты в руках когда-нибудь номер всемирно известного замечательного журнала «Вестник древней истории»?

Книга о Распутине — совсем иная. В ней Радзинский демонстрирует высокое умение работать с документами. В основу книги легло уникальное, исчезнувшее на долгие десятилетия огромное (свыше 500 листов) «дело»: «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». Эту следственную комиссию учредило Временное правительство после Февральского переворота. Часть документов, оставшихся в России, давно изучена историками, многое опубликовано. Однако огромный корпус бесценных манускриптов, прежде всего связанных с загадочной личностью Распутина, таинственным образом попал за границу, всплыл на аукционе Сотбис в 1995 году и был куплен М. Л. Ростроповичем. Некто просто вырвал эти листы из дела, ибо эти документы принадлежали перу людей, любивших Распутина, считавших его, как и императрица, истинным старцем-вероучителем.

По сей день это архивное собрание принадлежит великому дирижеру-виолончелисту, хранится в его доме. Ростропович сделал Радзинскому поистине царский подарок: разрешил изучить и использовать эти рукописи в работе над биографией Распутина. Автор книги кратко характеризует это великолепное собрание: «Здесь автографы Вырубовой, знаменитых почитательниц «старца» Ольги Лохтиной и Марии Головиной, шефа жандармов Джунковского, полковника Комиссарова, тибетского врача Бадмаева, министра внутренних дел Хвостова, главы Московской охранки Мартынова» (С. 26). Анна Вырубова, напоминая, читатель, та самая, фрейлина, ближайшая подруга царицы, умершая своей смертью в 1964 году в Финляндии, облыжно обвиненная прессой в интимной связи с Государем, потребовавшая медицинского освидетельствования

у Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Медики вынесли вердикт: девственница. Журналоги — они всегда и везде журналоги. Список использованных архивных и печатных источников книги занимает 13 страничек убористого набора (С. 563–565). Вот такая редчайшая архивная удача явилась мощным стимулом к этой великолепной работе.

Распутин — магический персонаж российской истории. Совершенно спокойно по масштабу личности его можно сопоставлять со Столыпиным, Витте, да и с Лениным. Медальным профилем наплыл он на троящуюся теперь уже панораму предреволюционных событий. У медали — две стороны: «святой черт» и «святой старец». Так и только так писали и пишут о Распутине. Эдвард Радзинский избрал особую, спорную, но весьма обстоятельно аргументированную линию. Какую? Э, друг мой высокий, не скажу. Прочитай — узнаешь. Читать будешь запоем, это не квазинаучная монография, написанная суконым языком. Это — литература, и большая литература: трагический захватывающий «роман-исследование».

Моя родная бабушка, Соломония Леонтьевна Пригодич (1868–1955), вдова жандармского полковника Артемия Емельяновича Пригодича (1864–1934; успел своей смертью помереть, бежав в Великие Луки), оказала на меня огромное влияние. Потихоньку от отца она учила меня молитвам, много рассказывала о жизни в Российской империи. Была у нее подруга с великолепными фарфоровыми зубками, сделанными во Франции накануне Первой мировой войны. Странная штука жизнь. Зубы я запомнил лучше всего. Отчетливо помню испуганный шепот матери и бабки, мол, та старая дама была «в розовых цепях» у великого князя, у которого — я забыл.

К чему это все? А к тому: две бабульки истово почитали Распутина как истинного «старца». Отчетливо помню их перешептывание. Бабушка моя видела его в 1915 году, когда семья бежала от немцев из Виндавы

в Москву (мама моя всю жизнь хранила кипарисовую иконку, подаренную императрицей, встречавшей беженцев на Рижском вокзале), а потом в Петербург. Отец мой был комсомольцем 1920-х, безбожником, насмехавшимся и над царской семьей, и над Распутиным, верившим гнусным версиям любовной связи государыни с мужиком. Фамилия Распутин часто звучала в моей семье: мы жили на улице Дзержинского (Гороховой) аккуратно напротив дома, где провел последние годы жизни наш персонаж. Батюшка очень любил пересказывать истории амурных походов «святого черта». Взрослые наивно полагали, что я ничего не понимал, а я слушал и запоминал. Так вот, бабка всегда отцу возражала, мол, враги Распутина создали несколько двойников Григория Ефимовича, которые **провокативно** кутили и скандалили в ресторанах, попадали в полицию, «снимали» проститутток, водили в баню высокогородных дам и прочая, и прочая, и прочая. О «подвигах» этих двойников, специально нанятых для устройства скандала всероссийского масштаба, сладострастно, капая слюной, писала антиправительственная пресса. Да, прямо-таки «Досье детектива Дубровского», если кто-либо видел этот сериал по НТВ. Читатель, ничего тебе эта история не напоминает? Пару лет назад только ленивый не писал о том, что вместо Б. Н. Ельцина народу предъявляются его двойники. Метафизика, блин. Я склонен верить бабке. Смее думать, что распутинские «игры с плотью», мягко говоря, безмерно раздуты и зло преувеличены. Документы, подтверждающие феномен двойничества, конечно, уничтожены. А вдруг со временем что-либо и всплывет. Вот такие получились у меня арабески на полях книги Эдварда Радзинского.

Я всегда пишу о книгах экстра-класса. И на сей раз я не изменил своему перу. Работа писателя-историка, разумеется, несравненно шире своего названия: здесь и объемная история последних десятилетий многочисленного императорского дома, стереоскопические

портреты ближайших сподвижников Государя, трогательное повествование об истинной любви царя и царицы, об их прелестном бытовом обиходе. Неоднократно историк фиксирует внимание читателя на том, что некоторые неосуществленные, но судьбоносные для России идеи Распутина были воплощены в жизнь его злейшими врагами-большевиками после Октябрьского переворота.

Читатель, не удивляйся, при чтении этой отменной книги в твоём мозгу возникнут навязчивые сопоставления Распутина с Борисом Абрамовичем Березовским. Никуда не денешься. Читательницы, полагаю, не раз прольют слезу над страницами этой одновременно яростной и нежной книги. Господа, вставайте с дивана, пора идти в книжный магазин...

26 апреля 2001 г.

Разговоры с Лоуренсом Стерном, или Отменная книга

Читатель милый, прочитал я некую книжку дивную, о которой хочу тебе поведать. Итак: **Александр Житинский. Потерянный дом, или Разговоры с милордом. Санкт-Петербург. Издательство «Амфора». 2001. 608 с. Тираж 5000 экземпляров.** Э, скажешь ты, мол, какой кирпич неподъемный, романище толстенный, тут и детектив в карманном формате в метро не прочитаешь толком из-за давки. Не спеши с выводами, друг мой высокий, серьезная (спародируем Маяковского — **серьезная**) литература жива, слухи о ее кончине весьма преувеличены. Хоронили раз сто с оркестрами духовыми и симфоническими, а она, матушка, жива-живехонька.

Несколько слов об авторе. А. Н. Житинский — почтенный литератор старопитерской выделки-выпечки, известный-популярный и прочее. 19 января сего года мы шумно гуляли на его славном шестидесятилетии. По рассказам писателя О'Санчеса («Лондонский Курьер» и интернет-журнал «Русский переплет» любезно напечатали мою статью о его романе «Кромешник»), я — дважды инфарктник и радикулитчик — плясал вприсядку. Питер — не Лондон и не Москва, а питерские литераторы — не чопорные британцы или москвичи. Шутки в сторону: издательство «Амфора» сейчас публикует собрание сочинений Житинского. Уже вышел том стихов и несколько фолиантов прозы. В новейшей русской литературе это — весьма редкий случай, свидетельствующий о чрезвычайно высоком ранге сочинителя. Писатель родом из той ярчайшей плеяды питерских литераторов, к которой принадлежат:

И. Бродский, Е. Рейн, С. Довлатов, В. Уфлянд, А. Кушнер и др.

Жизнь газетной статьи коротка, как у бабочки: два-три дня. Может быть, кто-либо из благосклонных читателей вспомнит мою давнишнюю статью «Сетевая литература («сетература»)» («Лондонский Курьер», 2000, № 123). В этой заметке имя писателя было впервые названо в рубрике «Книжная полка» как владельца-лидера-руководителя известнейшего международного сетевого Литературного объединения имени Лоренса Стерна. Напоминаю электронный адрес этого мощного сайта: lito.spb.ru. К чему все это, а вот к чему.

Гениальный английский писатель, основатель литературного направления, получившего название сентиментализм, Лоренс Стерн (1713–1768; автор блистательного и глубоко новаторского романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и непревзойденного «Сентиментального путешествия по Франции и Италии») является одним из центральных персонажей романа Житинского, а может быть, и главным героем. «Разговоры с милордом» следует трактовать как беседы с Лоренсом Стерном. Вот так. Сразу скажу, что эти «разговоры» чрезвычайно остроумны и элегантны.

Роман написан в 1979–1985 годах. Странное было время: воздух разреженный, «застой» цвел буйным чертополохом, литературная жизнь Питера подвергалась мощному прессингу всемогущего КГБ (напоминаю молодым читателям: Комитета государственной безопасности СССР). Э, кто не жил тогда, тот и вовсе не жил — переиначим слова хитроумного министра-прохиндея Талейрана о Французской революции. Советская Империя была снаружи гранитно-железобетонной, а внутри — гнилой. Автор в издательской аннотации пишет о своем детище: «Этот главный роман своей жизни я писал семь лет с некоторыми перерывами, понимая, что опубликовать его невозможно». Потом приключилась нежданно-негаданно «перестройка», «Потерянный дом» был напечатан журналом «Нева»,

позднее вышел отдельным томом. Следовательно, у меня в руках уже третье издание.

А почему тогда нельзя было напечатать роман — не скажу, как партизан на допросе, читай и обрящешь. Ну, напишу я, что книга очень хороша — и что толку. Книг хороших много. Читатель, поверь седому бумагомарателю, роман Житинского чрезвычайно добр и великодушен по отношению и к героям, и к читателям. Разумеется, сказанное относится и к лукавому автору. О чем книга? Да все та же старая и великая песнь: о жизни и смерти, о любви и предательстве, о прямом и косвенном сопротивлении абсурдной советской власти, о физическом разрешении величайшей метафизической теоремы «Пиво-водка», о мелкотравчатом, но **светоносном** по сути обывательском бытии и, главное, о **литературе** не только как о странном образе писательского житья-бытья, но и таинственном эфемерном стержне всего мироздания. Есть в романе элементы социальной фантастики, но я не об этом. Автор, пользующийся самыми современными, в те годы просто непостижимыми писательскими технологиями, сочинитель до мозга костей, создал роман **преимущественно о литературе: роман в романе и о романе**. Такого интеллектуального кушания, в такой разблюдовке и расфасовке, читатель, ты еще не пробовал. Да, есть неназойливая перекличка с «Мастером и Маргаритой», правда, романист приходит к прискорбному и доказательному выводу, что рукописи горят, да еще как горят (Часть IV. Превращение. Глава 47. Суд). Ответственно заявляю: рукопись «Потерянного дома» не сгорит, не по газете же «Правда» и бесстыдным советским «производственным» романам будут потомки реконструировать нашу прежнюю жуткую, но завораживающе пленительную жизнь.

Процитирую Житинского, отвергающего ложно приписываемые литературе принципы-функции: «Литературные сочинения постоянно путают с инструментами, которые должны бить, вскрывать, поднимать,

протягивать, указывать, сигнализировать, вдалбливать, пронзать и тому подобное. Или же считают их зеркалом и одновременно осветительным прибором. Между тем, все перечисленные вами цели — суть частные следствия общей объединительной роли, которую призвана играть литература... Литература есть игра, она сродни актерскому ремеслу, между тем как ее обычно поверяют не законами игры, выдуманными автором, а законами самой жизни... Литература — игра, не более, но и не менее, и относиться к ней следует как к игре — не менее, но и не более. Великая это игра или мелочная, трагическая или пародийная — она всегда остается игрой, ибо дает читателю возможность проиграть в душе тысячи ситуаций, поступков, характеров, лежа при этом на диване и перелистывая страницы» (С. 515, 516–517). Как просто, и как... мудро. Прошу прощения за столь пространную цитату. Эх, ввести бы эти положения в марксистско-ленинскую теорию литературы. Поздно, ибо она приказала долго жить.

Автор не просто умен, а проникновенно мудр. Книгу можно растаскать на цитаты-афоризмы. Читатель, друг мой, ты только не подумай, что «Разговоры с милордом» — некая интеллектуальная тягомотина. Нет, в романе лихо закручен сюжет, читать его интересно, легко и сладко. Я читал книгу долго, с изумлением и наслаждением. И все мне мнилось-блазнилось, будто сижу я на берегу Староладожского канала с удочкой, тупо пялюсь на поплавок, солнышко светит, комары и слепни жалят, мрачный лес на горизонте, а в голове проносятся странные мысли: «Бытие определяет небытие... Лишь пессимист может быть глубоко радостен» (С. 571), «Государственная система является одновременно внутренней, внешней и **умозрительной**» (С. 53), «К диссидентам /Сергей Сергеевич/ относился со смешанным чувством **брезгливости и страха**» (С. 295), и прочая, и прочая, и прочая.

Отменная книга, господа, созданная тонким и высокоталантливым автором, исписавшим тысячи страниц,

много продумавшим и пережившим, перестрадавшим и перетерпевшим. Смело рекомендую роман читателям всех возрастов. Хорошо пожившие в сей юдоли печали господа вернуться в свою молодость-зрелость, ухватив верхним чутьем эманации прошлого. Вдумчивая молодежь, прочитав книгу, быть может, избегнет трагических ошибок «отцов и дедов», впрочем, вряд ли. Уж так устроена жизнь. Да, помимо всего вышесказанного «Разговоры с милордом» — мастерская, тщательно спроектированная проза, отточенная, оперенная. Рекомендую.

9 мая 2001 г.

Один в трех, или Три в одном (о трех книгах Б. Акунина)

Писатель, чья читательская популярность достигла горних сфер, чью репутацию пытается опорочить уже легион «бумажных» и «сетевых» критиков-завистников-злопыхателей, в течение нескольких месяцев выпустил три книги: **1. Сказки для идиотов.** СПб.: «Издательский Дом «Нева»»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. 192 с. Тираж 30 000 экземпляров (серия «Классики-современники»); **2. А. П. Чехов. Чайка. Комедия в четырех действиях.** Б. Акунин. Чайка. Комедия в двух действиях. «Издательский Дом «Нева»»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. 191 С. Тираж 20 000 экземпляров (да, пьесы двух драматургов соединены одной обложкой); **3. Пелагия и черный монах: Роман.** М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2001. 416 с. Тираж 40 000 (серия «Провинциальный детектив»).

Газета «Лондонский курьер» и интернет-журнал «Русский переплет» при моем посильном участии пристально следят за творческим победоносным становлением замечательного писателя. Итак, это моя четвертая статья о Борисе Акунине. Любезный читатель, сделай милость, взгляни на предыдущий абзац: три книги, 800 страниц, общий тираж — 90 тысяч экземпляров. Впечатляет, да, и меня тоже. Господи, как мне надоело огульное охаивание писателя. Советские и постсоветские критики никак не могут отвыкнуть от пленительной, но губительной иллюзии, мол, читатель — дурак, несмышленьш сопливый, его надо учить уму-разуму, растолковывать «идейное содержание» произведения, выстраивать идиотическое иерархическое соподчинение имен и жанров, и прочая квази-

высоколобая лабуда. Коллеги, чушь все это собачья, ибо книги пишутся не для критиков, а для читателей. Правда, изредка появляются книги, специально спроектированные на критиков, но о таких опусах нормальный читатель и слыхом не слыхивал. Смело рекомендую все три книги Бориса Акунина, заказывай, читатель, и «отрывайся-оттягивайся».

В кратком электронном письме ко мне романист, благосклонно ознакомившийся с моими предыдущими заметками о его творчестве выразил лестное для меня предположение: «Надеюсь, что Вы будете читать мои книжки и в дальнейшем». Нагло отвечаю автору: буду и с превеликим удовольствием. В другой записочке Борис Акунин пишет: «На Ваши статьи меня уже отсылали, и я их читал. Спасибо на добром слове. Скоро выйдет «Черный монах». Надеюсь, что Вы прочтете и его». Григорий Шалвович (в миру так зовут писателя)! Не за что. Какие пустяки. Роман, разумеется, прочитал — см. ниже. Это стандартные писательские письма, их можно цитировать без зазрения совести. Кстати, «акуниана» весьма велика и пространна. Для особо продвинутых сообщаю электронный адрес сайта «Фандорин», где выложены основные рецензии на Акунина (включая и мои): <http://www.fandorin.ru/akunin/reviews.html>.

См. также: <http://pereplet.sai.msu.ru/cgi/kot.cgi?id=9#9>.

Напомню, что Г. Ш. Чхартишвили — прославленный переводчик японской литературы, в частности, прозы несравненного Юкио Мисима, автор капитальных работ по истории литературы народа Ямато, замечательной монографии «Писатель и самоубийство». Никита Михалков в недавнем телевизионном интервью поведал «urbi et orbi» — городу и миру — о том, что собирается экранизировать акунинский роман «Статский советник» с Олегом Меньшиковым — сыграл юнкера Толстого в «Сибирском цирюльнике» — в роли сыщика Эраста Петровича Фандорина.

«За мной, читатель» — как писал М. Булгаков. В «Сказках для идиота» писатель выступает в качестве злого, едкого, язвительного, невеликодушного сатирика. Акунину вообще свойствен специфический висельнический юмор, ярко окрашивающий все его произведения. Однако в прежних его романах все это растворялось в художественной ткани произведений. В этой книге писатель выступает под маской умного и проныцательного шута, который, понимая тупорыльную низость управителей Государства Российского, печально иронизирует и над ними, и над собой, и над тобой лично, друг мой, «пожиратель» газет (М. Цветаева). Книжка невероятно смешная, мы с женой читали ее вслух, вырывая из рук друг у друга. На ее страницах ты встретишь Ельцина, Черномырдина, Зюганова, Лужкова, Березовского, Скуратова, Доренко, Церетели. Их имена и фамилии слегка изменены во избежание, конечно, судебных исков о защите чести и достоинстве, но «герои» легко узнаваемы. Особо хочу отметить сказку под названием «PSTD» (так!) о разгадке тайны личности известного антисемита-юдофоба А. Макашова. Уморительно занятен текст под названием «Проблема 2000. Типа святочный рассказ» о том, как отставной штаб-ротмистр Константин Львович Луцкий из 1900-го года попал в 2000-ный, а крутой, новорусский, мафиозный Вован переместился на столетие назад, и что из этого вышло: их дела, их отношения с дамами-телками в парадоксально возникшей реальности. Смешно до колик, ибо писатель мастерски пародирует «новояз» на фоне старомосковской дореволюционной вербальной повадки. Животики надорвете, ей-богу. Со всей серьезностью заявляю, тексты круче, чем у Виктора Шендеровича.

Роман «Пелагия и черный монах» прелестен и изыскан. Круто сваренная авантюрная «гурьевская» каша с вареньем и цукатами. Это вторая книга о хитроумной и отважной монахине, в интересах следствия меняющей маски, которую владыка Митрофаней после череды сыщицких неудач посылает в Ново-Арабатский

монастырь на Ханаанских островах раскрыть чрезвычайно таинственное, загадочное и кровавое «дело». Ну, ясно, автор «понты кидает» (так теперь следует писать), речь идет о Валаамском монастыре, его островных ски-тах. Проницательный читатель, тебя не надуешь, по-сему заявляю прямо: к небольшой чеховской повести «Черный монах» (1893 год), отличающейся острым, немислимым в ту эпоху психологизмом, роман Бориса Акунина прямого отношения не имеет, хотя наш лукавый автор, работая над своим текстом, имел ее в голове. Ох, и плут.

Натурально в романе представлены все акунинские «примочки»-атрибуты-аксессуары: захватывающий сюжет, обыгрывание-пародирование на сей раз проблематики и имен персонажей романа Достоевского «Бесы», игры с фамилиями — граф Литте-Витте, фамилия одного из пациентов островной психиатрической клиники — Веллер, открытие радиоактивности и прочая. Как и в первом романе из серии «Провинциальный детектив» о монахини Пелагии (в миру Полине Андреевне Лисицыной) в книге есть любопытнейшие рассуждения по церковной, скажем так, тематике. Героиня говорит одному из персонажей об одном из схимников, «который торопится покинуть земную юдоль. Ученый человек, много лет изучал богословие, а главного про Бога не понял. Господу от нас не смерть, а жизнь нужна» (С. 306). Верно! Еще пример! Преосвященный Митрофаней неожиданно вступает с монахами в дискуссию о рае и аде: «Католичество допускает еще и чистилище... Чистилище, конечно, нужно понимать в смысле духовном... Наша же православная вера чистилища не признает... Не от строгости это, а от еще большего милосердия... И наш православный ад, в отличие от католического, ни у кого, даже у Иуды, надежды не отнимает. Думается мне, что адские муки у нас не навечно задуманы» (С. 333–334). Как проникновенно сказано. Ничего себе бездумная литература для пошлого отдыха, уймитесь, зоилы.

Акунинская «Чайка», уже поставленная на московской сцене, — своего рода шедевр криминальной драматургии. Читатель, помнишь, в финале чеховской пьесы молодой декадентствующий писатель Константин Треплев кончает жизнь самоубийством, стреляется. Акунин продолжил кладбищенскую «комедию» А. Чехова. Как? Драматург, наш современник, предлагает **восемь** версий **убийства** героя, которое могли совершить **все персонажи** «Чайки»... За мной, читатель, Пегас ржет и бьет копытом.

24 мая 2001 г.

Сага о сыщике Путилине, или Анти-Акунин

На туманном ночном небосклоне упоительно-развлекательной отечественной беллетристики взошла новая звезда первой величины. Разрешите представить: Леонид Юзефович. Сведения о писателе достаточно скудны, хотя я и произвел тщательную разведку в сети. Романист, родившийся в 1947 году, профессиональный историк высочайшего класса, кандидат исторических наук, автор монографии по дипломатическому этикету Древней Руси. По мотивам повести Юзефовича «Ситуация на Балканах», по его собственному сценарию был снят кинофильм «Сыщик Санкт-Петербургской полиции» в далеком 1991 году. Внимание, читатель! Перу Леонида Юзефовича принадлежит фундаментальное исследование «Самодержец пустыни» (1993 год) о великом буддийском воине-белогвардейце бароне Р. Ф. Унгерне фон Штернберге, спасшем Монголию от, казалось, неминуемого в 1918 году поглощения Китаем. Проницательному читателю рекомендую подумать над темой школьного сочинения: «Образ барона Унгерна фон Штернберга в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота»». Понятен генезис образа? Увы, все сведения о безумном бароне почерпнуты из книги Юзефовича, разумеется, без ссылки на автора капитального труда.

В этом году знаменитое московское издательство «Вагриус» выпустило в свет романы Леонида Юзефовича: **1) Костюм Арлекина. 268 С. Тираж 10000 экз.; 2) Дом свиданий. 254 С. Тираж 11000 экз.; 3) Князь ветра.** До Питера последний роман не «доехал», потом напишу о нем. Так вот, 25 мая в Санкт-Петербурге

роман «Князь ветра» был удостоен престижнейшей Российской литературной премии «Национальный бестселлер». Девиз премии — «Проснуться знаменитым». Книга впервые была опубликована в журнале «Дружба народов» (2000, № 1, 2; электронный адрес: <http://novosti.online.ru/magazine/druzhba/n1-20/usefov.htm>).

Высокопрофессиональное Малое жюри (шоу-мены Д. Дибров, А. Троицкий, писатели П. Крусанов, Е. Шварц, Э. Лимонов, сидящий в тюрьме Лефортово за хранение оружия, и другие) во главе с непрофессиональной в литературных ристалищах Ириной Хакамадой присудило писателю первую премию в размере 7000 долларов. Номинатор книги — писатель Владислав Отрошенко получит 3000 зеленых. Роман будет издан тиражом 50000 экземпляров. Вот такие дела. Поздравим автора, который 26 мая проснулся знаменитым. Кстати, роман Дмитрия Быкова «Оправдание», о котором я писал в «Лондонском курьере» и в «Русском переплете», вошел в шорт-лист премии «Национальный бестселлер». Автор получит 1000 американских рублей.

Леонид Юзефович написал трилогию о легендарном петербургском сыщике Иване Дмитриевиче Путилине. Это отнюдь не литературный персонаж, а реальный человек, начальник столичной сысской полиции с 1866 по 1889 год. В 1893 году он умер, будучи в отставке, в своем имении на берегу Волхова, но слава его жила лет двадцать. Путилин, «русский Натпinkerтон», на рубеже веков стал героем многочисленных брошюр, посвященных живописанию его действительных и мнимых сысских подвигов.

Итак, о романах «Костюм Арлекина» и «Дом свиданий». Этими книгами издательство открыло новую серию «Остросюжетная проза». И я, грешный, в первой фразе заметки упомянул о беллетристике, мол, все-таки «осетрина второй свежести». А это не так: первой свежести. А почему? Да по той простой причине, что это высокая, мастерская, исключительно

тщательно выделанная, умная и занимательная проза. А почему, собственно говоря, хороший роман должен быть скучным. Жанр романов Юзефовича — увлекательный, спроектированный на читателей всех рангов классический детектив. Коммерчески невероятно удачливый Валентин Лавров издал серию романов о петербургском сыщике графе Соколове (перечислю несколько названий: «Блуд на крови», «Кровавая плаха», «Страсти роковые» и т. п.) — вот это натуральная бульварная литература, имеющая своего читателя, перед которым не стоит заирать нос. Читатель читает то, что хочет, не надо его учить. К примеру, в одном из романов Валентина Лаврова граф Соколов соблазняет возлюбленную Ленина Инессу Арманд. Круто!

Романы Юзефовича авантюры в самом широком смысле слова: убийства, интриги, роковая любовь, живые полнокровные персонажи. И все это выписано с большим вкусом и тактом. Кстати, над образом сыщика Путилина автор труждается чуть не пару десятков лет. Это не горячие пирожки, через каждые полчаса вышвыриваемые на потребу толпе. В своей творческой манере Юзефович ориентируется, на мой взгляд, на прозу совершенно забытых отличных писателей рубежа позапрошлого-прошлого веков: П. Д. Боборыкина (1836–1921), М. Н. Альбова (1851–1911), К. С. Баранцевича (1851–1927), И. Н. Потапенко (роман «Негерой»; 1856–1929), Вас. И. Немировича-Данченко (повесть «Незаметные герои»; 1848–1936). Эти прекрасные «живописцы слова», походя, не намеренно были вычеркнуты советской властью из святцев отечественной словесности. Сыщик Путилин у Юзефовича — именно «незаметный герой», «не-герой» в обыденном понимании, получающий копеечное жалование, не выслуживший потомственного дворянства, скандаливший с женой, но одновременно аналитик-комбинатор, блестяще распутывавший кровавые преступления. И главное — живой человек, симпатия к которому у читателя возникает с первой страницы первого романа.

Конечно, автор держит за пазухой образ комиссара Мегре несравненного Жоржа Сименона. Кстати, замечательный тест: кого вы предпочитаете — леди Агату или Ж. Сименона. То или иное предпочтение свидетельствует о полярных типах личности. Сопоставление образов французского и русского сыщиков и, разумеется, их верных жен доставит тебе, читатель, огромное удовольствие.

Читатель, я придумал словечко «Анти-Акунин» по аналогии с полубредовым фолиантом Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг». Ей-Богу, в университете раз десять конспектировал. Итак, Леонид Юзефович — Анти-Акунин. Почему? Отвечаю. Действие акунинской серии об Эрасте Фандорине почти всегда происходит в Москве, у Юзефовича — в северной столице. Фандорин — барин, сноб, эстет, некий российский аналог нищевского «сверхчеловека». Путилин — из «простых», работает зачастую не головой, а ногами, даже «Маленьких трагедий» Пушкина не читал, впрочем, сюжеты знает, ибо ходит изредка в театр.

Прекрасная проза Акунина перенасыщена литературной игрой, аллюзиями, цитатами, сюжетными аналогиями, как тропический ликер или кофе с восемью ложками сахара. Назойливость хитроумных авторских исхищрений иногда начинает раздражать, вызывая несварение желудка и мыслительного аппарата. Прекрасная проза Юзефовича затейливо скромна, как барышня из института благородных девиц, прикровенно жеманна и культурна. Уточняю: соблазнительно жеманна и подлинно культурна.

Читатель, приходилось тебе испить водицы из лесного родника, а? Сладко было, и зубы ломило. Куда там кока-коле и пепси-коле. Романы Акунина напоминают новые роскошные лакированные ботинки, которые зачастую ногу натирают до крови. Книги Юзефовича — старые, добротные, разношенные башмаки, в которых никакая дорога не страшна. Писатель, классный историк, великолепно и исчерпывающе знает

реалии, аксессуары и атрибуты старой императорской России. Сказанное, разумеется, в полной мере относится и к Акунину. Однако у Юзефовича это знание принудительно не навязывается читателю. Романист ничего не вдалбливает публике, не ошарашивает ее бенгальскими огнями, не демонстрирует над ней свое превосходство, не потешается и не обманывает.

Расскажу о забавном курьезе: до того дня, когда Борис Акунин раскрыл свой псевдоним, многие критики думали, что автором романов о Фандорине является именно Леонид Юзефович. Клянусь, так было. Господи, до чего мне надоел песий вой о «высокодуховной» советской литературе, об ее «упадке» в годы реформ. Романы Юзефовича (и Акунина) не могли быть опубликованы при прежнем режиме. Почему? Логике не поддается. Не напечатали бы и все! Слава Богу, сейчас выходит неопишное количество талантливых и увлекательных книг. От всего сердца рекомендую «бестселлеры» Леонида Юзефовича.

10 мая 2001 г.

Первый роман Империи, или Талант не подделаешь

Читатель, вдруг, о радость, Ты помнишь мою заметку «Последний роман Империи, или Талант не спрячешь» — о романе Владимира Хлумова «Мастер дымных колец» (Лондонский Курьер, № 141. 16 March. P. 21). Заголовок новой рецензии отсылает к той статье. В России все чрезвычайно быстро и лихо изменяется. Прошло всего несколько месяцев: тональность «бумажных», электронных и сетевых средств массовой информации преобразилась до неузнаваемости. Все построились в шеренгу, втянули животы, посуровели, подняли подбородки и повернули их вправо. «Разговорчики в строю», непристойные шутки и похабные анекдоты про власть забылись так, как будто их и не было никогда. Морозный ветерок, поддувающий с кремлевских башен, расцветил носы и покрыл инеем усы неутомимых борзописцев. Помните вещице слова последнего канцлера Российской Империи, друга Пушкина, последнего лицеиста первого призыва, светлейшего князя А. М. Горчакова (1798–1883): «Россия сосредоточивается». Нечто подобное происходит сейчас. Что будет дальше. Бог весть... Евразийские идеи философа-культуролога-геополитика-конспиролога Александра Дугина постепенно овладевают умами кремлевской администрации. Перефразируем бессмертную фразу В. С. Черномырдина, мол, как ни строй новую партию, все равно получается КПСС: «Как ни создавай в России демократическое правовое государство, все равно воссоздается Империя».

Книгу Хлумова я назвал «последним романом Империи», в нем шла речь о гигантском космическом

проекте, якобы осуществленном СССР. «Первым романом Империи» я хочу назвать книгу Павла Крусанова «Укус ангела» (Санкт-Петербург. 2001. Издательство «Амфора». 352 С. Дополнительный тираж 5000 экземпляров). Русская литература обладает поразительным качеством: не просто отражать жизнь, а зачастую генерировать и модифицировать ее. Вот о такой книге я и хочу поговорить.

Несколько слов об авторе. Павел Крусанов (1961 г. рождения), закончил Педагогический институт им. А. И. Герцена по специальности «география и биология», владеет несколькими профессиями, автор шести книг прозы, широкому читателю пока недостаточно известен. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, в котором и я имею честь состоять. Крусанов — писатель замечательный, истинно питерский, высококультурный, блистательный стилист — не то, чтобы обойден вниманием критики, нет, есть статьи о нем, но их удивительно мало. Сразу скажу, что роман «Укус ангела» уже много месяцев занимает первое место в «горячей» десятке книжных продаж северной столицы.

В одном из интервью Крусанов, адепт «вождедения духовной дерзости», признался: «Меня интересует метафизика человека». В романе «Укус ангела» во главу угла поставлена метафизика Империи. Именно так. Есть расхожая истина, пошлая, но дельная, мол, история не имеет сослагательного наклонения. Так-то оно так, однако, прошлое на памяти старшего поколения не один раз переписывалось, изменялось, перелицовывалось. Например, аварец Шамиль, в течение десятилетий воевавший с царской армией на Кавказе, становился попеременно то лидером освободительной борьбы, то преступным наемником британской и турецкой разведок.

В романе Крусанова великие Империи, одну из которых бездумно профукали наши деды-прадеды, а вторую — бездарно развалили мы сами — уцелели в пожарах войн и великих потрясений и даже приросли

территориально за счет европейских и азиатских государств. Русские заняли черноморские проливы и Царьград-Стамбул. Эх, читатель, знаешь ли ты, что к началу 1917 г. успехи русской армии на турецком фронте были так велики, что, вне всякого сомнения, к осени оттоманская столица была бы захвачена, а стольным градом нового государства стал бы Константинополь. Не попустил Господь: грянули две революции.

Российская империя, по Крусанову, была разделена магической Надеждой Мира (вспомним «Розу мира» Даниила Андреева) на два государства. В основе романа — затейливая история и кровавая практика (нет, метаисторическая утопия, а вернее, антиутопия) воссоздания могущественнейшей Российской Империи с феодальными нравами и порядками, всенародно избранными консулами, хтоническими и оккультными реалиями, но с танками, самолетами, телевизорами и компьютерами — под скипетром Императора, великого варвара-воина, полурусского-полукитайца Ивана Никитовича Некитаева. Кстати, на наших глазах сбываются пророчества Владимира Соловьева («Враг наступает с Востока») и Андрея Белого (схватка арьевского Ирана и монгольско-китайского Турана) о победе Китая, совершившего прорыв в новейшую русскую словесность. Роман изобилует древнекитайскими духовными знаковыми символами.

О названии романа. Старик-колдун-«пламенник» говорит мальчишке-кадету, будущему властелину мира, раскрывая предназначение подростка: «Государь завсегда меченый. Только отметина та простому глазу не видима... Точно ангел его поцеловал — вот. Да не печально, а со страстью — с прикусом» (С. 79).

Уф, дух переведу. Раскрытию сакральной тайны Империи и ее Императора посвящены многие страницы романа. Сошлюсь только на одну цитату. Некитаев «был тем, кем был, то есть он был разом и проще, и богаче всяких соображений на его счет — и одновременно он являлся и гирей, и чашей, и весами,

и весовщиком. Больше того, при этом он был еще товаром, платой за товар и сдачей на плату» (С. 247). Господи, роман создавался явно до невероятного возвышения В. В. Путина, но как это «подверстывается» самой русской жизнью к личности и судьбе Президента России... О, как поразительно предугадал художник сегодняшнее состояние России: люди устали от тяжелого бремени безграничной свободы, постоянного произвольного выбора, шеи тянутся под ярмо, со всех сторон слышатся просительные крики: «Владимир, владей нами, мы — твои холопы неразумные». Молчит, молчит Владимир Владимирович, но что-то он скажет: нация требует. Чрезвычайно интересны рассуждения автора и о неудаче не в замысле, в осуществлении великой Британской Империи и грядущем величии Российской (С. 281–284). Из слова песни не выкинешь: англичане, русские, немцы и североамериканцы — великие имперские народы. Тут ни убавить, ни прибавить.

Не знаю, как определить жанр этого произведения. Мрачная историческая сага-фэнтези? Нет, не то. На ум приходит всяческая пошлятина в стиле: «философский роман-притча» (фу, пакость), «воспоминание о будущем» (глуповато, но ближе к правде). Ей-Богу, не было такого произведения в русской литературе.

Роман чрезвычайно оригинален, нет, уникален: поразительный сюжет, тончайшая психологическая вылепленность персонажей, висельнический юмор, декларированное и осуществленное тайновидение. Над книгой веют духи еретика-поэта-скопца Пьера Абеяра, средневековых оккультистов, Ницше, Фрейда, поэта-тайновидца Николая Заболоцкого и таинственных «псов Гекаты» (древнегреческой богини колдовства).

Особого внимания заслуживает язык романа. Вплоть до недавнего времени я опрометчиво полагал, что после Платонова преобразовать русский язык уже никому и никогда не удастся. Ошибся. Стиль Крусанова — клейкий, вязкий, густой, как деревенская

сметана, в которой деревянная ложка стоит, представляет собой просто нечто небывалое и невообразимое. Это какое-то языческое пиршество языка, как на тризне, где варварскую пищу и тягучие меды облагораживает протяжное, заунывное, но полное яростной динамической экспрессии пение скальдов-бардов. Каждую фразу Крусанова хочется лизнуть, надкусить, перевернуть (инверсировать), понюхать, рассмотреть сквозь цветные стеклышки. Скажем о писателе его же собственными словами: «Он просто имел чувство стиля. Он имел вкус, а жизнь, как известно, есть не что иное, как вечный спор о вкусе и о том, что же на самом деле лакомо» (С. 246). Вот такую книгу предлагаю я твоему благосклонному вниманию, проницательный читатель.

25 июня 2001 г.

Поэт о поэтах, «о времени и о себе»

Любезный читатель, осмелюсь предложить твоему вниманию замечательную высокодуховную книгу: **Иосиф Бродский. Большая книга интервью. Второе, исправленное и дополненное издание. М. Издатель Захаров. 2000. 704 с. Тираж 15 000 экземпляров.** Не в первый раз веду я речь о фолиантах, изданных И. В. Захаровым, однако этот том совершенно уникален. Составитель (Валентина Полухина, профессор русской литературы британского Килского университета) и издатель в кратком предисловии свидетельствуют: «Выбрать из 153 интервью самые интересные, самые содержательные, избежав повторений, оказалось весьма непросто... Многие интервью печатаются в этой книге впервые, причем не только по-русски, но и вообще впервые в мире» (С. 5). В книгу включены шестьдесят наиболее значимых интервью поэта 1963–1995 гг., данные *разным* «совопросникам» из *разных* средств массовой информации в *разных* странах и на *разных* языках.

Сразу зафиксирую: издание завершается весьма глубокой, тонкой и содержательной статьей В. Полухиной «Портрет поэта в его интервью» и «Библиографией интервью Иосифа Бродского». Составитель специально оговаривает, что в книгу не включена ни одна «беседа» Бродского с известным музыковедом Соломоном Волковым по той простой причине, что эти тексты тщательно редактировались, микшировались, переиначивались и т. д. (Соломон Волков. Разговоры с Иосифом Бродским. N.-У, 1997; Соломон Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998). Книги чудесные,

но в них затушевана живая неповторимая вербальная повадка поэта. В интервью, вошедших в рецензируемое издание иногда в «обратных» переводах, прекрасно ощутима живая, нервная, иногда сбивчивая речь Мастера-мыслителя.

Поэзию Бродского многие *преданно* любят, многие *преданно* ненавидят. Дело житейское: каждый человек имеет право на частное мнение по частной проблеме. Замечу, что когда я был молод, все подражали Есенину (самые «продвинутые» — Блоку), сегодня бесчисленные эпигоны Бродского заполнили поэтические разделы буквально всех «бумажных» и «сетевых» изданий. Это неоспоримое явление насчитывает уже с десяток годочков. Сам я, грешный, Бродского «обожаю» (прелестное словечко из лексикона барышень-«институток» Благородных девиц), осознанно и продуманно числю его величайшим метафизическим поэтом прошлого века. Почему метафизическим? Читайте — и «обрядете». Я думаю так, ты, читатель, возможно, считаешь иначе (ради Бога). На мой вкус и взгляд, Бродский, медальным профилем «наплывший» (словечко Мандельштама) на мировую литературу, реформировал русскую поэзию. Как? А так: уподобим русскую классическую поэзию великолепной «лакированной карете» (первоначальное название романа Андрея Белого «Петербург») с дивными лошадами, мягкими рессорами, венецианскими стеклами, шелковыми обоями, меховыми «полостями». Красиво до обморока, величаво, шедевр словесного искусства. Поэзия Бродского — некий «Ягуар» или «Мерседес» с *иным* дизайном, выверенным в аэродинамической трубе ураганного двадцатого века, с *иными* мощностями и скоростями. И «Ягуар», и «Мерседес» с их «обводами», моторами, «подвесками», кожаными сидениями — неоспоримые шедевры. Как говаривали в старой России: кто любит попадью, а кто — попову дочку...

Иосиф Александрович старше меня на восемь лет: поэт пользовался высоким покровительством Анны

Андреевны Ахматовой, а я — одиннадцатиклассник — присутствовал лишь на ее отпевании в Никольском соборе. В юные годы я видал его мельком много раз. Могу сказать с горькой печалью, что с годами я стал другом его друзей («иных уж нет»). Жизнь странна и печальна. 30 января 1971 года мы хоронили великого «гуманитария» академика В. М. Жирмунского — теоретика литературы, стиховеда, лингвиста, непосредственного участника литературного процесса «Серебряного века, «пестователя» нескольких поколений питерских филологов. Я был тогда весьма близок семье своего учителя. Ваш покорный слуга нес гроб «в ногах», слева был Бродский, справа — выдающийся теоретик и практик русского стихотворного перевода профессор Е. Г. Эткинд. В накатанном процессе похорон покуривали пару раз с «культовым» уже тогда «рыжим». Разговор состоялся пустяковый, но я его запомнил. Иосиф Александрович пророчески заметил, что после кончины В. М. Жирмунского не выйдут в свет ни том Джона Донна в серии «Литературные памятники» (основным переводчиком должен был быть Бродский: сбилось буква в букву — книга так и не была издана), ни наша с А. В. Лавровым статья с приложениями «Стиховедческое наследие Андрея Белого» в журнале «Вопросы языкознания» (академик был его главным редактором и всячески споспешествовал опубликованию данного «опуса»). Статью (имя Андрея Белого, а тем паче его неопубликованные тексты, были тогда практически запретными) опубликовал лет десять спустя легендарный Ю. М. Лотман в одной из легендарных тартуских «Семиотик» («Труды по знаковым системам»). В начале девяностых годов Иосиф Александрович хотел дописать пару страничек к моей рецензии на первое издание книги К. М. Азадовского «Небесная арка» (переписка М. И. Цветаевой с Р. М. Рильке). Не сложилось по причине, о которой я умолчу. Вот и все. Не густо, но занято.

Читатель, вероятно, я утомил тебя столь затянувшейся преамбулой. Прости великодушно. О чем

свидетельствует Бродский в своих интервью? Обо всем. О трагедийности жизни и смерти, о вере и неверии, о неизбывной «тоске по мировой культуре», о поэзии и поэтах (прежде всего об А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштаме, А. Пушкине, Е. Баратынском, П. Вяземском, У. Одене, Д. Уолкотте), о войне и мире, о судьбах государств и цивилизаций, о мировом литературном процессе, о писателе и тирании, о тебе и обо мне. Поражает вселенская философская умудренность и просветленность поэта, его великодушие, милосердие, некий дзенский юмор, невероятная культурность и духовная опрятность. Мысль поэта (простите за пошлость сравнения) не стрелой, ракетой пронизывает сверхбытийные слои эфирного «вещества», именуемого ныне «ноосферой». Приведу лучшее из известных мне определений того служения, которому Бродский посвятил жизнь: «Поэзия не развлечение и даже не форма искусства, но скорее наша видовая цель. Если то, что отличает нас от остального животного царства — речь, то поэзия — высшая форма речи, наше, так сказать, генетическое отличие от зверей. Отказываясь от нее, мы обрекаем себя на низшие формы общения, будь то политика, торговля и тому подобное... Это колоссальный ускоритель сознания, и для пишущего, и для читающего. Вы обнаруживаете связи и зависимости, о существовании которых и не подозревали: данные в языке, в речи. Это уникальный инструмент познания» (С. 663; июль 1995 г.; интервью «Московским новостям»; подлинные слова, не перевод).

Магистральная тема практически всех интервью Бродского — Россия, ее тяжкое прошлое, непредсказуемое грядущее, фатальные болезни и сверхъестественная способность к исцелению-воскрешению, ее литература: одномоментно — кривое зеркало и путеводительный прожектор. Многочисленные недоброжелатели поэта упрекают его в пресловутой «русофобии». Не удержусь, напомним «зоилам» фразу Бродского из интервью польскому журналу «Przekroj»: «Бояться,

опасаться за Россию не нужно. Не нужно бояться ни за страну, ни за ее культуру. При таком языке, при таком наследии, при таком количестве людей неизбежно, что она породит и великую культуру, и великую поэзию, и, я думаю, сносную политическую систему, в конце концов» (С. 629; июль 1993 г.). Поверим гордым словам провидца.

Изредка Бродский в своих высказываниях несколько монотонен, впрочем, повторы высвечивают новые грани смысла. Эта книга — лучшая из тех, что я прочел за последнее десятилетие.

28 августа 2001 г.

«Тонкая» книга Татьяны Толстой, или «Кысь», «Брысь», «рысь», «Русь»

5 сентября в Москве, в Большом театре, по результатам конкурса «Лучшая книга года» писательница была удостоена бронзовой статуэтки (книжный «Оскар») за свой первый роман — в номинации «Лучшее прозаическое произведение».

Итак: Татьяна Толстая. Кысь. Роман. М., Издательский Дом «Подкова»; Издательство «Иностранка». Переиздание. М., 2001. Тираж 30 000 экземпляров. 382 с. Справедливое решение справедливого жюри. Почему — читайте дальше.

Читателю, вероятно, хорошо знакомо имя писательницы, автора нескольких сборников совершенно прелестных рассказов, ярких газетно-журнальных статей и интервью, «графинечки», как Наташа Ростова, внучки: 1) «советского графа», выдающегося прозаика А. Н. Толстого (1882–1945), увы, «продавшегося большевикам за жирную чечевичную похлебку»; 2) прекрасной поэтессы Н. В. Крандиевской-Толстой (1888–1963); 3) выдающегося поэта и переводчика М. Н. Лозинского (1886–1955) (бабка и оба деда — полубоги Олимпа русского «Серебряного века»), дочери легендарного питерского профессора-физика, первого Президента Всемирного клуба петербуржцев Н. А. Толстого (1917–1994), выпускницы классического отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета. Славная родословная, если учесть, что и прабабушки и прадедушки писательницы были причастны к русской литературе.

Публицист Лев Лурье в статье «Как Невский проспект победил площадь Пролетарской диктатуры» («Звезда», 1998, № 8), опираясь на социологическую «теорию сверстнических групп» немецкого мыслителя Карла Мангейма, выявил в русском культурном ареале компактную питерскую группу «семидесятников», литераторов и художников, родившихся между 1944–1953 годами. Т. Н. Толстая, без обиняков, звезда первой величины в этом созвездии, которое отнюдь еще не погасло.

Писательница дебютировала сравнительно поздно, в далеком 1983 году, рассказом «На золотом крыльце сидели...», привлечшим внимание неисклюшенных критиков и искушенных читателей. Годы создания романа «Кысь»: **1986–2000**. 15 долгих лет работы. Книга была начата в *одной* эпохе, а завершена совсем в *иной*... Т. Толстая, ныне преподающая историю русской литературы в Принстонском университете, поделила свою жизнь и творческую судьбу между Россией и Америкой.

К бою! Роман, изданный в короткое время двумя тиражами, стал литературной сенсацией. Пожалуй, лишь великодушные Борис Акунин и философ Борис Парамонов открыто признали выдающиеся достоинства этого «карнавального» романа. Обозреватель радио «Свобода», измысливший элегантную фонемно-лексическую цепочку: «**кысь**»-«**брысь**»-«**рысь**», ну, и натурально, — «**Русь**», провозгласил Татьяну Толстую «классиком русской литературы». Остальная критическая «братия» нервно «окрысилась, все пошло-поехало по накатанной колее: «постмодернизм», «фельетон», «провал», «тлетворное влияние» Набокова-Замятина-Оруэлл и прочие непристойные поношения. Как тут не вспомнить дивную историю: в Кремль в годы Великой войны тучами шли доносы на гениального полководца, красавца-поляка К. К. Рокоссовского (1896–1968), мол, «морально-бытовое разложение», дамы бросаются на шею, пьянки-гулянки, «богема» и т. д. Собрал пухлые папки

с «сигналами», робкие приспешники «отца народов» пришли к Сталину с извечным русским вопросом: что делать? «Завидовать будем!» — лукаво ответил «темноликий вождь».

Несколько слов о заглавии романа: «Кысь» — это сакральное животное, которое, питаясь человеческой кровью, зомбирует своих... Э, нет, больше не скажу, разбирайся сам, читатель. Книга состоит из глав, поименованных названиями букв церковно-славянской азбуки: Аз, Буки, Веди, Глаголь... вплоть до финальной Ижицы. Вспомним учение одной гностической секты: Бог, Космос, Человек — все может быть зафиксировано, все укладывается в парадигму древнегреческого алфавита от Альфы до Омеги. Вот так, и никак иначе. Весь микро- и макрокосм русской истории, культуры, литературы (прежде всего), того специфического явления, которое именуется неприятным по смысловым обертонам словом «духовность», национальные психологические и психические типы, страты, политические образования, тайная полиция, патриотическая и либеральная интеллигенция — все это составляет «кровь и плоть», кости и мышечную ткань романа «Кысь». Книга является «энциклопедией русской жизни» (отзыв Белинского на «Евгения Онегина»), неким «универсумом», «тезаурусом». Слова «неистового Виссариона» о пушкинском романе в стихах глумливо перекочевывают из рецензии в рецензию на роман Татьяны Толстой. Критики так шутить изволят... Коллеги, напишите честно, дескать, книга замечательная, она меня так «зацепила», что я ее доблестно-яростно поношу и «заушаю». Нет, нейдет. Все бы им, зоилам, «драконить», да ум свой неумный демонстрировать.

Рецензенты, как школьные училки, дробно и подробно пересказывают сюжет, а я не стану. Скажу лишь, что фабула книги затейлива и извилиста, держит читателя в постоянном мысленном напряжении. «Кысь» — «остросюжетное» (есть такое ходовое словечко) произведение, уморительно смешное и смертно мрачное,

высокое и низкое, жестокое и милосердное, как историческое «бытование» России-Матушки из века в век.

Роман, безусловно, представляет собой «антиутопию». В этом жанре написаны, к примеру, такие отменные книги, рецензировавшиеся мной на страницах «Лондонского курьера» и «Русского переплета», как «Мастер дымных колец» В. Хлумова, «Оправдание» Д. Быкова, «Потерянный дом, или Разговоры с милордом» А. Житинского. Меня, ей-богу, тревожит, что «антиутопии» идут косяком. Русская литература имеет прикровенную и опасную тенденцию: не просто «отражать действительность», но изменять-модифицировать ее, подверстывать под себя. Так, поэт В. Я. Брюсов в начале века написал ряд «антиутопических» произведений, в частности, новеллу «Последние мученики» (предсказал Октябрьский переворот со всеми вытекающими последствиями) и рассказ «Добрый Альд» (предвидел появление советских и нацистских лагерей смерти). Накликал, все и сбылось буква в букву. Как бы не произошел новый «Взрыв» (это я о «Кыси», о сюжетообразующем событии в романе). Впрочем, мы уже пережили наш «Взрыв» — распад Советского Союза, сейчас на своей шкуре испытываем «Последствия», разделившись на «Прежних» и «Перерожденцев» (читайте книгу!).

Роман — тотально литературоцентричен, ибо все в жизни — разносортная беллетристика, а сама жизнь — многотомный роман, который пишет Господь Бог. Работая над книгой, писательница, если не в уме, то в подсознании держала, помимо бесчисленных прочих, произведения дедушки А. Н. Толстого (ранние), Андрея Белого, А. М. Ремизова, Ф. Сологуба и, конечно, «Историю одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рецензенты не обратили на это внимание, а зря. Действие романа происходит в поселении Федор-Кузьмичск (некогда — Москва); «набольшего мурузу», творца всего сущего, в частности, всей прежней литературы русской, натурально, звать-величать Федор Кузьмич.

Так вот, гениальный поэт и прозаик Федор Сологуб в миру был *Федором Кузьмичем* Тетерниковым (на самом деле — Тютюнниковым). От сологубовской «Недотыкомки» из романа «Мелкий бес» до твари-«кыси» рукой подать. Щедринские «глуповцы», обыватели «города Глупова», весьма напоминают насельников книги Т. Толстой, а «глуповский летописец», в особенности, — главного героя романа Бенедикта, чьи описанные им самим приключения являются сюжетообразующими. «Кысь» можно трактовать как словесно-понятийный клад, состоящий из множества ларцов, причем в каждом есть потайные отделения.

Язык романа изумляет и потрясает: водопад, водоворот, буря, смерч неологизмов, «народной этимологии», **тонкой**, нет, тончайшей, игры ума и вкуса. Это нечто небывалое и трудно понятийно выразимое. «Кысь» — вербальное сокровище. Умолкнем в смущении, склонив голову перед языковым мастерством Татьяны Толстой. Скажем лишь, что питерско-московско-американская писательница приумножила славу своей гордой семьи-фамилии, своего Города, своего Университета. Горжусь тем, что в одно время учился с ней на одном факультете. Все в России наладится, все пойдет «путем», ибо «старая» и «новая», создаваемая у нас на глазах русская словесность — всеобщая российская надежда и путеводная звезда. Да будет так!

12 сентября 2001 г.

**«Томов премногих тяжелей»,
или «Отгадки»
питерского политолога**

Трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне изменили мир. Читатель, ты смотришь телевизор, слушаешь радио, читаешь газеты, посему пояснять ничего не надо. Все задумываются о месте России в новом мире, о том, как она поведет себя в «минуты роковые», как будет действовать руководство страны. Роль России и ее Президента В. В. Путина стремительно (в мгновение ока) возросли неимоверно. Россия, ее Президент выстоят и выдюжат. О В. В. Путине и пойдет речь в этой заметке.

Осмелюсь обратить внимание публики на одну чрезвычайно дельную книжицу: **Беседы с политологом А. Н. Мусаковым: Приоткрытие тайн. Выпуск первый. СПб., 2001. Издательство «Интерлайн». 78 С. Тираж 1000 экземпляров.** Брошюра состоит из статей, реплик, комментариев и текстов публичных выступлений автора. Читатель, если ты думаешь о России, болеешь ее болезнями, тем паче — пишешь о ней, изучаешь ее, взгляни благосклонно на весь корпус текстов «понимателя», ибо в книжечку вошла лишь их малая часть: <http://www.musakov.ru>.

Политтехнолог и политолог Алексей Мусаков (1960 г. рожд.) — самый известный, популярный и авторитетный в «северной столице» профессионал, постоянно выступающий в печати, по телевидению и радио как на общероссийском, так и на региональном уровнях. Он имеет три высших образования (врач, юрист, экономист; гм, не просто врач, а патологоанатом, причастный к сокровенным пограничным тайнам жизни

и смерти), участвует в работе нескольких научно-практических «центров», в 1990–1993 гг. — депутат Петросовета, закулисный кукловод-теург всех питерских и федеральных избирательных кампаний. А. Н. Мусаков «разработал оригинальный метод анализа электоральных групп на основе использования популяционного биосоциального резонанса» (С. 7) (т. е. степени соответствия характеристик претендента на лидерство требованиям, чаяниям и подсознательным ожиданиям электоральных групп). Ну, любит иногда политолог щегольнуть ученым словечком, а кто без греха? Автор четко определяет задачу своей корпорации: «Политологи — это некие хакеры в политике информационной: вскрывают информационные поля и дают возможность людям самим оценивать происходящее» (С. 62).

Так вот, все — и поклонники, и противники инновационного метода А. Н. Мусакова признают поразительную точность его политических прогнозов, к примеру, из года в год он «предсказывает» результаты избирательных кампаний с точностью до нескольких процентов, попадая в точку и при определении поствыборного ранжира кандидатов (первая, вторая, третья позиции). У многих на слуху аббревиатура ПГП (петербургская группа политологов). Кто возглавляет «группу» — догадайся, читатель, с трех раз. Из четко смоделированных и сбывшихся буква в букву «провидений» А. Н. Мусакова назову лишь два: 1) в августе 1998 г. он обосновал приход к власти в России представителей службы Внешней разведки (СВР), т. е. Примакова и Путина — генерала армии и полковника этого ведомства; в августе 1999 г. (за девять месяцев до события) — назначение М. М. Касьянова на пост премьер-министра. Такие примеры можно умножить, но я не об этом.

Вернемся к первому прогнозу о приходе в высший эшелон власти сотрудников Службы внешней разведки (бывшего Первого Главного управления КГБ СССР). В. В. Путина постоянно попрекают его «чекистско-гебистским» прошлым все, кому не лень. Никто не

упоминает о том, что СВР — «не карательные органы, это политическая разведка, это элита спецслужб... это вам не НКВД» (С. 25, 16). Каюсь, грешный, никогда я не любил КГБ, в особенности, пресловутое Пятое управление (надзор за интеллигенцией). Сейчас невозможно поверить, однако, натурально серьезные дяденьки в погонах с большими звездами сажали в лагерь других дяденек с большими звездами на погонах за распространение невиннейшего романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (пять лет отсидел фронтовик, командир разведки дивизии, полковник запаса, переводчик и лексикограф К. Косцинский-Успенский), контролировали, пуская «наружку», такие эпохальные события, к примеру: кому покойный ныне поэт Виктор Кривулин давал читать свои стихи, кому я, веселый ухарь и печальный визионер, «сбрасывал на карман» «Зияющие высоты» Александра Зиновьева. Грех и позор! Из песни слово не выкинешь. Было., надеюсь, прошло. Вот из-за таких «держателей-непущателей» и рухнул монстр КГБ, наводивший содрогательный страх на весь мир.

Внешняя разведка есть в любой стране мира, она не имеет внутренних репрессивных функций. Из политической разведки и контрразведки не уходят. А. Мусаков приводит знаковые слова Путина («униженного и оскорбленного» после провала Собчака на петербургских губернаторских выборах, безработного в течение восьми долгих месяцев), сказанные в аэропорту «Пулково» перед отлетом в Москву, где его ожидала серьезная, но малозначительная в иерархии должность в аппарате управделами Президента П. П. Бородина (курурование госсобственности за границей): **«Я уезжаю в Москву к новому месту назначения. Полковник действующего резерва Службы внешней разведки Путин Владимир Владимирович»** (С. 27). Крепко все обозначено.

Кстати, о полковниках и их детях. Исключительно информированный политолог фиксирует: «Чубайс

в моем представлении — «системщик» и государственник... это, наверное, в генах у сыновей офицеров. Кудрин — сын полковника, насколько я знаю, Чубайс — сын полковника, Березовский — сын полковника, Явлинский — сын полковника, Путин — тоже сын офицера. У нас ведь военная страна, поэтому даже либералы у нас военные; надо с этим считаться» (С. 16). Читатель, ты знал об этом? А это очень важно. Пояню. Всю жизнь я бунтовал против отца, полковника, военного врача рентгенолога-радиолога, участника трех войн за Россию (был ранен и контужен), отвергал его мир и утверждал свой... Аз, пес смердящий, единственный мужчина в роду по двум коленам, который никогда не воевал, а всю жизнь просидел с книжкой в мягком кресле, забавляясь пером, с годами, после смерти бабки, стал чутать в себе, в миропонимании, в мироощущении, наконец, в жилах горячую кровь офицеров и в скелете военную «косточку». Не совсем прав был Александр Блок, сказавший: «Юность — это возмездие», нет, зрелость на пороге старости — это возмездие.

Мусаков подводит читателя к выводу: Путин был выбран из многих и призван к своему служению. И не только Ельциным, вернее, не одним Ельциным. Сколько чернил извели «журналиги», живописуя «войну» между Примаковым и Путиным. Еще раз процитируем будущего Президента России (середина 1999 г.): **«Я, Путин, предлагал Евгению Максимовичу Примакову стать президентом. Мы оба из разведки, у нас предлагают один раз»** (С. 31). Примаков отказался. Логично «экспертное заключение» политолога: «Именно Примаков... в значительной степени «прогарантировал» приход в власти Путина... На самом деле процессы, конечно же, *обеспечиваются*» (С. 31, 32). Занятно и поучительно. После неудачи бериевской протоперестройки (Лаврентий Павлович, в частности, хотел ограничить всевластие КПСС, объединить Германию и т. д.) спецслужбы были глумливо подавлены Хрущевым. Андропов после

смерти Брежнева вновь попытался реформировать страну, но вскоре умер. Горбачев и Ельцин, казалось, окончательно уничтожили рыцарский орден «меченосцев». И вдруг — реванш, ошеломительный реванш. Однако к власти пришел не «костолом», а холодный и расчетливый аналитик, отковывавший ум на «немецком направлении». И вот уже непотопляемый авианосец — Российская Федерация — начинает по воле капитана медленный дрейф от англосаксонской модели общества, государства и права (бездумно насаждавшейся в последнее десятилетие) в сторону романо-германской...

И нечего морщиться, коллеги. Кто проводил в жизнь великие либеральные реформы Александра II в начале 1860-х годов? Правильно: III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Из школьного курса литературы мы помним, что у III Отделения не было других дел, кроме как пакостить Пушкину-Лермонтову. Были другие деяния и большие! А кто еще помимо элитарных спецслужб может осуществлять реформирование огромной, неповоротливой, вязкой державы? Парламент? Политиканы? Пресса? Полноте, господа. Монарх? Да!

Мусаков без обиняков говорит о Президенте Путине: «Сегодня *он* в России, в моей, в вашей России — в нашей России — *монарх* между этими либералами, этими центристами, этими патриотами, нашими женщинами, нашими людьми. Он монарх. Традиционная ментальность (хоть это слово и сорное) — монархическая» (С. 17). Ей-Богу, так! Демократически избранный Президент на Руси мгновенно превращается в самодержца: каждый день мы слышим по радио и видим по «ящику» похабно сервильное умиление-служение приспешников самодержца. Ну, нет у Президента иных сподручных. Сказанное не относится к Сергею Иванову, выпускнику немецкого отделения филологического факультета Ленинградского университета, генерал-лейтенанту СВР, Министру обороны. Серьезный господин!

Неотвратимо накатывает зловещая эра тотальной войны с международным терроризмом. Исследователь прав: «Время эгоцентриков, эгоистов и «ажиятированных» нахалов в политике закончилось» (С. 58). Желаю Президенту достойно нести грозную эгиду власти.

24 сентября 2001 г.

Князь детектива, или Прелестная книга

Наша газета уже писала о том, что писатель Леонид Юзефович 26 мая сего года за роман «Князь ветра» получил престижнейшую литературную премию «Национальный бестселлер» (Василий Пригодич. Сага о сыщике Путилин, или Анти-Акунин // Лондонский курьер, 2001, № 148, 7 Juli. P. 18). Денежное выражение премии составляет семь тысяч долларов. Книга будет издана премиальным тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. В той заметке шла речь о предыдущих романах писателя «Костюм арлекина» и «Дом свиданий». Роман «Князь ветра» тогда еще в Питере не продавался, я обещал о нем написать: выполняю обещанное.

Итак: **Леонид Юзефович. Князь ветра. Приключения сыщика Ивана Дмитриевича Путилина. М. Издательство «Вагриус». 2001. 302 С. Тираж 25 000.** Это уже третья книга о реальном историческом персонаже И. Д. Путилине (1830-1893). Он начал службу младшим помощником квартального надзирателя, прошел все ступени иерархической лестницы, стал начальником петербургской сыскальной полиции, тайным советником (гражданский чин 3-го класса по Табели о рангах, равный военным чинам генерал-лейтенанта и вице-адмирала). Что я могу сказать о романе: прелестная книга, которая читается удивительно легко, доставляя читателю несравненное интеллектуальное удовольствие.

У этой чудной книги удивительно прихотливый сюжет: она, как русская «матрешка», содержит несколько повествовательных линий, переплетение которых создает удивительный фабульный эффект. Жанр «Князя ветра» можно определить как классический

детектив, сочетающий в себе существеннейшие элементы авантюрного романа и высокой психологической прозы. Сравнительно небольшая книжка (9,5 печатных листов) представляется огромным фолиантом. Такой прием первым в русской прозе применил М. Ю. Лермонтов (роман «Герой нашего времени»). Намеренно привожу пример из такого высокого литературного регистра, ибо Л. Юзефович того заслуживает.

Что за повествовательные линии? Устный «мемуар» сыщика Путилина, записанный с его слов «петербургским литератором» Сафроновым, поденщиком-ремесленником, перерабатывавшим воспоминания начальника сыскальной полиции для коммерческого издания. Другая линия: бульварные книжонки писателя Н. Е. Каменского о приключениях сыщика **Путилова** (автор романов внутри романа изменил фамилию своего героя). Ох, и плут же автор «Князя ветра». Был, существовал в литературе пятистепенный писатель **Николай Евгеньевич Каменский** (даты жизни неизвестны, архив хранится в Пушкинском Доме (Институте русской литературы) Российской академии наук). Поразительно: о реальном сыщике в романе повествует реальный сочинитель. Сразу укажем, что персонажем романа является И. С. Тургенев, в романе которого «Отцы и дети» (в предсмертном сне Базарова) есть ламаистская нота... Нет, молчок, читайте сами.

Третья линия: «избранные места из воспоминаний русского офицера Солодовникова, который в 1913 году в качестве военного инструктора находился при монгольской повстанческой армии. Полтора годами раньше Внешняя Монголия (Халха) провозгласила свою независимость от Пекина, и Солодовников должен был помочь монголам сформировать боеспособные части для борьбы с китайцами» (С. 11). «Записки» русского военного агента в монгольской столице, в ставке Богдогэгэна Восьмого, «ургинского хутухты», теократического монарха молодой страны, представляют особый интерес. Знаешь ли ты, читатель, о том, что наш романист —

автор фундаментального труда «Самодержец пустыни» (М., 1993) о буддийском воине-белогвардейце бароне Р. Ф. Унгерне фон Штернберге, который в 1918 г. спас недавно обретшую независимость Монголию от нового китайского завоевания. «Воспоминания» Солодовникова (экзотика, бои, нравы монголов и т. д.) содержат натуралистические подробности кровавых ламаистских магических ритуалов.

Читатель, ты спросишь: а при чем тут Монголия? А при том: именно в эту страну через десятилетия тянутся следы загадочных убийств, произошедших в Петербурге где-то на рубеже царствований Александра II и Александра III. Так о чем же книга? Автор фиксирует: «В этом спектакле заняты призраки, издавна обитающие в тех местах, где сходятся разные цивилизации, трагически не способные понять друг друга» (С. 20). Согласимся с тем, что это более чем злободневная проблематика.

Я никогда не пересказываю сюжеты книг, о которых пишу. Скажу лишь, что цепь зловещих событий в романе стала итогом странного теологического спора между писателем Каменским (он с отцом, русским консулом в Монголии, автором книги «Русский дипломат в стране золотых будд», прожил долгие годы в китайской тогда еще Халхе) и профессором-монголоведом П. Ф. Довгайло на тему: тождественны ли православный сатана и ламаистский Чжамсаран, который, «являясь чем-то вроде буддийского агента в христианском лагере.., с помощью ренегатов изнутри разлагает «русскую веру», чтобы воспрепятствовать ее распространению на восток» (С. 254). В романе приводится «кровавая атрибутика» мрачного культа «докшита» Чжамсарана, «надо прямо сказать, противоречащая популярным в нашей интеллигентской среде представлениям о буддизме как религии в высшей степени гуманной» (С. 184). Весьма язвительное замечание знатока-монголоведа.

Исходная точка романа: убийство Найдан-вана, монгольского князя «второй степени», участника китайского

посольства к «Белому царю», принявшего тайно православие и вследствие этого заключившего сделку с дьяволом якобы для освобождения Халхи-Монголии от циньского владычества. Хубилган-перерожденец, в чье тело переселилась душа убитого в Петербурге национального героя, в 1913 году... Нет, опять умолкаю.

О названии романа. В пространный эпиграф к книге из тибетского медицинского трактата «ВАЙДУ-ОНБО», в частности, указано: «Человек, особо искусный в создании призраков, обладает ... природой ветра как повелитель и князь ветра, имеющий признаки льва» (С. 5). Рассуждениям о поразительных ламаистских «тулбо», воплотившихся в плоть и кровь мыслительных проекциях-призраках, в романе уделено существенное место. Есть в книге и более приземленное истолкование заглавия: ее герой просто «один из «князей ветра», как в Монголии называют безземельных дворян-тайджи» (С. 216).

Убийство «князя ветра» влечет за собой новые убийства. Сыщик Путилин начинает расследование: рутинная беготня по чужим квартирам, долгие допросы свидетелей, пустые, казалось бы, разговоры. Возникает, к примеру, версия о том, что убитые — жертвы кровавой борьбы конспирологических обществ — «Священной дружины» и «Палладистов Бафомета» (одно из имен дьявола). Потихоньку все начинает разъясняться, нет, не так: все нити-линии сходятся на последних страницах книги. Умно, тонко, захватывающе увлекательно. Интрига повествования, как змея, кусает себя за хвост, превращается в колесо, внезапно ускользающее от читателя.

Роман густо населен персонажами. Вот, к примеру, краткая исчерпывающая характеристика господина Рогова: «молодой человек в университетской тулупе, длиннорукий, с угреватым честным лицом и взглядом исподлобья... тип столичного студента: идеалист, бессребренник, за миллион муху не убьет, но из идейных соображений может перерезать глотку

родной матери» (С. 31–32). Какой ядовитый сарказм, но как верно по сути!

Одна фраза о главном герое Иване Дмитриевиче Путилине. Его уморительно-умилительные отношения с супругой и сыном Ванечкой, смешные и одновременно горестные, вспомним чеховские слова о «трагизме мелочной жизни», заставляют читателя улыбнуться и погрузиться, подумать о себе, грешном, о своей семье. В этой развлекательно-увлекательной, на поверхностный взгляд, книге много весьма изощренного писательского психологизма. Читайте и обрящете!

В заключение отмечу, что автор мастерски стилизует вербальную манеру позапрошлого века, его словесному чутью и вкусу можно только завидовать. Что бы ни писали критики-зоилы, литературные премии бездумно (либо по благу) не присуждают.

10 октября 2001 г.

«Протоперестройка» царевны Софьи, или Снова Они о Нас

Предлагаю вниманию читателей исключительно добротную, обстоятельную и умную книгу, принадлежащую перу знаменитой исследовательницы старой России, профессору истории Лондонского университета: **Линдси Хьюз. Царевна Софья. 1657-1704. Перевод с английского и научное редактирование: канд. ист. наук С. В. Лобачев. Санкт-Петербург. Издательство «Гранд». 2001. 417 С. Тираж 4000 экз.** Книга скромно названа «научно-популярным изданием»...

Читатель, ты уже нос сморщил, мол, знаю такие претенциозные нахальные книжонки, авторы которых без зазрения совести нагло присваивают плоды чужих разысканий. Нет, здесь совсем иной случай: толковейшая «ученая» монография (научный аппарат занимает 70 страниц петита) написана легко и занимательно, умно и тонко. Автору свойственна скрупулезная и филигранная работа с источниками, например, исследовательница впервые вводит в научный оборот дневник шотландца Патрика Гордона, состоявшего в ту пору на царской службе.

Линдси Хьюз избегает принудительного навязывания каких-то выводов, оценочных суждений, категорических обобщений и т. д. О, как грешат этим самые добросовестные и талантливые историки. Приведу лишь один пример: из учебника в учебник, из исторического романа в исторический роман, из фильма в фильм перекочевывает ничем не подкрепленная версия о любовных отношениях царевны Софьи, российской «самодержицы» в 1682-1698 гг., с ее «первым министром», полководцем и дипломатом, князем Василием

Васильевичем Голицыным (1643–1714). Исследовательница, приведя тексты двух писем Софьи к фавориту, командовавшему в 1689 г. вторым крымским походом, а больше никаких царевниных документов до нас не дошло (С. 284–286), замечает: «Поскольку в нашем распоряжении нет аналогичных писем, написанных в то время незамужними женщинами мужчинам, с которыми можно было бы сравнить шифрованные послания Софьи, читатель волен сам решать, можно ли считать их доказательством любовной связи между царевной и князем Голицыным» (С. 286). Я склоняюсь к тому.., нет, молчок, не скажу. Самому разгадывать такие ребусы несравненно интереснее, чем кроссворды: читатель может домысливать судьбу не литературных героев, а реальных исторических персонажей.

Кратко напомню династическую историю. Софья — шестая дочь царя Алексея Михайловича (1629–1676) от брака с царицей Марией Милославской (1625–1669), внучка основателя династии царя Михаила (1596–1645). Овдовев, царь Алексей венчался вторым браком с Натальей Нарышкиной (1651–1694), которая родила ему трех детей: сына Петра (1672–1725) и дочерей Наталью (1673–1716) и Федору (1674–1678). После смерти Алексея Михайловича трон унаследовал Федор Алексеевич, правивший всего шесть лет (1661–1682). После безвременной кончины царя Федора 25 июня 1682 г. коронованы были два его брата от первого и второго браков отца: царь Иван Алексеевич (Иоанн V) и царь Петр, позднее прозванный Великим, то есть полный и сводный братья и царевны Софьи. Царь Иван был слаб здоровьем и «умом», а будущий Петр Великий взшел на трон десятилетним мальчиком. Софья стала фактической правительницей Руси, регентшей, первой женщиной в отечественной истории, сосредоточившей в своих руках всю полноту власти в 1682–1689 г. Династические законы московской Руси ни в коем случае не позволяли царицам и царевнам управлять государством, трон передавался сугубо по мужскому

колену. Царевен никогда не выдавали замуж за иностранных принцев и королей, они вели затворническую жизнь в теремах («принудительный целибат»). Софья — первая теремная узница, вырвавшаяся на свободу и после своего падения вернувшаяся в затвор. 7 сентября 1689 г. ее имя было исключено из царского титула, сразу же последовали арест и заключение в Новодевичьем монастыре до смерти; 29 октября того же года она была насильственно пострижена в монахини под именем Сусанны. Суров был брат Петр, низвергнувший сводную сестру.

В аннотации к книге указано: «Линдси Хьюз рассматривает политическую историю, отношения государства и церкви, международную политику, социальные движения, культуру и быт средневекового общества, государственные преобразования накануне нового времени... Эпоха Софьи Алексеевны ознаменовала собой начало нового периода русской истории, кульминацией которого стало блестящее царствование Петра» (С. 4). Все так! Титаническая фигура Петра I, отца первой русской «перестройки», заслонила в благодарной и неблагодарной памяти потомков судьбу и деяния его предшественников, в первую очередь, царевны Софьи. Читатель, напомню, что петровская «перестройка», изменившая и преобразовавшая Россию, привела к тому, что в результате и вследствие ее каждый пятый россиянин в землю лег: за долгие годы петровского правления население царства-империи сократилось с 25-ти до 20-ти миллионов человек. Не плохо бы помнить об этом нынешним и будущим российским реформаторам.

Годы правления Софьи ознаменовались важнейшими событиями в истории России: участием в «концерте» европейских держав, дипломатическими успехами, войнами и мятежами (знаменитая «хованщина»), блестящими культурными начинаниями. Софья, как и ее отец, разрывалась между старомосковским «изоляционизмом» и стремлением к сближению с Западом.

Исследовательница с болью и горечью пишет о той эпохе: «Крупные европейские державы все еще считали Россию огромной варварской страной., которую можно было использовать в коммерческих целях, или как путь на Восток, или иногда в качестве противовеса своим врагам, но ее никогда не рассматривали как цивилизованную нацию» (С. 228). Триста с лишним лет минуло, а русский «воз и ныне там».

Именно в годы правления Софьи на Русь хлынул поток европейцев, она позволила, например, гугенотам искать убежище в Москве от конфессиональных преследований на родине, разрешила первым иезуитам приехать «на Русь». При ней расцвела знаменитая Немецкая слобода в Москве, где селились иностранные военные, лекари, ремесленники, переводчики, художники и т. д., состоявшие на царской службе, работали две первые ткацкие фабрики.

При Софье развивалось и книгопечатание, было издано 44 книги преимущественно духовного содержания. Однако царевна разрешила приобретать за границей светские книги, предметы искусства, мебель, утварь и т. д., что сыграло просто революционную роль в жизни верхнего просвещенного слоя (появились крупные домашние библиотеки и коллекции живописи).

Эпоха Софьи ознаменовалась и развитием культуры. Она покровительствовала первым русским профессиональным писателям (прежде всего Симеону Полоцкому, своему учителю и наставнику). В 1682 г. монах-поэт Сильвестр Медведев (в миру: Симеон Агафонникович; 1641–1691; казнен Петром I как сподвижник Софьи) основал славяно-латинское училище, учебный план которого включал «науки гражданские и духовные», в частности, «философию разумительную, естественную и правную» (С. 208). Вот — источник высшего образования в России. В период правления царевны зародилась светская живопись (портреты-парсуны), иконописание достигло нового уровня, расцвело архитектурное направление, получившее название русское барокко.

Важнейшим достижением внутренней политики Софьи явилось уничтожение «местничества», т. е. устаревшей системы назначений на высшие военные и административные должности, при которой во главу угла ставились происхождение человека, чины и титулы его предков, а не личные дарования и заслуги. Несомненной заслугой царевны необходимо признать смягчение варварских наказаний за уголовные преступления.

Протореформы, «протоперестройка» царевны Софьи были мирны, ненасильственны, органичны, не вызывали негодования и ярости населения (кроме старообрядцев). Однако все эти благие начинания оказались насильственно прерванными бешеным гением Петра, вздернувшим Россию «на дыбы». Трагедия...

27 октября 2000 г.

Маска сброшена, или Истинное лицо Б. Акунина

Наша газета пристально следит за триумфальным восхождением Бориса Акунина на литературный Олимп. Из последних новостей: Татьяна Толстая заявила, что в соавторстве с создателем образа сыщика Фандорина собирается писать детективный роман, продолжается работа над несколькими экранизациями книг писателя, причем идет речь и о Голливуде. Мы помним о том, что в «миру» сочинителя зовут совсем иначе. Так вот, в прошлом году вторым изданием вышел объемистый том: **Григорий Чхартишвили. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение. 2000. 576 с. Тираж 10000 экземпляров.**

Эта в высшей степени талантливая, информативная, добротная, печальная и светлая (да, да!) книга заполняет зияющую «лакуну» в отечественной словесности: «Нет *ни одной* русской книги, попытавшейся бы объединить и обобщить различные аспекты явления, в котором, вероятно, заключается главное отличие человека от животного — человек знает о том, что смертен, и именно это знание дает ему возможность выбора между *to be* и *not to be*» (С. 10). Между тем каталог мировой «суицидологической» литературы насчитывает свыше 5000 наименований. Справедливости ради укажем, что практически одновременно с первым изданием тома «Писатель и самоубийство» вышло весьма квалифицированное исследование Ирины Паперно «Самоубийство как культурный институт» (М.: 1999), но эта книга рассчитана лишь на постмодернистских понтификов-«посвященных» и на тех, кто себя к ним причисляет.

А книга Г. Ш. Чхартишвили обращена к тебе, читатель. Нет на всем белом свете человека, который не леденил бы душу размышлениями над завораживающей тайной «худшего из грехов». И жутко, и сладко, и больно, и понятно-непонятно. А я бы смог? Э, над каждым насельником сей «юдоли скорби» и «долины плача» «витал самоубийства обворожительный дымок». Вот этой важнейшей и разноаспектной проблеме, включающей исторический, юридический, религиозный, нравственный и философский ракурсы, и посвящена книга Г. Чхартишвили. Писатель приводит статистические данные, от которых виски холодеют: ежедневно на Земле 1200 несчастных кончают с собой; за полтора года, ушедших на написание этого труда, *сто тысяч россиян* добровольно ушли из жизни. О, как страшно!

Исследователь не без лукавства заявляет: я, мол, не пожелал «придавать книге наукообразие при помощи сносок, отсылок, комментариев и прочих атрибутов научного издания. Перед вами не научный трактат, а эссе, то есть сочинение исключительно приватное» (Там же). Автор упростил в пропедевтических целях так называемый «научный аппарат», однако, он тщательнейшим образом «перелопатил» горы литературы на разных языках (см. краткий «Список книг» — С. 572–574).

Читатель, ты, вероятно, хочешь знать о том, почему книга не озаглавлена просто «Самоубийство»? Почему из сонма людей, добровольно ушедших из жизни, выбраны только писатели? Исследователь поясняет: «Литераторы взяты как частный пример *homo sapiens*, достаточно компактный, легко идентифицируемый и к тому же наиболее удобный для изучения. Вообще-то эта книга не о писателе-самоубийце, а о человеке-самоубийце. От обычного человека писатель отличается тем, что в силу своей эксгибиционистской профессии выставляет душу на всеобщее обозрение, мы знаем, *что у него внутри*» (С. 11). Речь идет о том,

что писатели-самоубийцы обосновывали свое непоправимое решение в художественных текстах, оставляли предсмертные записки, да и вообще их биографии просто-напросто хорошо изучены-реконструированы. Исследование завершает «Энциклопедия литературы-цида» (термин французского поэта-символиста Артюра Рембо, умершего «своей» смертью; 1854–1891), представляющая собой собрание в алфавитном порядке кратких, но весьма емких биографий 350-ти литераторов-самоубийц (С. 439–571). «Rossika» насчитывает 41 имя, много, но японцы, англо- и немецкоговорящие литераторы нас опережают в этом мрачном соревновании.

Первая часть книги, включающая шесть разделов, множество главок и приложений, называется «Человек и самоубийство». «История вопроса» прослеживается на основе изучения в соответствующих ракурсах античности, средневековья, нового времени, прошлого столетия, которое в трактате-эссе названо «веком самоубийств». Именно в XX веке самоубийство, считавшееся ранее церковным и уголовным преступлением (например, в Великобритании «неудачная» попытка самоубийства до 1861 г. каралась смертной казнью; до 1961 г. Англия сохраняла «в кодексе антисуицидальную статью» — С. 32; почти во всех странах Европы имущество самоубийц не наследовалось, а «отходило в казну»), стало практически обыденным явлением, зачастую формой последнего протеста против жестокого обезбоженного мира. Уделяет автор *сочувственное* внимание и в высшей степени дискуссионной проблеме «эвтаназии» (греч. *эу*+*танатос* — «хорошая смерть»), то есть добровольной смерти как избавления от неизлечимой и мучительной болезни (С. 40–49). Кстати, парламент Нидерландов еще в 1993 г. впервые допустил эвтаназию.

Компактен, но чрезвычайно содержателен раздел книги, посвященный анализу отношения религии к суициду: христианства, иудаизма, ислама, индуизма и буддизма, тоталитарных сект (С. 50–94). Увы, восточные культуры, пожалуй, более снисходительны к человеку.

В разделе «Философия» скомпонованы суждения «за и против» («Pro и Contra») одномоментного избавления от всех страданий лучших умов человеческих. Немецкий поэт-романтик Новалис (Ф. Фон Харденберг; 1772–1801) и французский писатель-экзистенциалист Альбер Камю (1913–1960; оба — не самоубийцы) сформулировали положение, согласно которому самоубийство — важнейшая философская проблема (деяние), пусть человек, добровольно уходящий из жизни, малограмотен и слыхом не слыхал о «философии». Почему? Что думает об этом автор? Читайте — и обрячете (С. 95–127). Особое внимание хочу обратить на «приложение» «Сомнения Достоевского», где тонко и искусно рассмотрено преломление магистральной для писателя темы самоубийства, мучившей его всю жизнь (С. 128–146).

Специальные разделы отведены в трактате-эссе «теориям» и «географии» самоубийства (С. 147–258). Особое внимание читателя обращаю на ошеломляюще жестко информативные главки: «Самоубийство по-русски», «Самоубийство по-английски» и «Самоубийство по-японски». Нам, живущим в эпоху глобализации, блазнится, что скоро все люди станут одинаковыми, в том числе и в отношении к жизни и смерти, но... все не так. Об этом и идет речь в книге Г. Чхартишвили.

Детям, подросткам и нервным барышням-дамам настоятельно не рекомендую читать раздел «Как это делается» и приложение «Красивая смерть. Введение в теорию и практику харакири» (С. 259–284). В обморок грохнуться можно. Напомню, автор трактата-эссе — лучший российский «японист», прославленный переводчик японской литературы в ее лучших образцах. Повествование о харакири-сэппуку изобилует шокирующими натуралистическими подробностями этого безумно красивого в своей отточенности и безумно страшного в своей жестокости акта-ритуала.

Вторая часть книги, собственно и озаглавленная «Писатель и самоубийство», посвящена тонкому,

«Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар...»

вдумчивому, сочувственному анализу психики «творческого животного, которое работает со словами, идеями и знаками» (С. 287), то есть несчастного литератора (имя им — легион), преждевременно, волюнтаристским жестом-поступком низринувшего себя в смерть. Автор подробно и подробно рассматривает разноаспектные суицидальные причины писательских уходов из жизни (С. 285–424).

Отменная книга, глубокая и мрачная. А почему маска сброшена? А потому, что выдающийся писатель Борис Акунин под собственным именем Григорий Чхартишвили выступает в этом фолианте как выдающийся мыслитель-исследователь-интерпретатор наиглавнейшей в истории человеческого духа темы-проблемы. Вот так! И еще пара слов. Автор любит и жалеет своих героев. Книга написана затейливым, легким и пленительным языком.

11 ноября 2001 г.

Любезный читатель, узнал пушкинские строки? Точно, из «Евгения Онегина»! А что, хорошо учили в советских школах. Напомню, что «боливар» — шляпа с широкими полями, названная в честь кумира европейских либералов Симона Боливара (1783–1830) — лидера освободительной войны в Латинской Америке против испанского колониального владычества. «Бульвар» во второй строчке — не что иное, как Невский проспект, середина которого до конца 1820-х годов была засажена липами, т. е. в обиходе «невская перспектива» именовалась бульваром. Поехали на «бульвар»...

Друг мой высокий! Мы несколько подустали от горных экспедиций на литературный Олимп. Спустимся на сей раз на грешную землю. Поговорим об откровенно «бульварной книге». Итак: **Олег Андреев. Россия: Телевидение. Роман. М. Издательство «Олимп». Издательство АСТ. 2001. 320 С. Тираж 15 000 экземпляров.** На титульном листе есть еще и лихой издательский подзаголовок: «О России и для России». Вот так, знай наших!

Есть такой старьей вселенский анекдот-притча. Два незнакомых дяденьки беседуют. Один говорит другому, мол, давай выпьем. Второй — я не пью. Ну, закурим. — Я не курю. — А с барышнями — как? — Помилуйте, какие барышни. — А как Вы расслабляетесь? — Никак, ибо я никогда не напрягаюсь. Мой дорогой читатель, это не про нас, нам-то, о-го-го, как приходится напрягаться. Дружок, поделюсь с тобой секретом, как я «расслабляюсь». Ну, после двух инфарктов водочки не попьешь, сколько себя помню, всегда женат

(это про барышень), курю, конечно, грешный, как паровоз, но это, скорее, напрягает, да? А я вот летом на отдыхе люблю почитать специфическую «желтую» прессу. Увы, осенью-зимой весной работать не хочется, но надо. Берешь в руки газетку-журнальчик, и полный улет. Никаких всамделишных ужасов, никакого терроризма, никаких войн и катаклизмов, все усладительно забавно: кто из известных людей развелся либо женился, кто ребеночка родил, кому в морду дали, кого из наследных принцев оштрафовали за езду в пьяном виде, кто «бабушку зарезал» и т. д. Истинно райское «благорастворение воздухов». Посматриваю иногда «MTV»: девки-пацаны чего-то щебечут (гендерную принадлежность ведущих и не определишь с налета), попсовые клипы — отдых глубокий и глубинный.

Вот и книга, о которой речь идет, из этого дивного ряда, ей-богу. Почему я выбрал именно ее? Отвечаю. Тираж романа Олега Андреева пыталось задержать в типографии, а потом арестовать могущественное ведомство со странным и претенциозным (дурацким) названием: «Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций». Ну, как не вспомнить «Министерство Правды» из гениального романа английского писателя Джорджа Оруэлла «1984» (книга опубликована в 1949 г.). Почему пошли на скандал, почему хотели тираж изъять? Читай дальше.

Проницательный «пожиратель газет», возможно, это не первая из моих заметок, которую ты читаешь. Хороший писатель Борис Акунин? Отличный, но, читая его тексты, надо думать, никуда не денешься. Хорошая писательница Татьяна Толстая? Отменная, но, перелистывая лениво, к примеру, роман «Кысь», нужно не просто думать, но переживать и сострадать несчастным персонажам. Какой писатель Олег Андреев? Не знаю, никакой, видимо. Услужливая критика уже именует его «русским Артуром Хейли», ибо в его багаже это третий роман (до «Телевидения» были

«Вокзал» и «Отель»). Кстати, перу американца Артура Хейли принадлежат блестящие романы «Отель» (1965), «Аэропорт» (1968) и «Вечерние новости» (1990; в частности, об американском телевидении). Бесподобный детектив Хейли под непритязательным названием «Детектив» (1997) я, грешный, считаю шедевром в своем жанре.

«Русский Артур Хейли» в тысячу раз уступает своему заокеанскому тезке, однако, хорошо продается, люди читают и прочее. И я эту книгу просто проглотил: голова пустая, в крови — приятная доза адреналина, на сердце легко и спокойно. Читал лежа и отдыхал. О чем книга? Как о чем? О телевидении, о московском канале «Драйвер-ТВ», где идут передачи «Персона дня», «Мнение народа». Друг, ты догадался, о каком канале идет речь? Главного героя зовут Леонид Крахмальников, он автор популярнейшего аналитического телеобозрения «Выводы». Правильно, это Евгений Кис... нет, молчок. Есть такое словечко «наколбашено», вот, и в сюжет книги Олега Андреева мелко нашинковано все: трагедия в питерском метро, неприязнь к мэру северной столицы, сервильная любовь к Президенту, бандитские интересы на телевидении, пионерско-колхозная эротика в постельной сцене, супружеские измены, любовь, предательство, убийства, журналистская верность, журналистская низость и т. д. и т. п. Эка невидаль? А в чем же соль?

Тайна правительственного «наезда» на бульварный роман заключается в том, что в «желтой» книге предсказан, психологически обоснован и показан достаточно беспардонный жесткий «захват» канала «Драйвер-ТВ» государственными структурами, президентской командой. Книга была написана задолго до известных событий вокруг «НТВ», свидетелями которых мы стали. Поэтому серьезные дяденьки и пошли на скандал, пытаюсь «застопорить» появление романа в продаже. Всю жизнь поражаюсь некоторым сакральным свойствам отечественной словесности: даже бульварная

русская литература модифицирует, подверстывает под себя «реальную действительность» (намеренно прибегаю к языку школьного литературоведения). Тайна сия велика есть!

Стоит читать книжку? Можно! Пусть из «этнографического» интереса, мол, что «глотают» нормальные люди, такие, как мы с тобой, в автобусах-метро. Ну, «страшилок» всяческих в книжке переизбыток. Правильно, россиянину нельзя расслабляться, не в Бельгии живем. Книжица по-своему умильна и забавна. Автор демонстрирует специфическую «писательскую культурность». Например, романист уморительно (не совсем пристойно) путает одну из величайших в духовной истории человечества книг «Дао дэ цзин» (автор мудрец Лао-цзы; 6–5 вв. до н. э.) с полупорнографической книжонкой «Дао любви», смастряченной русскими издателями-кооперативщиками в угаре «перестройки», которая когда-то лихо приобреталась изголодавшимися по литературе такого сорта россиянами (С. 107–108). Как известно, в СССР никакого секса не было.

Еще занятный эпизод. Один из героев книги Денис Хованский (фамилия — явная оговорка «по Фрейду», т. е., что именно «ховают» юноши? Догадайся с трех раз!) служит «в отделе рукописных памятников, в Пушкинском Доме реставратором книг и рукописей» (С. 32). Это просто какая-то белиберда: в этом почтенном учебном заведении есть Древлехранилище и Рукописный отдел, но нет никаких «реставраторов» (есть специальные мастерские в Библиотеке Академии наук). Столь важную «содержательную» информацию можно получить из любого городского телефонного справочника. И, наконец потрясающий «ляп». Бандиты гуляют в «русском» ресторане «Коромысло»: «заказ был широким: водка, икра, расстегаи с грибами, рисом и яйцом, фаршированная щука» (С. 135). Все, тушите свет! Бог с ними, с расстегаями, но, скажите на милость: в каком ресторане с русской кухней можно заказать-получить

«фаршированную щуку»? В Англии все может быть, в России — категорически нет.

Я фиксирую такую чепуху отнюдь не осудительно, просто голова так устроена, ибо всю жизнь пером балуюсь. Как говорится: «топлесс облиз». С некоей душевной робостью завершаю эту заметку. Никогда не писал о таких книжках. Они есть, они пребудут. «Пусть цветут сто цветов», как сказал великий Мао.

27 ноября 2001 г.

Исповедь шпиона, или Прелестная книга

Любезный читатель, позволь поделиться робкими впечатлениями о совершенно необычной книге: **Михаил Любимов. Гуляния с Чеширским Котом. Мемуар-эссе об английской душе. Санкт-Петербург. Издательство «Амфора», 2001. 445 С. Тираж 5000 экземпляров.** Уникальность этого объемистого тома заключается в том, что он написан «профессиональным шпионом» (с. 378), по признанию самого автора, осуществлявшим в начале 1960-х гг. тайную разведывательную работу против Великобритании, т. е. вербовку и разработку агентов, закладку и выемку тайников и т. д., в те годы — старшего лейтенанта КГБ, орудовавшего под дипломатическим прикрытием, позднее полковника этой могущественной спецслужбы, ставшего после провала в Англии и объявления «персоной нон грата» в 1965 г. резидентом советской разведки в Дании. Не нравится слово «шпион» — назовем автора «разведчиком».

Полковник давно вышел в отставку, стал известным писателем. Его сын — знаменитый телеведущий канала ОРТ Александр Любимов, обожаемый дамами «бальзаковского возраста» на всем пространстве бывшего СССР, продолжает династические подвиги (и дедушка его был чекистом). Пал «железный занавес», отставной шпион постоянно гостит на берегах «туманного Альбиона». А в чем загадка? В том, что шпион, крестносец в плаще и с кинжалом, с юных лет влюбился в страну, против которой сражался на незримом фронте. Любовь к «доброй старой» Великобритании затейливо сочеталась у автора с любовью к партии, к марксистско-ленинскому учению и в Московском

государственном институте международных отношений, и в разведывательной школе. Автор признается в том, что «в Англии мое сердце разрывалось между ненавистью к буржуазии и любовью к Лондону, которая вспыхнула мгновенно — так в женщине, поразившей рыцарское сердце, нравится все, даже ее недостатки» (С. 24).

Читатель, эти ушлые ребята — «механики, чекисты-рыбоводы» (Э. Багрицкий) — все отлично понимали, всем приятно пользовались на Западе, но, сжав зубы, упорно «работали» против «страны пребывания». Теперь они каются, мол, мы верили Ленину-Сталину-Хрущеву-Брежневу, строили социализм-коммунизм, служили народу и т. д., были котятками слепыми, обеспечивали жизнедеятельность преступного режима, да вдруг в одночасье прозрели. Читатель, не верь этим плутам. Это не камушек в огороде Михаила Любимова, нет, это просто констатация. Автор отнюдь не возвеличивает себя: «Совок? Да! Совок! А что?» (С. 426). Исчерпывающее признание!

Не по своей воле покинув «остров», Любимов в Москве защитил «закрытую» кандидатскую диссертацию «Особенности национального характера, быта и нравов англичан и их использование в оперативной работе» (!!!). Так вот, книга, о которой идет речь, это — докторская диссертация того же автора, ну, разумеется, в беллетризованном виде, для самого широкого читателя. Конечно, «докторант» изучил огромное количество источников, перелопатил горы книг, «кипы газет и журналов» (С. 26), обобщил и прокомментировал свои наблюдения, сделанные за годы, прожитые в Соединенном королевстве. Фолиант Михаила Любимова можно совершенно справедливо назвать «энциклопедией английской жизни», слегка переиначив отзыв В. Белинского об «Евгении Онегине» Пушкина.

Добрую половину увесистого тома занимает раздел «Загадки англосаксонской души», в книгу также входят очерки «О жизни английской, тоже быстротечной»

и «Возвращение блудного сына». Уместен вопрос: а причём тут Чеширский Кот из бессмертной «Алисы в стране чудес» Л. Кэррола? Отвечаю: Чеширский Кот — постоянный собеседник-оппонент писателя, главный герой книги, носитель черного юмора и английского духа, защитник истинно британского миропонимания, «alter ego» (второе «я») сочинителя. Книга не только чрезвычайно умна и содержательна, но и удивительно смешна: горяче-взрывчатая смесь английского черного юмора и русского висельнического остроумия.

Жанр произведения Любимова — некий «тезаурус», окрошка по-нашему. Все перемешано в этом вкусном для читателя блюде: и краткие, но чрезвычайно емкие исторические очерки, к примеру, о многовековых англо-русских государственных отношениях, о короле-распутнике Карле II, о пирате-писателе Уолтере Рэли, о шпионе-полковнике Лоуренсе; психологические этюды о «Джоне Буле» во всех его проявлениях и изводах; и забавные подробности собственной шпионской деятельности, и похвальба успехами в вербовке агентов, и мемуарная исповедальность, и тоска по молодости, все же изуродованной болванами из КГБ-ЦК КПСС, и реестр товаров в лучших лондонских магазинах, меню обедов в самых модных ресторанах (многие позакрывались), и любовь, любовь, любовь к «старушке» Англии. Писатель многократно, декларативно и вызывающе признается в тотальном, но обдуманном и взвешенном англофильстве. Свою вторую, «островную» родину он изучил досконально.

Кроме шуток, книгу можно взять в руки и прогуливаться по лондонским улицам, сравнивая город 1960-х годов с сегодняшним. Автор создает чарующе пленительную атмосферу имперского Вавилона, вдыхать которую сладко, аж голова кружится. Впрочем, ваш покорный слуга никогда в Лондоне не был, посему ощущение, как теперь принято говорить, виртуальное. Прелестная книга, ей-Богу! Я обдуманно употребил этот эпитет: «прелесть» в старинном значении —

обольщение, обаяние, морок, соблазн. Конечно, «Гуляния с Чеширским Котом» можно истолковать и как психологически-поведенческий трактат, своеобразный «учебник жизни» для русских, поселившихся навсегда или временно на «острове» и для дотошных путешественников, приехавших из России в Англию на пару недель.

Книга очень пестра и не проста. Исследуя феномен «английскости» (термин писателя Д. Б. Пристли), автор приходит к парадоксальным выводам. К каким? Не скажу, секрет, читайте и узнаете. Однако приоткрою занавеску в исповедальной: писатель обнаруживает парадоксальное «фантастическое сходство судеб наших народов» (С. 43), английской и русской имперских наций, переживших крушение своих великих империй: у них — Ольстер, у нас — Чечня, у них — северноирландцы, шотландцы и валлийцы имеют свои автономии, у нас — Татарстан, Башкортостан, Саха-Якутия ощущают себя суверенными государствами. И те, и другие, у них и у нас культивируют сепаратизм. Любимов пишет: «Народ, скрепивший Великобританию и всю Британскую империю, не имеет никакого статуса. Как и русские. Мы, подобно англичанам, — везде и нигде. Никогда не имели собственного угла» (С. 44). В суррогатное утешение англичанам и русским остались «Commonwealth» (Британское Содружество наций) и Содружество Независимых Государств. Кстати, в том, что империи «уплыли в Лету», писатель-шпион видит и добрый знак: «Впервые в истории между Россией и Великобританией нет явных геополитических противоречий» (С. 436). Снявши голову, по волосам не плачут.

Утратив статус сверхдержавы, Англия быстро пришла в себя, очухалась, засучила рукава и принялась вкалывать теперь уже во благо себе самой, а не на потребу заморским территориям. Новой России необходимо тщательно усвоить этот урок. Любимов с горечью пишет: «Поставлен крест на ВЕЛИЧИИ, а расставаться

с ним больно, почти невозможно, но неизбежно!» (С. 100); «Англичанам удалось избежать всеобщего ослепления, когда считают, что кухарка запросто может управлять государством, а «простой человек» может учить великого композитора, как сочинять музыку» (С. 78). Одна из главок книги так и называется «Русс с англичанином братья навек».

Ясно, что не все по сердцу писателю-мемуаристу в «новой» Англии. Без всякой политкорректности автор замечает, что Лондон «желтеет» и «чернеет» (специальная глава без обиняков озаглавлена «Проклятые иммигранты»). Простим автора: книга, на самом деле, добра и великодушна.

14 декабря 2001 г.

«Двести лет вместе», или О закваске и тесте

Любезный читатель, на сей раз у нас пойдет не простой разговор о самой скандальной книге минувшего года: **А. И. Солженицын. Двести лет вместе (1795–1995). Часть I. Исследования новейшей русской истории. Том 7. М. Издательство «Русский путь. 2001. 512 с.** Тираж не указан. Редактор тома Н. Д. Солженицына.

Скандальность первого тома исследования, охватывающего 1795–1916 годы (второй — на подходе к Питеру), заключается не только в том, что это произведение вызвало буквально шквал диаметрально противоположных рецензий, зачастую, просто зубодробительных, но и горячие кухонные споры, ну, прямо, как при коммунистах, взаимные заушания-оскорбления токующих, как тетерева, оппонентов. Отмечу, что полемика возникла задолго до появления фолианта в печати. Все как всегда: книгу я не читал, но скажу. Одолеть толстенный том не так-то просто, но это никоим образом не смущает спорщиков. Полемисты разделились на два лагеря: одни, ничтоже сумняшся, обвиняют Солженицына в юдофобстве (антисемитизме), другие — в рабской приверженности сионистским идеям (в русофобстве и юдофильстве). Вот так всегда на Руси-Матушке, что поделаешь: не в Бельгии живем. Масло в огонь скандала подлила смастряченная неким анонимом книжонка: «Александр Солженицын. Евреи в СССР и в будущей России» (М., 2001), к написанию которой Александр Исаевич не имеет никакого отношения.

Не правы и те, и другие. Вот об этом и поговорим. Обвинения Солженицына в антисемитизме весьма не новы. Еще в 1985 году в Конгрессе США недругами

писателя были устроены «слушания» по поводу романа «Август 14-го», мол, роман антисемитский. Книга еще не была переведена на английский, никто из конгрессменов ее не прочитал, однако, жаркие дебаты состоялись только потому, что один из героев романа — М. Богров — убийца П. А. Столыпина — был евреем. Вот так: «Почему я не скрыл, что убийца Столыпина был еврей?.. Нескрытие с моей стороны — это был антисемитизм» (С. 443). Обвинения Солженицына в антисемитизме, а уж тем паче в русофобстве — просто безумны. Читайте книги Александра Исаевича.

Кстати об антисемитизме. При советской власти (начиная с конца 1940-х годов) он был нематериальным, но ощутимым и зловещим. В законах ничего такого не было, а тайные устные инструкции и по сей день не увидели света (прием в элитарные высшие учебные заведения, на престижную работу и т. д.). Правда, открыто советское государство давило любые проявления еврейской многовековой религиозной и культурной самобытности. Я прожил жизнь среди историков литературы, писателей, поэтов, художников, композиторов, ученых. Допустить антисемитское высказывание в нашем «круге первом» было подобно публичному признанию в зараженности венерической болезнью. Несколько лет я провел в заброшенной деревеньке Коровкино в двенадцати километрах от поселка городского типа Сясьстрой. Местные люди — охотники, крестьяне, рабочие целлюлозно-бумажного комбината все, как один, вспоминали добрым словом доктора Шапиро, горевали о том, что тот уехал в Израиль («небось голодует»). Никаких других евреев за долгие десятилетия они и в глаза не видели. Маргинальные антисемитские «общества», малотиражная антиеврейская пресса появились в угаре «перестройки». Свобода способствует как культивированию красивых и полезных «духовных» цветов и злаков, так и — сорняков. Нужно терпеть убытки. Вернемся к книге.

Над циклом романов «Красное колесо» писатель работал 54 года. Над книгой «Двести лет вместе» — минувшие десять лет. Последняя работа Александра Исаевича представляет собой некий сухой остаток тем и проблем, которые он оставил за пределами «Красного колеса». Солженицын очень стар, посему это исследование представляет собой некое его завещание потомкам. На самом деле книга полна искренней любви и к русским, и к евреям. Солженицын после возвращения из Америки в новую Россию принял на себя странную роль непонятого пророка, над которым не глумится лишь самый ленивый. Его отринули как патриоты, так и либералы. Его монотонные, менторские, императивно-категорические поучения раздражают всех. Что поделать? В этой книге он взвалил на себя миссию Высшего Существа, возжелавшего изменить прошлое. Как? Да рассказать-поведать о нем подробно, методично, вплоть до занудства, без гнева и пристрастия. Опасная проблематика, как косовское минное поле. Беспристрастный «судия» обращается ко всем нам: «Я призываю обе стороны — и русскую, и еврейскую — к терпеливому взаимопониманию и признанию своей доли греха» (С. 6). Глас вопиющего в пустыне. Увы, никто не хочет услышать бормотание пророка.

Книга наполовину состоит из цитат. Обработав немалое количество источников (мемуары, пресса, исторические исследования, три многотомных издания Еврейской энциклопедии и т. д.), Солженицын, как Бог черепаха, раскалывает устоявшиеся, насильственно внедренные в сознание многих поколений мифы. Какие? Например, миф о том, что Россия была для евреев тюрьмой: «За век с лишним под русской короной еврейство выросло из 820 тысяч (с Царством Польским) до свыше 5 миллионов, еще при том отдав эмиграции более полутора миллионов, — то есть рост 8-кратный от 1880 до 1914» (С. 439). Прямо скажем: не самая худшая из тюрем (к началу первой мировой войны

в Российской империи проживало существенно более половины мирового еврейства).

Да, царское правительство организовало 10 комитетов, занимавшихся проблемами еврейского меньшинства в России, да, были нелепые ограничения и «стеснительные меры», но из десятилетия в десятилетие, от царствования к царствованию (вопреки временным «заморозкам» Александра III) жизнь евреев смягчалась, входила в приемлемое русло. Так, пресловутая «пятипроцентная» норма приема евреев в высшие учебные заведения никогда не соблюдалась, превышала на самом деле десятипроцентный барьер даже в столичном Санкт-Петербургском университете (С. 434). Ничего подобного не было при коммунистах. Солженицын напоминает о том, что позорную «черту оседлости» отменили отнюдь не большевики, а Николай II осенью 1915 года (С. 490). Жизнь евреев в Великом княжестве Финляндском, в Польше и Австро-Венгрии была намного тяжелей, чем в императорской «тюрьме народов».

Исследователь касается весьма болезненных, по сей день кровоточащих проблем. К примеру, первые еврейские погромы были спровоцированы после убийства народовольцами Александра II (царь намеревался даровать исповедовавшим иудаизм все «свободы»), оставшимися на свободе революционерами, которые хотели таким способом внести смуту и брожение в низшие классы. С документами в руках Солженицын опровергает вековую ложь, что гнусные Кишиневский, Киевский, Одесский погромы начала XX века были инициированы властями. Нет, была глупость, бездействие, растерянность военных и чиновников, но не прямой осуществленный зловецкий умысел.

В главах шестой «В российском революционном движении» и девятой «В революцию 1905 года» писатель весьма обстоятельно анализирует тот факт, почему еврейская молодежь ринулась расшатывать, зачастую взрывать вековые имперские устои. В 1930-е годы

Сталин безжалостно вычеркнул почти все еврейские фамилии из революционного «синодика». К примеру: в декабре 1876 года в Петербурге, у Казанского собора состоялся первый в России политический митинг, на котором с пламенной речью выступил молодой Г. В. Плеханов, и впервые был поднят красный флаг. Читатель, это ты, возможно, помнишь из школьного курса истории. А кто поднял красное знамя, — Фелиция Шефтель (С. 215). Вот об этом советские историки помалкивали.

В краткой рецензии не расскажешь толком о столь просторном сочинении. Читатель, я просто хочу обратить твое благосклонное внимание на это исследование, потребовавшее от автора трудов невероятных и подвижнических. Книга написана весьма специфическим языком. Как говаривал Маршак: каков художник, таково и его искусство. Очень полезная книга, мозг проветривает.

Читатель, ты спросишь: а при чем в заголовке «закваска и тесто». В книге Солженицын восклицает: «Роль маленького, но энергичного еврейского народа в протяжной и раскидистой мировой истории — несомненна, сильна, настойчива и даже звонка. В том числе и в русской истории. Однако она остается — исторической загадкой для всех нас. И для евреев — тоже» (С. 416). В интервью, записанном Виктором Лошаком и опубликованном русскоязычной канадской газетой «The Yong street review» (2001, № 149, 28 июня), писатель рассматривает версию предназначения «народа Моисеева»: «Евреи посланы как катализатор общественной жизни, движущий катализатор». В свободной России нам нужно учиться жить с евреями заново, с чистого листа, забыв саднящие обиды, предрассудки, претензии. Кто пожелал — уехал. Кто остался, тот, будучи евреем по крови и вере, добровольно сделался подданным не только еврейской, но и ее Величества русской Культуры. Солженицын пишет: «Евреи... получили руку и верность русской интеллигенции.

Сила их развития, напора, таланта *вселилась* в русское общественное сознание. Понятия о наших целях, о наших интересах, импульсы к нашим решениям — мы слили с их понятиями. Мы приняли их взгляд на нашу историю и на выходы из нее» (С. 474). Если это антисемитизм, то пусть у меня отсохнет правая рука. Итак, закваска-катализатор есть, будем ждать пока взойдет новое и небывалое российское тесто.

28 декабря 2001 г.

Исторический бульвар, или Бульварная история

За мной, читатель! Сегодня отправимся на «Исторический бульвар». Куда? Читай дальше, все поймешь. Осмелюсь предложить твоему вниманию книгу, которую читал взахлеб, с наслаждением, горюя и протестуя, частенько в ярости отбрасывал в сторону, потом вновь брал в руки, в конце концов почти во всех случаях соглашаясь с автором. Итак: **Александр Бушков. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Нева; Красноярск: Бонус. 2001. 608 с. Дополнительный тираж 5000 экземпляров.**

Книги Бушкова можно увидеть на любом специализированном прилавке по всей Руси великой. Он автор свыше трех десятков томов (триллеры, боевики, исторические детективы, фантастические «сериальные романы», фэнтези), изданных многомиллионными тиражами. Завистливая критика присвоила одному из самых коммерчески успешных писателей нашего времени якобы презрительную кличку «король русского боевика». Ну, что ж: король и есть король. Не знаю, как ты, дорогой друг, а я — монархист.

Несколько абзацев об авторе. Александр Александрович Бушков родился 5 апреля 1956 года в Минусинске (медвежий угол на Енисее, место ссылки зеков и при царях-батюшках, и при коммунистическом режиме), откуда в 1972 г. семья переехала в Абакан. Это не совсем то же самое, что перебраться из Ливерпуля в Манчестер, или из Саратова в Питер. Окончив среднюю школу, автор сознательно не стал учиться дальше: служил почтальоном, работал разнорабочим

в геологических партиях и писал-писал-писал... в стол. В 1981 г. в московском журнале «Литературная учеба» была опубликована его первая фантастическая повесть «Варяги без приглашения». Получив весьма солидный по тем временам гонорар, относительно молодое дарование так «загудело», что попало в психушку не за «политику», а за манифестированное лицемерие «чертей зеленых».

Выйдя из дурдома, писатель бросил ходить на какую-либо службу, за что в 1986 г. его хотели посадить за «тунеядство» (спасла справка из «психиатрички»). Теперь уж никто и не помнит, что тогда нельзя было не работать, если ты не член, к примеру, Союза писателей. Читатель, эта биографическая канва никого тебе не напоминает? Правильно! Позднее кривое отражение судьбы Иосифа Бродского. Год Бушков прокантовался в штате газеты «Советская Хакассия», откуда был изгнан за «аморальный поступок».

И тут грянула перестройка: писатель переехал в Красноярск: как грибы после дождя, возникли частные издательства, книги Бушкова полетели в виде горячих блинков из под типографских станков (в рифму получилось) в Москве и Питере. Известный критик Вячеслав Курицын с язвительной иронией именует писателя «литературным чемпионом Сибири». А в чем ирония? Так все и есть. Занятный человек наш сочинитель: частенько публикуется в красноярской патриотической прессе — аналоге московской газеты «Завтра», голосовал в 1996 г. за Ельцина, подарил свою книгу Зюганову с нежной дарительной надписью, приятельствует с лидерами Красноярского союза сионистов. «Широк, широк русский человек. Надобно сузить» (Ф. М. Достоевский).

Удивительная все же страна Русь-Матушка, «белая Индия Духа». Добился литератор шумной известности в критике, огромных гонораров, читательской славы. Книги Бушкова переведены на пятнадцать языков, включая английский, немецкий, французский,

японский и китайский. Все, сиди или лежи, работай или не работай, носи деньги в банк, разъезжай по Европиям, разводи цветочки в своем особняке, уди рыбку в Енисее. Нет, дудки! Несколько лет жизни писатель убил на создание исторического трактата-триллера в 32 печатных листа. Загадка русской души. Недавно по телевизору видел сюжет про сельского дедулю, который начал мини-самолеты строить. И они... летают. «Россия. Лета. Лорелея» (Осип Мандельштам).

Творения Бушкова критики-зоилы именуют бульварными, мол, нам, высоколобым не НДРАВИТСЯ, люди в трамваях читают, низкий жанр и прочая чушь. Не нравится — не читайте, господа хорошие. Я и сам, грешный, огульно назвал книгу, о которой идет речь, «бульварной историей», «трактатом-триллером», но лишь потому, что у автора в отличие от профессионалов, ученых-историков, «глаз не замылен», он не боится парадоксальных суждений и выводов, острых гипотез, его мозг не цепенеет в жарких спорах с авторитетными предшественниками — «священными коровами», пережевывавшими жвачку на лугу бессмертной музыки Клио. Книга написана живым, ярким, иногда на грани просторечия, языком, коим изъясняются наши современники в автобусах и на кухнях. На всю жизнь запомнил лекцию историка-фантаста, великого этнографа Л. Н. Гумилева, который вдруг сказал: «Скифы были ребята типа: оторви, да брось». Хороша «бульварная история»: «Список литературы» (цитируемой в переводах с разных языков) насчитывает 252 наименования (С. 595-604). «Бульварная история» превращается в зловещий «Исторический бульвар» с раскидистыми деревьями, на чьих сучьях развешаны казненные, окровавленными плахами-скамейками, да и публика фланирует специфическая: головорез на головорезе. И события происходят жуткие: убийства, казни, предательства, измены, перевороты, смуты, революции и т. д.

Книга посвящена (в двух словах) низвержению не просто устоявшихся ложных исторических мифов-мифологем, кочующих из века в век, бытующих как в «ученом», так и в обывательском сознании (пресловутые школьные учебники), но насильственно и злонамеренно внедренных в коллективное бессознательное нации. Какие «мифы» рвет на клочья, как бойцовский пес, автор, не скажу. Читайте книгу! Ну, ладно, приоткрою ящик Пандоры.

Перечислю заголовки нескольких основных глав: «Крещение Руси: сплетение загадок», «Призрак «Золотой Орды»», «Тайны Смутного времени», «Смерть идеалиста» (о Петре III), «Некто Емельян» (сенсационные сведения о предводителе крестьянского восстания), «Гестапо Павла Пестеля» (о том, что ожидало страну, если бы победили декабристы), «...И дряхлый Октябрь позади» (о связях большевиков с «охранкой»), «Император и его тень» (о Сталине и Бери). Названия глав сами по себе захватывающе интересны, а тексты — пальчики оближешь.

Любезный читатель, ты, вероятно, знаешь, что не было никакого татаро-монгольского ига, что Русь сосуществовала в цветущем симбиозе со странным государственным образованием, получившим наименование Золотая Орда. Ведомо ли тебе, что Лжедмитрий I был по рождению.., нет, читай трактат-триллер. Скажу лишь, что он и Гришка Отрепьев — совершенно разные исторические персонажи, что молодой царь, реформатор-западник, намеревался учредить в Москве университет. Блестяще анализируя источники, Бушков с фактами в руках доказывает, что Минин и князь Пожарский отнюдь не были ангелоподобными героями, что Иван Сусанин был убит разбойниками, а не поляками, он не отдал «жизнь за царя». Петр III, процарствовавший всего 186 дней, готов был развернуть корабль российской государственности на небывало новый курс, но был убит коварной супругой, науськанной бездельниками-гвардейцами, не желавшими

отправляться из столицы на войну. Обо всем не скажешь. Уже эти «сюжеты» сами по себе достойны пера Александра Дюма.

Ладно, все это чрезвычайно любопытно, но мало кого заденет за «живое». «Дела давно минувших лет». Две главы, скорей всего, читатель вызовут у тебя оскорбленную ярость: «Дракон московский» (о Петре «великом»; определение Михаила Булгакова) и «Бесы в оптическом прицеле» (о дореволюционной и советской интеллигенции). Критики уже взбунтовались.

Бушков, обстоятельно аргументируя свои суждения, доказывает, что Петр I был кровавым псом, психически больным гомосексуальным маньяком-садистом, бездарным полководцем (Полтавская баталия была выиграна многократным превосходством над шведами в живой силе и артиллерии; позорный Прутский поход), врагом свободы, свободной экономики, поработителем крестьянства, дворянства, купечества и мещанства, родоначальником всеобщего тотального «стукачества», погубителем Православия, зажегшим инквизиционные костры на Русском Севере, фундаментом-предвосхитителем государства «нацистско-большевистского» типа, который привел «оккупированную» им страну к пропасти, от края которой она медленно, в крови гвардейских переворотов, отползала в течение всего восемнадцатого столетия. Читатель, не веришь Бушкову — твое святое право. Послушай Льва Толстого, сказавшего о первом русском императоре: «Был осатанелый зверь. Великий мерзавец, благочестивейший разбойник, убийца... Забыть про это, а не памятники ставить» (С. 428).

Глава об интеллигенции написана зло и пристрастно, грубовато и, к горю моему, в существенной степени справедливо, ибо сам я, грешный, из этого «крапивного семени». Болтать охота, а работать — нет. Бушков, да и я, грешный, предпочитает для обозначения этого уникального русского «ордена»-сообщества нейтральные термины «интеллектуал» и «профессионал».

Приведу горькую мудрую шутку: «Вы интеллигент? — Нет, помилуйте, что Вы! У меня есть профессия». Читатель, слава Богу, что у нас есть *профессия*, а то с голоду бы ноги протянули.

Автора иногда заносит не «в ту сторону», однако, он выполнил свою задачу: распахнуть «окна в здании Официальной Истории» (С. 280). Исполать!

30 января 2002 г.

Интеллектуальный роман с Теорией права

Любезный читатель, на сей раз я приготовил тебе такой книжный «гостинец», чье название может тебя озадачить: **А. В. Поляков. Общая теория права. Курс лекций. Санкт-Петербург. 2001. Издательство «Юридический центр Пресс». Тираж 2000 экземпляров. 642 с.** Нет, я не рехнулся, это не рутинный «учебник», имя которым — легион, это замечательный труд, о котором нужно и должно обстоятельно поговорить.

Отринув принудительно насаждавшуюся марксистско-ленинскую догму (все помнят бессмертное: «Учение Маркса всесильно, ибо вводят его насильно»), гуманитарные науки, в частности, отечественное правоведение, начинают потихоньку-полегоньку «приходить в себя», очухиваться, подверстываться к реалиям новой [России, догонять Запад, заявлять о себе не как о «служанке» тоталитарного режима, а как друге-советчике новой власти. Вспомним великую формулу В. А. Жуковского «Певцы — советники вождям». Да-с. Книга, о которой я веду речь, — совершенно блестящая, тараном вываливающаяся из общего ряда, принесет автору, конечно, и славу, и неприятности, ибо ученое сообщество (как и любое другое) все прощает, кроме демонстрации выдающихся достижений. Мир грустен, и не нами создан-придуман.

Два слова об авторе. Андрей Васильевич Поляков (1955 г. рожд.) — доцент кафедры теории и истории государства и права юридического (великого, «президентского») факультета Санкт-Петербургского государственного — так и хочется написать «Императорского» — университета, в 1987 г. защитил кандидатскую

диссертацию ««Возрожденное естественное право» в России. Критический анализ основных концепций», автор многих работ по теории, истории и философии права, знаток отечественной правовой и философской мысли начала прошлого века. Это его первая «большая» монография.

Книга скромно названа «курсом лекций». Не верь, читатель, это не курс лекций, не стандартный учебник (с какого боку-припеку стал бы я писать об «учебнике»), это — яркий, пламенный, пристрастный трактат, «интеллектуальный роман», как говаривал Томас Манн, в котором всесторонне исследован феномен «права»... Э, все куда сложнее. Книга, как и всякое «порядочное сочинение» на Руси — обо всем: о жизни и смерти, о любви и ненависти, о духе и плоти, о тебе и обо мне. Мы окружены правом, мы дышим им, пользуемся им, творим его, но и оно жестко и жестоко формирует нас. Все в нашей юдоли скорби и плача есть право, правоотношение, правопонимание, правовая культура, правонарушение, к примеру, от коллизии «Ромео и Джульетты» до тривиальной покупки билета в метро и кражи пепельницы в ресторане.

Автор вопрошает: «Что есть право?.. Является ли оно установлением государства, природным свойством человека, индивидуальным психическим явлением или intersубъективным актом социального взаимодействия? Где искать право? В какой мере на него можно уповать? Эти вопросы значимы не только для ученого-теоретика, законодателя, судьи адвоката, истца и потерпевшего, но, в конце концов, для каждого из нас, так как жизненный мир человека, мир социальной повседневности — это и есть подлинное царство права, тот воздух, которым дышит человечество» (С. 7). На все эти (и многие другие) «вопросы вопросов» в книге даны оригинальные, обстоятельнейшие ответы.

Фолиант написан мастерской, щегольски выделанной орнаментированной прозой, чьи истоки восходят не только к философской, историософской, но

и художественной традиции русского «Серебряного века». В книге глубоко выражена авторская личность, поражает лирическая исповедальность текста, что, как правило, на прочь «выжигается» в научной прозе. Автор «учебника» обладает несомненным беллетристическим даром. Изоцренный «цветущий стиль» помогает читателю лучше усвоить и запомнить прихотливые, причудливые извивы мысли А. В. Полякова.

Том снабжен тоталитарно избыточным научным аппаратом. Почти на каждой странице автор дает высказаться своим оппонентам: предшественникам и современникам. Собеседниками, едва ли не «субутильниками» доцента, являются: Платон, Аристотель, апостол Павел, Фома Аквинский, Гоббс, Кант, Гегель, О. Конт, Ницше, Э. Гуссерль, Р. Барт, В. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лосский, И. Ильин, М. Бахтин и другие (это я пролистал первые 60 страниц). А. В. Поляков пристрастно полемизирует с «собратьями по цеху», вступает в горячий спор, весьма напоминающий салонные дискуссии начала прошлого века, продолженные в лагерях, в эмиграции, а позднее — на питерских и московских интеллигентских «кухнях». Архитектоника «учебника» никак не воспроизводит императивно-нормативный авторский «монолог», а напоминает скорее прославленные платоновские «диалоги». Исследователь неизменно культурен, что само по себе является преступлением в советской и постсоветской научной среде, редко умен, задирист, для него нет непререкаемых «авторитетов»; в запальчивости он выхватывает «сено» из кормушек у ученых «священных коров», всегда честен с собой и читателем. Долго крепился, но осмелюсь сказать, как Блок о романе Андрея Белого «Петербург»: в книге есть проблески гениальности. Занятый «учебник»...

Россия, как известно, принадлежит к ареалу романо-германской системы права. Однако автор постоянно проецирует русское право на англосаксонскую модель, что чрезвычайно полезно и нужно. А. В. Поляков

не просто знает право Запада, но подробно знакомит читателя с правовыми концепциями зарубежных исследователей-теоретиков. Не в первый раз я пишу о книгах, жанр которых можно определить как «учебник жизни». Читатель, поверь, чтение-усвоение этой книги может изменить твою жизнь и непременно к лучшему. Почему? Потому, что изменит твое мировидение-миропонимание, поможет четко ориентироваться в тривиальных и баснословных жизненных обстоятельствах. Dixi...

Перечислю важнейшие главы («лекции»: «Проблема правопонимания в истории теоретико-правовой мысли», «Российский правовой дискурс: основные идейные доминанты», «Право и ценности», «Правосознание: онтологический и социокультурный ракурсы», «Право и закон», «Право в государстве: парадигма правовой государственности», «Действие права», «Нормы права», «Правовые отношения», «Применение права», «Толкование права», «Правонарушение и правовая ответственность», «Законность и правопорядок». К каждой «лекции» прилагается практически исчерпывающий список литературы. Книга — сокровищница-«тезаурус» тем диссертационных исследований, которые можно и нужно писать-защищать на **разных** языках в **разных** странах.

Э, скажет «проницательный читатель», изучал я право (дома или за границей), заголовки глав почти рутинные, едал я такие пирожки. Нет, с виду пирожок, как пирожок, но тесто и начинка небывало новые, не как в «Макдоналдсе», где все одно и то же, что в Москве, что в Лондоне, что в Питере, что в Сан-Франциско. Это кушанье «смастрячено» по новейшим технологиям, правда, рецепт и специи — из горячей русской печи Серебряного века.

Читатель, надеюсь я сумел привлечь твое благосклонное внимание к этому замечательному тому, образчику высокой научной прозы. Везде: по телевидению, по радио, в газетах стон стоит смертный, мол,

наука погибает, Россия превращается в Верхнюю Вольту, дайте-дайте-дайте денег на фундаментальные исследования, а то мы, гении, будем демонстрировать нашу ученую неумность за конвертируемую валюту в Корейской Народно-демократической республике или в Исламской республике Иран. Воля ваша, господа-товарищи-братва, можно рыдать, бия себя в утлую грудь и источая соленые слезы, работать-то не очень и хочется, ибо митинговать-протестовать легче и приятней.

Однако есть высокоодаренные, почтенные труженики-трудники, не афиширующие, не рекламирующие свои проблемы, которые занимаются беззаветно долгими ночными штудиями, не ноют, а дело делают. Честь им и хвала! Забыл добавить: книга А. В. Полякова является первой попыткой обоснования и истолкования «православной» общей теории права. Вот такие «учебники»...

13 февраля 2002 г.

Не «все могут короли», или Грустная книга о великой монархине

Дорогой читатель, недавно в руки мне попала прелюбопытная книга, несколько лет ожидавшая меня в книжном магазине, о которой сразу же захотелось написать. Итак: **Сара Брэдфорд. Елизавета II. Биография Ее Величества королевы. Перевод с английского Г. Чхартишвили** (да, да, это Борис Акунин, автор знаменитых романов о сыщике Фандорине). **Издательство «Вагриус» совместно с ЗАО «Захаров»**. М. Год издания на титульном листе не указан. Тираж 10 000 экземпляров. 512 с. Косвенные данные указывают на то, что этот объемистый том вышел в 1998 году. Английский оригинал книги (**Sarah Bradford. Elizabeth. A Biography of Her Majesty the Queen**) появился в 1996 году.

В этом году Великобритания и весь мир празднуют «золотой юбилей»: пятидесятилетие пребывания королевы Елизаветы на троне-престоле. Эта скромная заметка — скромное поздравление монархине. Осмеюсь высказать (надеюсь, читатель, ты ко мне присоединишься) глубочайшее соболезнование Елизавете II и всему августейшему семейству в связи с безвременной кончиной принцессы Маргарет.

Несколько фраз об авторе книги. Сара Брэдфорд училась в Оксфорде, где специализировалась по истории, жила в Вест-Индии, Португалии и Италии. На родине много лет прослужила в рукописных отделах прославленных аукционных фирм «Кристи» и «Сотби». В 1969 году она выпустила в свет исследование о портвейне, ставшее классическим. В 1976 году издала книгу «Цезарь Борджиа», по которой был снят знаменитый

телесериал, прошедший по всему миру. В последующие годы Сара Брэдфорд публикует такие труды, как «Дизраэли» (1982), «Принцесса Грейс» (1984), «Георг VI» (1989), принесшие ей славу «королевы» биографического жанра. На книгу о британской монархине у исследовательницы ушло десять лет: изучение архивных документов, встречи с придворными, политиками, членами королевской семьи.

Сразу скажу, что это исключительно талантливый и добротный фолиант. Авторы беллетризованных биографий «больших людей» грешат либо подобострастной «аллилуйщиной», верноподданническим облизыванием своих персонажей, сервильным замалчиванием фактов, не укладывающихся в «ангельскую» парадигму, либо зубодробительным разоблачительством, созданием «монбланов лжи» (Андрей Белый), циническим передегиванием придуманных событий, истерической скандальностью и т. д. Назову лишь два примера: Краткая биография И. В. Сталина (М., 1949; авторы-составители не указаны) и брошюрка Ю. Шутова «Собачье сердце» (СПб., 1994). Книга Сары Брэдфорд — редчайшее исключение из этого «синодика», ибо она отличается духовной взвешенностью, элегантно добротностью, душевной опрятностью, старобританским благородством.

Королева царствует уже полвека; когда она взошла на престол, премьер-министром Великобритании был У. Черчилль, а в Кремле сидел Сталин. Елизавета сотрудничала с одиннадцатью английскими главами кабинетов министров, встречалась с десятью американскими президентами и с четырьмя римскими Папами. За свое исключительно долгое правление монархия с величайшим мужеством и достоинством пережила болезненнейший распад Британской империи (утрата титула Императрицы Индии), бешеные многолетние нападки на сам институт британской монархии, скандалы, раздутые прессой по поводу цепи разводов членов королевской семьи. Конечно, обо всем этом идет речь в книге С. Брэдфорд, но исследовательница никоим

образом не «перестирывает» грязное белье, не смакует «подробности», проявляя редкий такт, уважительность и осмотрительность. Редчайший случай: «персонаж» и «автор» соответствуют друг другу.

Книга, о которой я решил написать, история жизни не только Елизаветы II, но и всей ее семьи (Виндзорской династии): от прадедушек-прабабушек до детей и внуков. Принцессе Елизавете-Александре-Марии Йоркской было всего десять лет, когда она 10 декабря 1936 года стала наследницей престола после того, как, процарствовав восемь месяцев, отрекся от трона Эдуард VIII (дядя Елизаветы) из-за любви к американке Уоллис Симпсон, и королем стал ее отец Георг VI. Можно сказать, что беззаботное детство девочки закончилось, она стала наследницей великой империи. Родители Елизаветы (король Георг VI и его супруга Елизавета — королева-мать, дай ей Бог здоровья) навсегда останутся в истории Англии и в благодарной памяти британцев как монархи, вынесшие вместе со своим народом все тяготы кровавой борьбы с нацистской Германией, пережившие все лишения военного лихолетья, отказавшиеся от эмиграции в Канаду. 6 февраля 1952 года король скончался во сне, наследная принцесса с мужем пребывали в это время с визитом в Кении. На следующий день в аэропорту Хитроу двадцатипятилетнюю королеву встречал у трапа У. Черчилль. Официально Елизавета II была коронована 2 июня 1952 года. В день смерти отца в жизни монархини произошло пугающе странное (страшное) событие: корона отделила ее хрустальной стеной от всего мира, вознесла в некую кристаллическую холодную высь, ибо мать, сестра, муж, дети, а позже и внуки стали всего лишь ее подданными.

Много лет спустя в телевизионном интервью Елизавета II призналась: «Меня в общем-то никто не учил быть королевой. Мой отец умер слишком рано. Это произошло так неожиданно — мне пришлось сразу включаться в дело и при этом стараться не ударить в грязь лицом. Пришлось дорастать до положения, которое

я заняла. Это была судьба, ее следовало принять и не роптать» (С. 5). Истинное кредо истинной монархини.

В обывательском представлении британская королева «царствует», но не «правит». На самом деле все сложнее. Монархиня имеет гарантированное законом право «советовать, консультировать и предостерегать» своих министров: «Она может иметь собственное мнение по вопросам политики и делиться им с премьер-министром» (С. 395). Все главы британского кабинета министров в один голос подтверждают чрезвычайную компетентность, знание проблематики, добросовестность, трудолюбие и выдержку Елизаветы II: «Все политические лидеры, работавшие с королевой, относились к ней с восхищением и симпатией, ценили ее высокий профессионализм, дружелюбие и полнейшую беспристрастность в политике» (С. 385). Ее Величество изо дня в день, из десятилетия в десятилетие скрупулезно изучает правительственные документы, у нее просто нет времени на чтение беллетристики. Каждую неделю, вот уже полвека у нее происходят рабочие встречи с премьер-министром, к которым надо готовиться, чтобы быть во всеоружии. Ведь что «королева — гарант того, что в стране не будет диктатуры.., королева — символ национальной идентичности в быстро меняющемся, космополитизированном мире... Елизавета олицетворяет собой те ценности, к которым большинство людей относится с уважением, даже если и не соблюдает их в собственной жизни — мужество, достоинство, чувство долга» (С. 504, 505). Эх, что поделать: мы, русские, свою монархию бездумно и безумно пустили под откос.

Книга содержит массу подробностей (и грустных, и смешных) из жизни Ее Величества, ее семьи, двора. Со страниц книги встает образ умудренной служением, чрезвычайно благородной, величавой и одновременно «простой» пожилой грандамы, питающей, к примеру, вполне человеческие пристрастия к лошадям и собакам. Чтение этой размеренно неторопливой книги

«Время собирать камни», или Научно-популярная книга

доставляет огромное удовольствие. Героиня Сары Брэдфорд — хрупкая женщина с короной на голове — ось, средостение былого и будущего величия Соединенного королевства и Содружества наций.

А почему книга грустная? Отвечаю. Великая монархиня, полвека направляющая остров-корабль по единственно правильному курсу, не может жить, как все, как мы с тобой, любезный читатель. Королева не в состоянии уделять даже своей семье столько времени, сколько хотелось бы. У нее нет времени на чтение дамских журналов, она не имеет права смотреть по телевизору то, что ей нравится. Да, любимые скачки, но это всего лишь несколько часов в год. Монархиня не может болтать с подругами по телефону, ибо подруг в обывательском значении у нее просто нет. На редких фотографиях, сделанных в королевских поместьях, мы видим Елизавету в русском платочке, в резиновых сапогах, в окружении любимых лошадок и собачек. Однако и это — ну, одна-две недели отдыха. А так — изо дня в день — безупречное служение и безупречно исполняемый долг. Бесконечные официальные приемы, встречи, обеды, чаепития, вероятно, надоели королеве до судорог в скулах. Великая, царственная, но очень грустная жизнь: тяжесть короны, полувекковое одиночество в толпе, постоянное назойливое, иногда оскорбительное внимание прессы, черная людская неблагодарность, любовь и ненависть целых государств и наций, неурядицы в семье, которые становятся сенсационным достоянием падкой на скандалы публики...

Заканчиваю. Читатель, не верь вздорным журналистам: богатство королевы, ее личное состояние не столь велико, как кажется «завидующим глазам». Ребята, неужели вам не стыдно столь подло травить достойнейшую женщину. От всего сердца рекомендую эту не просто содержательную, а весьма глубокую книгу — своего рода шедевр биографической литературы.

26 февраля 2002 г.

За мной, читатель! Опять я в некотором смущении, ибо никогда не писал о научно-популярных книжках. Этот жанр, да, понимаю, отчего ты, друг мой высокий, наморщил нос, справедливо считается третьесортным. Действительно, какие-то ушлые дяденьки велеречиво и витиевато пересказывают *чужие* мысли, теории, открытия так, что читатель впадает в умственную ловушку, мол, без этих *перелагателей-популяризаторов* никто и не узнал бы никогда, чем занимаются заоблачные ученые мужи. А что, пожалуй, никто бы и не узнал. Нет, в данном случае речь идет о первой научно-популярной книге прославленного английского математика, физика, астрофизика, «столпа» современной космогонии. Итак, **Стивен Хокинг. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр. Перевод Н. Я. Смородинской. Послесловие А. Я. Смородинского. СПб., издательство «Амфора», 2001. Дополнительный тираж 7000 экземпляров. 268 с.** Читатель, обрати внимание: **дополнительный** тираж, а ведь это не детектив или «дамский роман». По-английски книга вышла в 1988 году в Англии, США и Канаде. 53 (!!!) недели она возглавляла списки бестселлеров по обе стороны Атлантического океана (абсолютный рекорд).

Поговорим об авторе. 8 января 2002 года Стивену Уильяму Хокингу исполнилось 60 лет (он родился в 300-ую годовщину со дня смерти великого Галилео Галилея (1564–1642); вот и не верь в магию чисел). «Эйнштейн наших дней», как о нем пишут журналисты, в 1962 году получил степень бакалавра по математике

и физике Оксфордского университета. В связи с тем, что в Оксфордском университете мало интересовались космогонией, он перешел в Кембридж, где в 1966 году получил степень доктора философии. Вся его дальнейшая жизнь связана с этим университетом. В 1973 году Хокинг стал Лукасианским Профессором Математики. Эта должность была учреждена в 1663 году на средства преподобного Генри Лукаса, члена палаты общин от Кембриджского университета, с 1669 года в течение долгих лет этот пост занимал сэр Исаак Ньютон (1643–1727). Кстати, в настоящее время Хокинг заведует кафедрой математики Кембриджского университета, и здесь в числе его предшественников — Ньютон, а также основатель квантовой механики, лауреат Нобелевской премии, великий П. А. М. Дирак (1902–1984). Какие традиции! Какие люди! О, благословенный остров.

В двадцать лет Хокинг начал спотыкаться на ровном месте: постепенно отказывал опорно-двигательный аппарат. Он заболел тяжелейшей, редчайшей болезнью: боковым амиотрофическим склерозом (иначе: ALS, или болезнь Лу Джерига). С 30 лет он прикован к инвалидной «каталке». Сегодня у него функционируют только пальцы правой руки, которыми он управляет креслом с электрическим мотором, набирает тексты на встроенном компьютере и общается с миром посредством синтезатора речи. Хокинг дважды женат, у него трое детей и внук. Что сказать, а ничего, — промолчать, сняв шляпу, склонить голову в *изумлении* пред неслыханным жизненным подвигом. Вот такая «Повесть о настоящем человеке».

Книга написана очень легко, мастерски, автор с юмором повествует о сложнейших явлениях и проблемах. Повествование о «черных дырах» порой напоминает остросюжетное детективное действие. Читатель, ради Бога, не пугайся: в книжке нет никаких заумных формул (ни одной, кроме эйнштейновского уравнения, которое мы со школы помним, есть, правда, в ней

простые графики, понятные и ребенку). Автор снабдил книгу «Словарем терминов», ясным, прозрачным, четким и *понятным* (С. 248–254). О чем книга? Как о чем? О Боге, о времени как *физической* проблеме, о жизни, о нашем месте во Вселенной, о ее рождении и проблематичной смерти в невообразимо отдаленном будущем, о соотношении пространства и времени, которые «образуют вместе некую поверхность, которая имеет конечную протяженность, но не имеет границ и краев» (!!! С. 193). Автор — большой мудрец и большой плут — отнюдь не навязывает читателю императивно-нормативных выводов, стимулируя тем самым читательскую мысль. Есть ли Бог во Вселенной Хокинга? По-моему есть, хотя ты, читатель, может быть, со мной и не согласишься.

Известному русско-американскому эссеисту-культурологу Александру Генису принадлежит замечательное суждение: «Современный человек жаждет сверхъестественного не меньше, чем всегда. Ученые — рассказчики нашей версии мира — хранят онтологические устои жизни. Физики без метафизики нам не хватает, но и метафизика без физики нам не нужна». Так вот, работа Хокинга — невероятный сплав истинной физики с истинной метафизикой. Едал такое кушанье, читатель? Я — нет.

Новое понимание Миропорядка очень молодо: в 1929 году американец Эдвин Хаббл доказал, что наша Галактика не единственная, ему же принадлежит честь открытия «расширяющейся Вселенной» (модель «большого взрыва»), а в 1969 году его соотечественник Джон Уилер ввел в научный оборот термин «черная дыра». Перу Хокинга принадлежат фундаментальные труды по этой проблематике, о которой он столь занимательно повествует в своей книге, уважительно и подробно фиксируя достижения своих предшественников, в частности, советских (российских) ученых.

Некоторые страницы книги поражают некоей шекспировской мощью, запредельным трагическим

ужасом: «В момент большого взрыва размеры Вселенной были равны нулю, а сама она была бесконечно горячей. Но по мере расширения температура излучения понижалась. Через секунду после большого взрыва температура упала примерно до десяти тысяч миллионов градусов; это примерно в тысячу раз больше температуры в центре Солнца. Примерно через сто секунд после большого взрыва температура упала до тысячи миллионов градусов. После чего в течение примерно миллиона лет Вселенная просто продолжала расширяться и с ней не происходило ничего особенного. Возраст Вселенной равен всего десяти или двадцати тысячам миллионов лет (единица или двойка с десятью нулями). Радиус Вселенной увеличился в миллион миллионов миллионов миллионов (единица с тридцатью нулями) раз. Наша Галактика — одна из нескольких сотен тысяч миллионов галактик, которые можно наблюдать в современные телескопы. Вселенная, вероятно, будет расширяться вечно. Если сжатие Вселенной все-таки произойдет, то никак не раньше, чем через десять тысяч миллионов лет. Запуская Вселенную, Бог, *вероятно*, знал, что делает». Мороз по коже: «Открылась бездна звезд полна. // Звездам числа нет. Бездне дна» (М. В. Ломоносов). Жутко, сладко, славно: все эти вселенские чудеса сотворены лишь для того, любезный читатель, чтобы мы на свет родились, робко осмысливая свою леденящую душу сиротскую уникальность в Мироздании, чтобы Хокинг написал свою книгу, а мы ее прочитали. Я. А. Смородинский, написавший послесловие к книжке, тонко и верно замечает: «Меня не покидает ощущение какого-то фантастического (или сюрреалистического) романа, в который я попал» (С. 265).

Неведомому создателю ветхозаветной «Книги Екклесиаста, или Проповедника» (III век до нашей эры, аноним приписал ее авторство царю Соломону) принадлежит изумительный текст: «Всему свое время, и всякой вещи под небом. Время рождаться, и время

умирать; ... время разрушать, и время строить; ... время плакать, и время смеяться; ... время разбрасывать камни, и время собирать камни» (Екк. 3, 1-5). Почему я в заголовке заметки упомянул о времени «собирать камни». Отвечаю.

Книга Хокинга завершается мощной мажорной каденцией. Не за горами создание «полной непротиворечивой единой теории», которая, «сбрав камни», приняв в себя множество частных теорий, приведет к «полному пониманию всего происходящего вокруг нас и нашего собственного существования» (С. 232). Стивен Хокинг уверен в том, что «если мы действительно откроем полную теорию, то со временем ее основные принципы станут доступны пониманию каждого, а не только нескольким специалистам. И тогда все мы, философы, ученые и просто обычные люди, сможем принять участие в дискуссии о том, почему так произошло, что существуем мы и существует Вселенная. И если будет найден ответ на такой вопрос, это будет полным триумфом человеческого разума, ибо тогда нам станет понятен замысел Бога» (С. 238). Какие величаво-гордые слова. Читатель, нас приглашают «всеблагие, как собеседников, на пир» (Федор Тютчев).

13 марта 2002 г.

Сокровищница «Серебряного века»

Читатель, осмелюсь предложить твоему благо-склонному вниманию замечательный фолиант: **Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова. М.: Издательство «Прогресс-Плеяда». 2001. 608 с. Дополнительный тираж 2000 экз. (Александр Блок. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том двенадцатый. Книга первая. Общая редакция — С. С. Лесневский).** О том, что эта книга является частью блоковского двенадцатитомника, можно узнать только из издательской аннотации. Итак, 307 писем. В подготовке к печати писем Блока А. В. Лаврову помогал Г. В. Нефедьев. В приложении к книге помещена переписка Андрея Белого с матерью Блока А. А. Кублицкой-Пиотух (1860–1923; 61 письмо).

Издание подготовлено выдающимся историком русской литературы конца XIX — начала XX в., лучшим в мире специалистом по «Серебряному веку», доктором филологических наук, членом-корреспондентом Российской академии наук (не какой-то самозванной, жульнической, коих развелось, как блох на моей дворянке) Александром Васильевичем Лавровым (род. в 1949 г.). А. В. Лавров — автор замечательных книг, статей, публикаций по разноаспектной проблематике истории литературы «Серебряного века». Кстати, издатель переписки Белого-Блока — историк литературного процесса, реконструктор писательских биографий, историк текстов (таких исследователей крайне мало), а не истолкователь-интерпретатор (таких — пруд пруди). Есть «концептуальная», выпретенная, фантазийная литература о литературе, но есть и «конкретное литературоведение» (термин Д. С. Лихачева),

вернее, «конкретная история литературы» (историки литературы ничем и никем не «ведают»).

Термин «Серебряный век», введенный в оборот (по аналогии с пушкинским — «Золотым веком») на рубеже 1910–1920-х годов философом, историком литературы и общественной мысли, другом Блока, Белого, Есенина, позднее — узником сталинских тюрем и лагерей, критиком и публицистом Р. В. Ивановым-Разумником (1878–1946; умер в вынужденной эмиграции), навечно вошел в историю русской и мировой культуры. Русские символисты («старшие» и «младшие») явили миру непревзойденные образцы словесного творчества (проза, поэзия, критика, публицистика, литературно-философские трактаты, переводы, писательские письма и т. д.).

Переписка Андрея Белого (1880–1934) и Александра Блока (1880–1921) — вершинное достижение эпистолярной «Серебряного века». Публикатор-исследователь справедливо отмечает: «В истории русской литературы и в читательском сознании имена Белого и Блока давно уже сочетались в некое двуединство, подобное двуединству Гете и Шиллера в немецкой литературе или Байрона и Шелли в литературе английской... Будучи важнейшим биографическим документом для обоих корреспондентов, переписка одновременно представляет собой яркий литературный памятник, затрагивающий многие узловые моменты истории литературно-художественных и духовных исканий начала XX века. Формально принадлежа к образцам эпистолярного жанра, многие письма Белого и Блока, по существу, оказываются опытом самовыражения на том же поэтическом языке, в той же тональности и стилистике, какие присущи стихотворениям Блока, «симфониям» и философско-лирическим статьям Андрея Белого» (С. 3). Лучше не скажешь, все точно и верно.

Книга эта имеет свою любопытную историю. В самый разгар «сталинщины», господства марксистско-ленинской идеологии вышел в свет том: Александр

Блок и Андрей Белый. Переписка / Редакция, вступительная статья и комментарии В. Н. Орлова. М., 1940 (Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 7). Читатель, обрати внимание — Блок и Белый, — да, нарушена алфавитная последовательность. В принципе издатель и редактор (В. Д. Бонч-Бруевич) проявили большую отвагу (фолиант перенасыщен религиозно-мистической проблематикой, которая, ну, никак не была «ко двору»). Разумеется, во вступительной статье и в комментариях Блок, с поэмой «Двенадцать» вошедший в «пантеон» советской литературы, ретушируется, перекрашивается в идеологически приемлемую персону, а Белый предстает мистиком-дурачком, «религиозным мракобесом», тянущим революционного поэта в болото «окультизма» и «фидеизма»-«поповщины» (Ленин). Время было такое, страна была такая.

В новом издании все это выправлено, поставлено на место, переосмыслено и наново переписано. Читатель, поверь, Андрей Белый — национальный гений масштаба Пушкина. В издании 1940 г. ряд писем опубликован с обширными купюрами, разумеется, по идеологическим соображениям, многие тексты напечатаны с ошибками, 29 писем публикатор вообще выбросил из корпуса тома.

А. В. Лавров, предприняв новое, полное и исправленное издание переписки Белого с Блоком, тщательно выверил ее по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (бывшая «ленинка») и в Российском государственном архиве литературы и искусства. В данном издании напечатано все «беловско-блоковские» (простите за неуклюжие притяжательные прилагательные) эпистолярные тексты, включая телеграммы и записки.

Книге предпослано чрезвычайно компактное и информативное «Предисловие». Особое внимание хочу обратить на комментарии А. В. Лаврова к письмам Белого-Блока, представляющие собой некий «тезаурус»,

сокровищницу, исчерпывающий по полноте словарь духовных, биографических, бытовых реалий «Серебряного века». В комментариях учтены, в частности, практически все специальные исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Комментарии составлены с элегантным писательским мастерством, большим умом и тонким вкусом.

Читатель, не все же время читать Акунина-Пелевина-Сорокина. Отменные писатели, спору нет, но много в их творчестве мелкого и пошлого. Они не только «отражают» (вспомним ленинскую «теорию отражения») жизнь мелкую и пошлую, но и изменяют-модифицируют ее в сторону еще большей мелкости и пошлости, увы. Читатель, не прогневайся: и в «Идиоте» Достоевского, и в «Анне Карениной» Толстого, к прискорбию, много мелкого и пошлого. А вот в творениях «символистов» — нет, совсем нет и не было никогда никакой «пошлятины», — чистый Дух, горячий и ледяной одновременно. Даже в самом приземленном, «бытовом» романе Федора Сологуба (1863–1927) «Мелкий бес» (1905) посвистывает такой inferнальный сквозняк, что оторопь берет, и виски холодеют. Эти люди дышали странным воздухом (разреженным и удушливым одномоментно) интеллектуальных и сердечных страстей, эстетических предпочтений, поведенческих театральных кулис — а сценой был весь мир. Никакого прогресса в духовной жизни нет и не может быть. А регресса — да сколько угодно.

Жизнь Андрея Белого и Александра Блока — и интеллектуальная, и обыденная — интригующе интересна, круче, чем любой «дамский роман». Так, в 1906 г. возник трагический любовный треугольник: Блок — жена Блока Любовь Дмитриевна (урожденная Менделеева; 1881–1939) — Андрей Белый, принесший много горя «персонажам» этой «коллизии». В августе 1906 г. Белый вызвал Блока на дуэль, ровно через год Блок послал вызов Белому. Слава Богу, трагедии не произошло, дуэлянты объяснились и примирились.

Телефон и интернет умертвили эпистолярию как великий жанр, насчитывающий много сотен лет. Что поделать, мир стремительно изменяется, и это сильнее нас. Из глубин десятилетий изредка всплывают глубоководные рыбы, подобные книге, о которой идет речь в данной заметке, зовут и манят к себе. Если откроешь этот том, поверь, читатель, не оторвешься, пока не закроешь последнюю страницу — безумно интересно: пылающий интеллект, запредельные страсти, пугающая честность, пугающая лживость. И все это в невероятном, немислимом переизбытке. Ничего такого ты не читал и, пожалуй, не прочтешь. Переписка Белого с Блоком — вне времени, вне моды, вне «тусовочных» литературных рекомендаций и предпочтений. В сентябре 1930 г. поэт Всеволод Рождественский (1895–1977) зафиксировал свое впечатление от разговоров с Белым в Коктебеле: «Эпоха Великого Символизма в последний раз наяву прошла перед моими глазами, опалив своим дыханием мои легкие, уже привыкшие к воздуху низин». Читатель, воспарив из «низин» в горные сферы, не пожалеешь.

8 апреля 2002 г.

Бульвар имени ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, ФСБ

Все теперь стали «писателями», только мы с тобой, читатель, не писатели, а ежели и пописываем кое-что, так всяческую ерунду. Рекомендую книгу новопеченного писателя, да не какого-либо «обыкновенного», коих пруд пруди, а генерал-лейтенанта, начальника Управления программ содействия Федеральной службы безопасности Российской Федерации: **Александр Зданович. Свои и чужие — интриги разведки. М. Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», ЗАО «Масс Информ Медиа». 2002. 320 с. Тираж 5000 экземпляров.**

Александр Александрович, выражаясь простецким языком, главный «имиджмейкер» и «пиарщик» спецслужбы, чьи славные «предки» перечислены в заголовке заметки. Некогда они наводили смертельный, мистический ужас на весь мир, а ныне ФСБ в смокинге и галстукке выглядит вполне цивилизованно и «комильфотно» (словечко Ф. М. Достоевского). Насчет «бульвара» в заглавии рецензии я подпустил для «форсу». Книга весьма элегантно, умно и захватывающе интересна. Писатель (без всяких иронических кавычек) Зданович весьма профессионален и по языку, и по стилю, и по созданию занимательнейшей интриги, которая держит в напряжении читателя от первой до последней страницы. Вот такие на Руси-Матушке генерал-лейтенанты КГБ-ФСБ. Ну, есть в книге ощутимый «советский» флер, а кто без греха.

Книжка написана на основе тщательного изучения совершенно уникальных документов из по сей день потаенных архивов советских спецслужб. Я много лет «прослужил» в Рукописном отделе Института русской

литературы (знаменитый Пушкинский Дом). Никогда не забуду, как принимал под расписку протокол допросов Александра Блока в ВЧК. Поэт после провала левоэсеровского мятежа 6–7 июля 1918 года был арестован и несколько дней провел в наводившей ужас «чрезвычайке» на улице Гороховой, дом 2. А почему был арестован? Для ЧК он был подозрительным автором поэм «Двенадцать», «Скифы» и статьи «Интеллигенция и Революция», опубликованных в левоэсеровской газете «Знамя труда». За несколько лет до столетнего юбилея Блока питерское КГБ расщедрилось и передало в Пушкинский Дом этот в общем-то стандартный документ: имя, фамилия, не знаю, не участвовал и т. д. Позднее мы с коллегами неоднократно обращались в «органы» с официальными просьбами сообщить, к примеру, даты смерти расстрелянного Николая Клюева, умершего от голода в лагере Осипа Мандельштама, еще, мол, не сохранились ли у вас их конфискованные архивы. Ответа не было...

Две трети книги занимает документальное повествование, давшее название всему труду, о многоаспектной деятельности действительного статского советника, следователя по особым делам Владимира Григорьевича Орлова (1882–1941), талантливейшего и опаснейшего врага «мирового коммунизма» и советской власти. Читатель, тебе ничего не говорит это имя. А между тем господин Орлов может стать главным героем приключенческого романа в стиле Александра Дюма или увлекательного шпионского телесериала.

Жизнь персонажа Зданевича своей баснословностью напоминает легенду. Орлов родился в Рязани, потом родители переехали в Варшаву, где он учился в гимназии вместе с прославившимися в будущем террористами Иваном Каляевым и Борисом Савинковым.

Наш герой после окончания юридического факультета Варшавского университета участвовал в русско-японской войне, был ранен, служил следователем по политическим делам в Лодзи и Варшаве. В 1912–1913 гг.

Орлов расследовал дело о «подстрекательстве к мятежу», главным «фигурантом» в котором был Феликс Дзержинский. Орлов многократно допрашивал будущего главу ВЧК, получившего три года каторги.

За два года до начала Первой мировой войны Орлов переходит на контрразведывательную работу. На территории тогдашнего Привислинского края невероятную активность проявляли германская и австро-венгерская разведки. В 1912 году персонаж Зданевича становится следователем по особо важным (контрразведывательным) делам Варшавского, Виленского и Киевского военных округов. Книга Зданевича содержит весьма увлекательный, подробный и содержательный очерк истории царской контрразведки. Орлов раскрывает чрезвычайно важные дела по шпионажу.

В 1915 г. Орлов работал в Верховной следственной комиссии (в императорской военной ставке), расследуя сенсационные дела по обвинению в шпионаже бывшего военного министра генерала от кавалерии В. А. Сухомилова (арестован и приговорен к пожизненному заключению, в 1918 г. амнистирован большевиками по старости) и жандармского полковника С. Н. Мясоедова (повешен, как выяснилось позднее шпионом он не был). Эти дела привлекли внимание не только русских, но и иностранных газет (и разведок).

В 1916 г. Орлов принимает участие в раскрытии преступной деятельности тогдашних «олигархов» (Зданевич так и пишет): Д. Рубинштейна, А. Доброго, И. Бабушкина, переводивших врагу валютные средства, поставлявших нелегально германской армии сахар (стратегический продукт в условиях войны), нехватка которого остро ощущалась в русском тылу и на фронте. «Дело сахарозаводчиков» было «развалено» Г. Распутиным.

После Февральской революции контрразведывательная деятельность практически была прекращена. Потрясающий факт: Зданевич пишет, ссылаясь на главу французской военной миссии генерала Нисселя, о том,

что многие лидеры набравших силу большевиков «связаны с немецкими спецслужбами, действуют в их интересах, при их финансовой поддержке» (С. 70). Такое признание дорогого стоит, ибо за подобные пассажи при Ленине–Сталине просто-напросто убивали, а позже сажали в тюрьмы и психушки.

Орлов был последовательным убежденным монархистом, непримиримым врагом советской власти. После Октябрьского переворота он переходит на нелегальное положение и по поддельным документам на имя Болеслава Ивановича Орлинского устраивается на службу... в петроградскую контрразведку ВЧК, вновь многократно встречается с Дзержинским, который его не узнает, пишет ему докладные записки, одновременно возглавляя конспиративный разведывательный центр (80 агентов), поставлявший ценнейшие разведанные французам и англичанам. Орлов сотрудничал, в частности, с легендарным британским разведчиком Сиднеем Рейли, которому в книге уделено несколько ярких страниц. Разумеется, в первую очередь Орлов–Орлинский информировал лидеров нарождавшегося Белого движения. Вот такой не книжный, не «киношный», а совершенно реальный «двойной агент». Кстати, французы не доверяли Орлову, считая его агентом немецкой разведки. «Тройной агент»? Невероятный шпионский узел!

Под угрозой провала, при содействии сотрудников германского консульства, Орлинский, переодевшись в форму немецкого солдата, в сентябре 1918 г. бежит в Финляндию. Орлов и его проводник при переходе границы были тяжело ранены. Поправив здоровье, Орлов перебирается в «белую» Одессу, 6 февраля 1919 г. становится на короткий срок начальником контрразведывательного отделения штаба Добровольческой армии, вновь вступает в непримиримую схватку с «коминтерновцами». Именно с подачи Орлова была разгромлена одесская большевистская организация, арестована парижанка-коммунистка Жанна Лябурб,

которая вела революционную пропаганду среди французских военнослужащих, оккупировавших Одессу. Именно в столице Новороссии, как тогда говорили, Орлову приходит в голову мысль о создании Международного бюро по борьбе с «мировым большевизмом», с «большевистской заразой», в задачу которого входила бы, в частности, «регистрация и тщательный надзор за выезжающими из Совдепии агентами» (С. 142). И белые, и их западные союзники оказались совершенно равнодушными к этой идее.

В апреле 1919 г. красные на время захватывают Одессу. Орлов, как Агасфер, вновь бежит: на сей раз в Константинополь, откуда в мае того же года перебирается в Екатеринодар, в штаб А. И. Деникина. Чуть позднее Орлов становится руководителем врангелевской контрразведки. Он добивается существенной реорганизации белогвардейских спецслужб, контрразведывательную работу против ВЧК и Коминтерна наш герой переносит за границы бывшей Российской империи. В мае 1920 г. Орлов с документами на имя «ксендза Орбанского» совершает секретный вояж по Европе: Варшава, Рига, Таллин, Каунас, Париж, Лондон, где пытается создать разведывательные группы. Согласись, читатель, поразительная судьба, поразительная активность, маниакальная устремленность.

После катастрофического поражения белых Орлов обосновывается в Берлине. Великий мастер контршпионажа и шпионажа становится личным врагом Дзержинского. ЧК заводит «агентурное дело на Орлова и разведку Врангеля» (так !). Орлов выступает с идеей создания «Белого интернационала», но и это намерение остается втуне, ибо западные правительства не хотят тратить деньги на подобное прожектерство. Орлов становится экспертом разведслужбы Веймарской Германии, по идейным соображениям отказываясь от оплаты своих услуг. Он сыграл большую роль по разоблачению так называемой «германской ЧК», состоявшей из агентов Коминтерна.

Орлов стал чрезвычайно опасен для ВЧК, перформированной в ОГПУ (Объединенное главное политическое управление). ОГПУ сумело внедрить в ближайшее окружение Орлова своих агентов, прибегло к остроумному и эффективному «пиаровскому» ходу, в результате которого в 1929 г. «рыцарь плаща и кинжала» был арестован, судим и... Нет, молчок, читайте сами. Звезда Орлова закатилась. В гитлеровской Германии травля контрразведчика-разведчика усилилась. Он бежал в Бельгию, где в 1939 г. был схвачен агентами Мюллера (да, того самого, из «Семнадцати мгновений весны»), доставлен в Берлин и... Читайте сами: финал карьеры «человека отчаянной жизни» (определение многолетнего соратника контрразведчика, знаменитого эсеровского публициста Владимира Бурцева) трагичен и загадочен.

Треть книжки занимают интереснейшие документальные очерки о переведенном ЧК резиденте польской разведки И. И. Добржинском, об организованном чекистами бегстве из Константинополя в советскую Россию генерала Я. А. Слащёва (прототип генерала Хлудова из пьесы М. А. Булгакова «Бег»), о трагической судьбе коминтерновца-контрразведчика поляка Я. К. Ольского (Куликовского), о подруге Есенина Галине Бениславской. Этот очерк заслуживает особого внимания. В октябре 1920 г. против поэта было открыто «дело по обвинении его в контрреволюции». Читатель, не нужно напоминать о том, чем такие дела заканчивались. Есенина спас Яков Блюмкин, левый эсер, убийца германского посла графа Мирбаха, который письменно взял поэта «на поруки под личную ответственность» (С. 272–273).

Чрезвычайно информативна глава «Секретные лаборатории Рейхсвера в России». Автор приводит множество документальных сведений о том, как правительство СССР и ОГПУ на свою голову тайно, на собственной территории, споспешествовали восстановлению военной машины поверженной Германии, что

нам аукнулось реками крови в 1941–1945 гг. Книжка завершается очерками «Неизвестная Полина Раскова» (знаменитая летчица была штатным сотрудником НКВД), «История предательства Власова» (приводятся новые документы), «Радиоигра с «Сатурном»» (читатели постарше, вероятно, помнят фильм, военный триллер, в основу сюжета которого легла эта операция советской контрразведки СМЕРШ). Занятная книга! Прочитайте!

25 апреля 2002 г.

«Сталин Кирова убил в коридорчике», или «Лаврентий Палыч Берия»

Частушки «Ох, огурчики-помидорчики. // Сталин Кирова убил в коридорчике» и «Лаврентий Палыч Берия // Не оправдал доверия, // А товарищ Маленков // Надавал ему пинков» я записал двадцать лет назад в деревне Коровкино, расположенной на острове между Староладожским и Новолодожским каналами, в 154 километрах от Питера, у коровкинских постоянных насельников бабы Василины Ивановны и деда Алексея Фроловича. Эти достойные люди в почтенных годах, дай им, Бог, здоровья, на своей шкуре испытали все крутые повороты советской истории прошлого века, начиная с коллективизации, которую они называли дивным концептуальным термином «сгонка», прошли войну, вынесли позднее сталинское лихолетье, «хрущевщину», застой, а перестройку и распад СССР мы переживали вместе: я несколько лет провел в этой деревеньке в три дома без электричества, с водой из проруби, с дровами из леса и т. д. Я еще вернусь к своим сельским друзьям-наставникам, получившим от щедрой советской власти четырехклассное образование, каторжный труд из десятилетия в десятилетие и нищенскую пенсию на склоне лет.

Читатель, книгу, о которой я поведу на сей раз речь со смущением и неким терзанием душевным, не купишь в новомодном питерском книжном магазине-дворце или на лотке в центре города. Издательский бизнес вновь стал весьма доходным, посему продавцы берут на продажу только тот товар, который быстро расходуется. Итак, на книжном развале в пригородно-парковом Ораниенбауме-Ломоносове я купил толстенный

том: Ю. И. Мухин. Убийство Сталина и Берия: Научно-историческое расследование. Издательство «Крымский мост-9Д» и НТЦ «Форум». М., 2002. 732 С. Тираж 10000 экземпляров.

«Расследование» принадлежит перу Юрия Игнатьевича Мухина, редактора одиознейшей, сверхпатриотической «Дуэли» — «газеты борьбы общественных идей», для которого господа Зюганов, Проханов (лидер «газеты Государства Российского» — «Завтра»), писатели А. Солженицын, В. Распутин, да и все остальные «патриоты» не просто политические противники, а предатели и враги. Читатель, был социалистический гуманизм, базировавшийся на набухшем кровью афоризме М. Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Внесем от себя небольшое уточнение: если враг сдается, то его уничтожают в первую очередь. Вот так и только так. Газета «Дуэль» стоит на двух китах-платформах: «Армия воли народной» и «Программа русского гуманизма». Эти люди хотят, к примеру, казнить неудобных им носителей исполнительной и законодательной властей. Скажем прямо и без обиняков, они, ненавидя свободу слова, недурственно пользуются ее плодами. Внимание! Тревога! В 1917 году в России, в 1933 году в Германии обыватели, как страусы, прятали головы в песок, мол, пронесет и нас не заденет, и что из этого вышло. Господин Мухин «со товарищи» отнюдь не марксист-коммунист: те давно вписались в «системную оппозицию», возлюбили американский доллар паче Ленина-Сталина, с комфортом вошли в политический истеблишмент. А эти — что-то вроде нацистов, увы.

Теперь о книге. В предисловии Ю. Мухин пишет: «Вы взяли в руки детектив, правда, с особенностями. В обычном детективе есть герой, который расследует преступление, а в этом детективе расследовать преступление будете вы, читатели. Автор, как милицкий опер, будет разыскивать факты для нашей следственной работы, а выводы вы делайте сами» (С. 5).

Все не так просто: автор разыскивает факты, как милицейский опер, а истолковывает, разжевывает и запикивает в рот читателю, как следователь гестапо. Кстати, «Источники фактов» к фолианту насчитывают 285 номеров, все проработано с исключительным скрупулезным тщанием.

Вот здесь бы «воздеть очи горе», потом «опустить их долу» и вынести вердикт: книга — дрянь, автор — бездарь, возможные читатели — дураки. Э, все не так просто. Автор яростно талантлив, мыслит парадоксально, ошарашивает читателя неожиданными суждениями и выводами. Книга представляет собой детективную историю ВКП(б)-КПСС, превосходящую по качеству пристрастной аналитики легендарный труд А. Авторханова «Загадка смерти Сталина» (еще в начале 1980-х годочков за чтение этой книги можно было получить тюремный срок).

Ю. Мухин с фактами в руках обосновывает версию об убийстве Сталина и Берия партноменклатурой во главе с... нет, умолчу. Оба лидера советского государства попытались осуществить некую «перестройку», ограничить всевластие бездельников из партийных структур, но им не дали. Эта мрачная история реконструирована автором доказательно, остроумно и дельно.

Свидетельствую. Мой отец в 1952–1954 годах был главным рентгенологом и радиологом Советской Армии, участвовал в осуществлении проекта водородной бомбы (защита от радиации), многократно встречался с Берия, боялся его, но ценил деловую хватку, служил в здании рядом с Кремлем, заработал на испытательном полигоне хроническую лучевую болезнь, которую тайно, оформив как сердечное заболевание, лечили в госпиталях Москвы и Ленинграда, правда, нас с матушкой в палату пускали. Мой покойный батюшка, которого я сотни раз уговаривал надиктовать воспоминания, всегда говорил, что Сталин и Берия были убиты, причем Берия — в день ареста, а суд и расстрел в декабре

1953 года — фальшивка и инсценировка. Отец не оставил мемуаров по той простой причине, что дал письменную расписку о неразглашении, нарушение которой каралось расстрелом. Время было такое.

А вот что нельзя простить автору этой умной и доказательной книги: над ней курится смрадный антисемитский чад. «Жи́ды» у господина Мухина не просто евреи по крови, а евреи по духу. Главные «жи́ды» — русское дворянство (во главе с Николаем II) и российская интеллигенция (творческая, в первую очередь). Есть в этом «бессмертная зависть чандалы» (Ницше) к словесникам и деятелям искусства, автор — химик-«технар», мой ровесник. А есть, разумеется, и несомненное психическое заболевание. Анализ документов, разоблачение «фальшивок», доказательные версии, четкие выводы и — вдруг — бац — «жи́ды». И я, читатель, «жид», ибо литератор, и ты — «жид», раз читаешь мою стряпню. И есть несомненное уголовное преступление, которое должны карать правоохранительные органы. «Жи́ды», «жи́ды» и «мальчики кровавые в глазах». Э, читатель, не зажимай брезгливо нос, желательнее знать, какое настоящее и будущее ОНИ нам проектируют.

Господин Мухин — апологет Сталина и сталинского социализма, не зашоренный дурак-краснобай, а аналитик, перелопативший горы литературы, изучивший отечественную и зарубежную статистику (душевой валовой продукт, рост производства, курсы валют). Либеральная пресса часто пишет о Сталине как о шизофренике-уголовнике. Автор раздирает на куски ряд просто-напросто глупо, с чудовищными ошибками-ляпами подделанных документов. На самом деле Сталин — фигура демонически величественная, титанически злодейская, кровавая и благодетельная одновременно, наплывшая медальным профилем на весь XX век. Книга содержит реестр редких фактов, подтверждающих звериную мудрость и пронизательность «вождя народов».

Величайший антикоммунист У. Черчилль сказал 21 декабря 1959 года в своем выступлении в Палате общин накануне 80-летия «смуглолицего вождя»: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин... Он создал и подчинил себе огромную империю... Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением» (С. 249–250). Эх, ребята, зря вы все нудите про уголовного пахана. Черчиллю, ну, пусть кое в чем, можно верить.

Возвращаюсь к началу заметки. Господин Мухин пишет о сусальной любви народа к своему вождю. Свидетельствую еще раз. Простые крестьяне, выброшенные коллективизацией из своих деревень, тетя Валя и дед Фролович, малограмотные, но житейски умные, помнившие расстрелы и погромы, кровавый каток войн и потрясений, относятся к Сталину с содрогательным ужасом и животной ненавистью, которая и не снилась нашим либералам и квазипатриотам. В сакральном ужасе они никогда не произносили табуированную фамилию: только «Усатый Хозяин». Вот такая книга, преступная, маргинальная, вызывающая тошноту, но... незабываемая.

11 мая 2002 г.

Содержание

1. Вечная память...	3
2. Литературный хулиган	8
3. «Лысый — в кепке — и простой»	11
4. «В пучине мира мы — нечаянный огонь»	14
5. «Игры во власть. Политика»	17
6. Надмогильные надписи в стихах	22
7. Кто такой Пелевин?	25
8. Круче, чем Умберто Эко	29
9. Б. Акунин и белая собака (сизая кобыла)	33
10. Сетевая литература («сетература»)	38
11. Центрохладобойня, или Толковая книга	44
12. Сибирский брадобрей, или Спасибо Вам, дорогой, Никита Сергеевич	50
13. «Бумажный» литератор о сетевом писателе	58
14. Странный русский англичанин	64
15. Запад есть Запад, или ОБЖ	69
16. Философия Михаила Веллера, или Вращение позитивистского пропеллера	75
17. Российская Империя (теория и практика), или Они о Нас	81
18. Культура (литература) и царство (Империя), или Мы о Себе	87
19. «Развлечение для взыскательного читателя», или Новая книга Б. Акунина о пращуре и внуке великого сыщика	93
20. Сенсационная история, или Историческая сенсация	99
21. «Прошлое еще впереди», или Цветаева и Рильке	104
22. Власть и писатель, или Воланды и Михаил Булгаков	109
23. Постсоветская питерская медицина	114
24. Литературная сенсация, или Сенсационная литература	117

25. Обломов в Межзеркалье, или Очень «крутая» книга	122
26. Кромешный свет, или Прodelки Люцифера	127
27. Последний роман Империи, или Талант не спрячешь	132
28. «Книга писем», или «Записки из подполья»	137
29. Оправдание «системы», или Тайна советской власти	142
30. Раз... Путин, два... Путин, или Интеллектуальный роман	147
31. Разговоры с Лоуренсом Стерном, или Отменная книга	152
32. Один в трех, или Три в одном (о трех книгах Б. Акунина)	157
33. Сага о сыщике Путилине, или Анти-Акунин	162
34. Первый роман Империи, или Талант не подделаешь	167
35. Поэт о поэтах, «о времени и о себе»	172
36. «Тонкая» книга Татьяны Толстой, или «Кысь», «брысь», «рысь», «Русь»...	177
37. «Томов премногих тяжелей», или «Отгадки» питерского политолога	182
38. Князь детектива, или Прелестная книга	188
39. «Протоперестройка» царевны Софьи, или Снова Они о Нас	193
40. Маска сброшена, или Истинное лицо Б. Акунина	198
41. «Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар...»	203
42. Исповедь шпиона, или Прелестная книга	208
43. «Двести лет вместе», или О закваске и тесте	213

44. Исторический бульвар, или Бульварная история	219
45. Интеллектуальный роман с Теорией права	225
46. Не «все могут короли», или Грустная книга о великой монархине	230
47. «Время собирать камни», или Научно-популярная книга	235
48. Сокровищница «Серебряного века»	240
49. Бульвар имени ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, ФСБ	245
50. «Сталин Кирова убил в коридорчике», или «Лаврентий Палыч Берия»	252